
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2026

Воронежский государственный университет
Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Кафедра общего языкознания и стилистики
Центр коммуникативных исследований ВГУ
имени проф. И.А. Стернина

Сопоставительные исследования 2026

Продолжающееся
научное издание

Выходит с 2004 г.

Выпуск 23

Москва
2026

УДК 81-23
ББК 81
С 79

Редакционная коллегия:

проф. М.А. Стернина – научный редактор
доц. А.В. Рудакова – зам. научного редактора
проф. А.П. Бабушкин, доц. Н.А. Козельская

С 79 Сопоставительные исследования 2026: сборник научных статей /
Науч. ред. М.А. Стернина – Продолжающееся научное издание. Вып.
23. – Москва: «РИТМ», 2026. – 190 с.

ISBN 978-5-00208-210-0

Предлагаемый сборник научных трудов является двадцатым третьим в серии ежегодных публикаций Воронежского государственного университета, посвященных проблемам сопоставительных исследований.

В сборнике представлены итоги работы по сопоставительной проблематике в 2025 году членов теоретико-лингвистической школы ВГУ в области общего и русского языкознания, а также материалы проведенной в рамках работы школы XII Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», состоявшейся 5 февраля 2026 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Рецензенты: *проф. В.М. Топорова, д.фил.н. Е.А. Маклакова*

Компьютерная верстка, оригинал-макет – *М.А. Стернина*

УДК 81-23
ББК 81

ISBN 978-5-00208-210-0

© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «РИТМ», 2026

Раздел 1. Вопросы теории сопоставительных исследований

М.А. Стернина

Шкалирование как инструмент выявления национальной специфики семантики

Аннотация: В статье рассматриваются возможности процедуры шкалирования, являющейся одной из двух основных процедур разрабатываемого в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрического метода, для выявления национальной специфики семантики.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, национальная специфика, шкала.

Abstract: The paper discusses the possibilities of the scaling procedure, which is one of the two main procedures of the comparative-parametric method being developed within the framework of the Voronezh School of Theoretical Linguistics, to identify the national specifics of semantics.

Key words: comparative-parametric method, national specifics, scale.

Выявление национальной специфики семантики лексических единиц по-прежнему остается важной лингвистической проблемой. Вплоть до недавнего времени при описании национальной специфики семантики лингвисты ограничивались лишь фактом ее констатации и не озадачивались вопросом о степени ее проявления. Между тем просто констатация факта наличия национальной специфики семантики лексических единиц разных языков по-существу никакой научной ценности не представляет: наличие национальной специфики в значениях лексем разных языков предполагается, как выражаются математики, «по определению» и никаких дополнительных исследований и доказательств не требует.

С появлением в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований стало возможным не просто констатировать наличие или отсутствие национальной специфики семантики лексических единиц, но и определить степень ее проявления. Такая возможность предоставляется исследователям благодаря шкалированию – одной из двух основных исследовательских процедур данного метода.

Процедура шкалирования тесно связана с еще одной процедурой сопоставительно-параметрического метода: индексализацией и предполагает придание полученным на первом этапе исследований представленным в виде индексов количественным данным объективных качественных характеристик.

За более чем 20 лет развития сопоставительно-параметрического метода в его арсенале появилось 17 шкал, из которых девять носят общий

(интегральный) характер, а восемь являются частными. Общие (интегральные) шкалы являются универсальными и могут применяться для исследования соответствующего языкового материала в разных языках, в то время как частные были введены в ходе исследования конкретного участка языковой действительности одного языка и ограничены использованием только для этого участка языковой действительности.

Для определения степени выраженности национальной специфики семантики используются общие (интегральные) шкалы. Так, для определения национальной специфики лексических группировок используются введенные С.В. Колтаковой (Колтакова 2008) *шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам* и *шкала выраженности национальной специфики лексических группировок*. Первая из этих шкал существует в двух вариантах: для параметров, выраженных в процентах, и параметров, выраженных в абсолютных числах. Такая необходимость вызвана тем фактом, что часть используемых для определения национальной специфики представленных в виде индексов параметров выражена в процентах, а часть – в абсолютных числах. Согласно этой шкале национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления характеризуются как **несущественные, видимые, заметные, существенные, гиперсущественные** и **сверхгиперсущественные**.

Для параметров, чьи индексы представлены процентами, степень проявления национальной специфики равняется численной разнице между показателями индексов сопоставляемых групп в разных языках. Если расхождения между показателями индексов составляют более 20%, то национально-специфические различия характеризуются как **сверхгиперсущественные**. При расхождениях в диапазоне от 15% до 20% различия характеризуются как **гиперсущественные**. Расхождения в интервале от 10% до 15% трактуются как **существенные**, в интервале от 5% до 10 % – как **заметные**. Если разница между показателями индексов составляет от 1% до 5%, то национально-специфические различия признаются **видимыми**, при разнице менее 1% – **несущественными**. Если индексы оказываются одинаковыми и разница между ними равняется нулю, констатируется **отсутствие** национально-специфических различий.

Для параметров, представленных абсолютными цифрами степень проявления национальной специфики вычисляется через отношение соответствующих абсолютных показателей сравниваемых групп. Если отношение абсолютных чисел равно единице, констатируется **отсутствие** национально-специфических различий, если полученные цифры находятся в диапазоне от 1,01 до 1,1, то данные различия признаются **несущественными**, если эти цифры находятся в промежутке от 1,1 до 1,2

– **видимыми**. Если показатели варьируются от 1,2 до 1,3, то различия характеризуются как **заметные**. Если цифры оказываются в интервале от 1,3 до 5,0, степень проявления национальной специфики квалифицируется как **существенная**, при показателях от 5,1 до 10,0 – как **гиперсущественная**. Если отношение абсолютных показателей превышает 10,0, национальная специфика по данному параметру признается **сверхгиперсущественной**.

Окончательный вывод о степени выраженности национальной специфики лексических группировок делается на основании *шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок*. Данная шкала была введена С.В. Колтаковой (Колтакова 2008) и затем в разное время дополнена С.И. Деркач, С.А. Черниковой, И.Ю. Востриковой, В.И. Федосовой и Д.В. Утицких. Согласно данной шкале в зависимости от характера преобладающих национально-специфических различий степень выраженности национальной специфики квалифицируется как **невыраженная, неярко выраженная умеренно выраженная, ярко выраженная** или **гипервыраженная**. Для большей наглядности представим данную шкалу в виде таблицы:

Шкала выраженности национальной специфики лексических группировок

<i>Характер преобладающих национально-специфических различий</i>	<i>Степень выраженности национальной специфики</i>
отсутствие различий	невыраженная
несущественные и видимые	неярко выраженная
несущественные, видимые и отсутствие различий	неярко выраженная
отсутствие различий и заметные	неярко выраженная
несущественные и заметные	неярко выраженная
отсутствие и существенные (гиперсущественные или сверхгиперсущественные)	умеренно выраженная
несущественные и существенные	умеренно выраженная
несущественные, видимые и гиперсущественные (или сверхгиперсущественные)	умеренно выраженная
видимые и заметные	умеренно выраженная
видимые и существенные	умеренно выраженная
заметные и существенные	ярко выраженная
гипер- и сверхгиперсущественные	гипервыраженная

Алгоритм использования данных шкал таков: сначала на основе первой шкалы – *шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам* делается вывод о характере национально-специфических различий по отдельным параметрам, а затем на основе *шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок* делается окончательный вывод о степени выраженности национальной специфики исследуемых групп лексики.

Отметим, что данный алгоритм может быть применен к выявлению степени выраженности национальной специфики любых группировок в любых языках. Приведем несколько примеров использования вышеописанных шкал. Так, С.В. Колтаковой при изучении тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках на основе превалирования *существенных и заметных* национально-специфических различий был сделан вывод, что обе данные группы демонстрируют **ярко выраженную** национальную специфику (Колтакова 2008).

При проведении аспектного анализа национальной специфики тематических групп «Политика» в русском и английском языках С.И. Деркач (Деркач 2011) было установлено, что степень выраженности национальной специфики по отдельным аспектам является неодинаковой. Так, в аспекте *семантического развития лексем группы* степень выраженности национальной специфики является **ярко выраженной**, в *количественно-структурном* аспекте, аспектах *типологической характеристики семем группы и семантической близости лексем группы*, а также *эмоционально-оценочном* аспекте – **умеренно выраженной**, а в *функционально-стилистическом* аспекте – **неярко выраженной**. При этом в целом национальная специфика тематических групп «Политика» в русском и английском языках в соответствии со *шкалой выраженности национальной специфики лексических группировок* была признана **умеренно выраженной**.

Для определения национальной специфики семантем используется введенная Л.А. Кривенко (Кривенко 2013) *шкала выраженности национальной специфики семантем*, согласно которой в зависимости от численных значений среднего интегрального индекса национально-специфических различий, определяемого как среднее арифметическое показателей всех интегральных индексов, используемых для характеристики семантем, степень выраженности национальной специфики характеризуется как **неярко выраженная** (при значении среднего интегрального индекса меньше 10%, **умеренно выраженная** (при значении среднего интегрального индекса в диапазоне от 10 до 20%), **ярко выраженная** (при значении среднего интегрального индекса в интервале от 20 до 30%), **гипервыраженная** (при значении среднего интегрального

индекса от 30 до 50%) и *сверхгипервыраженная*, когда значение индекса превышает 50%.

Представительницами Воронежской теоретико-лингвистической школы с использованием данной шкалы был осуществлен аспектный анализ особенностей семантем наиболее частотных русских и английских лексем различной частеречной отнесенности и определена степень выраженности их национальной специфики. Так, в соответствии со значением среднего интегрального индекса 27,7% национальная специфика наиболее частотных субстантивных лексем была квалифицирована как **ярко выраженная** (Кривенко 2013). Величина среднего интегрального индекса 19,4% позволила охарактеризовать национальную специфику наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков как **умеренно выраженную** (Никитина 2013). Значение среднего интегрального индекса, равное 34,8%, позволило сделать вывод о **гипервыраженной национальной специфике** наиболее частотных адвербиальных лексем русского и английского языков (Кочетова 2017), а значение 33,7% дало основание прийти к заключению о **гипервыраженной** национальной специфике наиболее частотных адективных лексем русского и английского языков (Карпенко 2022).

Использование шкалирования как инструмента определения национальной специфики семантики дает возможность определять степень ее выраженности не только при сопоставительных, но и при контрастивных исследованиях. Так, Л.В. Лукиной была разработана *шкала определения типов межъязыковых соответствий* (Лукина 2008), согласно которой на основании значения интегрального индекса идентичности лексем определяются следующие типы межъязыковых соответствий: *полные (эквивалентные), ближайшие, близкие, дальние*. При значении интегрального индекса, равном нулю, констатируется *отсутствие соответствия*. Данная шкала непосредственно не определяет степень выраженности национальной специфики сравниваемых контрастивных пар, но используемые в ней формулировки, определяющие тип межъязыкового соответствия, в действительности показывают степень ее выраженности: совершенно ясно, что эквивалентные соответствия не демонстрируют никакой национальной специфики, в то время как дальние соответствия демонстрируют ее в наибольшей степени.

Аналогично работает и разработанная Д.В. Козельской *шкала определения типов переводных соответствий* (Козельская, Стернина 2018), согласно которой на основании того же интегрального индекса идентичности лексем типы переводных соответствий определяются как *эквивалентные, оптимальные, подходящие, приемлемые* или *неподходящие*, а при нулевом значении индекса констатируется *отсутствие соответствия*. Данная шкала дает возможность переводчику выявить и выбрать из имеющихся соответствий наиболее удачный вариант

перевода, характеризующийся наименьшими национально-специфическими различиями с переводимой лексической единицей.

На основе данной шкалы В.И. Федосовой (Федосова, Стернина 2024) была предложена *шкала выраженности национальной специфики контрастивных пар*, определяющая степень выраженности национальной специфики контрастивных пар в двух языках. Согласно этой шкале при преобладании среди контрастивных пар изучаемой группировки *эквивалентных* и *оптимальных* соответствий степень выраженности национальной специфики характеризуется как **неярко выраженная**, при преобладании *подходящих* соответствий – как **умеренно выраженная**. Если в исследуемой группировке доминируют *приемлемые* и *неподходящие* соответствия, степень выраженности национальной специфики определяется как **ярко выраженная**, при преобладании *неподходящих* соответствий и *отсутствий* соответствий степень выраженности национальной специфики признается **гипервыраженной**.

Использование этой шкалы для определения степени выраженности национальной специфики контрастивных пар наименований лиц по кровному родству в русском и английском языках показало, что из 158 входящих в данную группировку контрастивных пар 24 являются *эквивалентными*, 70 – *оптимальными*, 62 – *подходящими* и 2 – *приемлемыми* соответствиями. Преобладание *эквивалентных* и *оптимальных* соответствий позволило сделать вывод о **неярко выраженной** национальной специфике данной группы наименований.

Используемое в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалирование, таким образом, зарекомендовало себя как действенный инструмент выявления национальной специфики семантики при проведении как сопоставительных, так и контрастивных исследований, позволяющий не просто констатировать наличие или отсутствие национальной специфики, но и определять степень ее проявления.

Литература

1. Карпенко И.С. Национальная специфика семантем русской и английской адъективной лексики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2022.
2. Козельская Д.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: «Ритм», 2018.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
4. Кочетова Н.В. Национальная специфика семантем русской и английской адвербиальной лексики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2017.
5. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
6. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межкультурной семантической эквивалентности (на материале наименований

речевых событий в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.

7. Никитина И.Н. Национальная специфика семантем русской и английской глагольной лексики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
8. Федосова В.И., Стернина М.А. Национальная специфика наименований лиц по прямому родству в русском и английском языках (сопоставительный контрастивный анализ) // «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2024. – №4. – С. 65-74.

О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарова
Полиязычный словарь
«БРИКС: дискурсивные метафоры»:
новый вектор развития сопоставительной лексикографии¹

Аннотация: В статье обосновываются методологические принципы создания полиязычного словаря метафор: обеспечение сопоставимости корпусов на пяти языках, формирование словника, особенности словарной статьи.

Ключевые слова: полиязычный словарь, метафора, дискурс, БРИКС, сопоставительный метод.

Abstract: The paper outlines methodological principles for compiling a multilingual dictionary of metaphors, with a focus on ensuring cross-linguistic corpus comparability, wordlist formation, and specific features of a dictionary entry.

Keywords: multilingual dictionary, metaphor, discourse, BRICS, contrastive method.

Сопоставительная (контрастивная) лексикография представляет собой междисциплинарное направление в теории и практике составления словарей, основной целью которого является сравнение особенностей функционирования систем как родственных, так и неродственных языков. Своими корнями сопоставительная лексикография восходит к контрастивной лингвистике, теоретические положения которой были обоснованы и детально описаны в работах И.А. Стернина (Стернин 2004, 2006) и других представителей Воронежской теоретико-лингвистической школы (Лукина 2018; Стернина 2018 и мн. др.). Контрастивная лингвистика как научное направление реализует задачи не только сугубо теоретического, но и практического (прикладного) характера. С наибольшей силой потенциал контрастивной лингвистики реализуется в процессе языковедческого описания процессов межкультурной коммуникации, политического и массмедийного дискурса, деятельности международных объединений.

Целью большинства контрастивных лексикографических продуктов является выявление и описание этнокультурных особенностей как

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049 – <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

репрезентантов цивилизационной и культурной идентичности народов, говорящих на разных языках. Так, например, курскими лингвистами разрабатываются контрастивные лингвофольклорные словари на материале русских и английских лирических произведений (Бобунов 2010). Создаются словари, в которых зафиксированы универсальные и национально-специфические особенности наименования лиц (Маклакова 2020). Контрастивная лексикография находит применение в лингводидактике, когда создаются двуязычные сопоставительные учебные словари (Никитина, Жуманиязов 2019). В настоящее время контрастивная лексикография развивается в направлении изучения не только двух, но и нескольких языков (Савенко 2015). Такому вектору развития сопоставительной лексикографии отвечает предлагаемый полиязычный словарь «БРИКС: дискурсивные метафоры».

На первом этапе задача в создании полиязычного словаря «БРИКС: дискурсивные метафоры» состоит в определении принципов построения корпусов эмпирического материала, обеспечивающих их сопоставимость. С одной стороны, языки стран БРИКС (португальский, русский, хинди, китайский, английский) разнородны с точки зрения генетической принадлежности, типологических характеристик на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях организации языковой системы и систем письменности (алфавитной (кириллица, латиница), абугиде (деванагари) и логографической (иероглифика)), что требует «дифференцированного» подхода, учитывающего специфику каждого языка (Солопова, Кошкарлова 2025).

Столь же необходим учет экстралингвистических факторов, связанных с институциональной природой медиадискурса каждого государства. К последним относятся идеологический и правовой статус привлекаемых для компиляции корпусов изданий, механизмы редакционной политики и цензуры, степень освещения международной повестки, доступность материалов и цифровых архивов для российского исследователя (Калинин, Солопова, Кошкарлова 2025).

С другой стороны, для обеспечения сопоставимости данных требуется разработка унифицированных критериев и формализованных процедур на всех этапах работы. Такими «сквозными» принципами формирования корпусов на национальных языках являются тематический критерий, состоящий в отборе материала на основе единых ключевых слов, и хронологический критерий, предполагающий включение материала с 2006 (года основания БРИКС) по настоящее время.

Следующая задача связана с формированием словника. Критерием для включения метафор в словник является их частотность. Из каждого сформированного иллюстративного корпуса с помощью процедуры сплошной выборки извлечены метафорические единицы со сферами-мишенями «БРИКС» в целом и отдельными странами-участниками

объединения: Россия, Китай, Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика (ЮАР). Затем метафоры систематизированы по сферам-источникам (X – это Y), что позволяет выявить метафорические модели и структурировать их фреймовый состав, например, метафорическая модель «БРИКС – это СЕМЬЯ», в рамках которой страны-участницы концептуализируются как члены этой семьи, или фрейм этой модели «БРИКС – это БРАТСТВО», в котором государства представляются братьями (Солопова, Кошкарлова 2024).

Проведенный сопоставительный анализ систем метафорических моделей и их фреймов позволяет, с одной стороны, выявить устойчивые модели метафоризации, универсальные для дискурсов пяти стран, с другой – специфичные, но частотные модели, характерные для каждого национального дискурса в отдельности. Единицы универсальных моделей составляют словник первой части словаря, в то время как специфичные метафоры формируют словник второй части.

Третья задача состоит в определении микроструктуры словаря – оптимального набора словарных зон для представления заголовочных единиц на пяти языках, которая призвана отразить как общие, так и специфичные для каждого национального дискурса компоненты их содержания. Словарная статья включает заголовочную единицу, зону семантизации, этимологические сведения, лингвокультурологический комментарий, иллюстративные примеры, дискурсивные смыслы и перекрестные ссылки (Солопова, Кошкарлова 2025). Следует особо оговорить, что в структуре словарной статьи отсутствуют фонетическая и грамматическая зоны. Во-первых, их включение привело бы к неоправданной громоздкости из-за необходимости представления данных для пяти различных языков. Во-вторых, заголовочные единицы представлены в системах письменности разного типа, и описание фонетических особенностей потребовало бы для единиц на хинди и китайском языке сначала транслитерации (по стандартам IAST и Пиньинь соответственно), а затем – универсальной транскрипции (например, IPA), практическая польза которой для предполагаемой русскоязычной аудитории словаря (лингвистов, политологов, культурологов) представляется сомнительной. В-третьих, отказ от грамматической зоны продиктован неоднородностью материала, поскольку для столь различных с точки зрения морфологической типологии языков и количества словоизменяемых категорий существительного в них невозможно предложить единую показательную словоформу.

Таким образом, каждая словарная статья представляет собой комплексное описание метафоры, в котором последовательно раскрываются общие для всех пяти языков значения, выявленные с помощью сопоставительного анализа дефиниций в толковых словарях, этимологическое происхождение единицы, лингвокультурная специфика

метафорического образа в дискурсе каждой страны, примеры употребления метафоры в политическом и медиадискурсе о БРИКС, общие смыслы, реализуемые данной метафорой в пяти дискурсах.

Литература

1. Бобунов А.М. Контрастивный словарь как база выявления этнокультурных особенностей // Традиционная культура. – 2010. – № 2(38). – С. 54–62.
2. Калинин О.И., Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Метафора и дискурс: методология лингвистических исследований. – М.: Издательский дом ВКН, 2025.
3. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики и межъязыковая эквивалентность // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2018. – № 2(38). – С. 163–172.
4. Маклакова Е.А. Контрастивные словари наименований лиц нового типа // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4-1(23). – С. 47–52.
5. Никитина Т.Г., Жуманиязов М.А. Лексика и фразеология в двуязычном сопоставительном учебном словаре // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 70–83.
6. Савенко А.С. Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь как источник для изучения явления мотивации слов // Вопросы лексикографии. – 2015. – № 2(8). – С. 98–109.
7. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Доброе братство лучше богатства: семейная метафора в дискурсах стран БРИКС // Южно-российский журнал социальных наук. – 2024. – Т. 25. – № 4. – С. 39–54.
8. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Микроструктура полиязычного словаря «БРИКС: дискурсивные метафоры» // Вопросы лексикографии. – 2025. – № 36. – С. 26–44.
9. Стернин И.А. Сопоставительная и контрастивная лингвистика // Сопоставительные исследования 2004. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 3–11.
10. Стернин И.А. Контрастивная лексикология и лексикография. – Воронеж: Истоки, 2006.
11. Стернина М.А. Сопоставительные исследования германских языков воронежской школы сопоставительных исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 4. – С. 80–82.

С.В. Колтакова, Н.И. Малыхина

К вопросу о методике анализа консубстанциональных слов

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению возможности применения сопоставительно-параметрического метода для анализа и выявления степени терминологизации консубстанциональных слов.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, терминология, консубстанциональные слова.

Abstract: The paper considers the possibility of applying the comparative-parametric method to analyze and determine the degree of terminologization of consubstantial words.

Key words: comparative-parametric method, terminology, consubstantial words.

В качестве признаков, позволяющих отграничить термины от нетерминов, С.В. Гринев-Гриневиц выделяет следующие: обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, конвенциональность и целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи, номинативность, стилистическая нейтральность (Гринев-Гриневиц 2008, с. 30). В свою очередь, дефинированность обуславливает и такие свойства термина, как относительную независимость от контекста и однозначность. Ряд исследователей отмечали, что однозначность термина должна препятствовать появлению полисемии, омонимии и синонимии терминологии. Однако проводимые исследования подтверждают тот факт, что термин подвержен тем же лексико-семантическим процессам, что и общепотребительная лексика. В настоящее время признано явление полисемии термина, при котором одна специальная лексема обозначает несколько разных явлений. Как отмечает Г.А. Дианова, «существующий язык науки не может дать адекватного выражения новым понятиям, поэтому для выражения нового понятия наука прибегает к уже существующим в языке словам» (Дианова 2002, с. 186).

Ряд исследователей отмечают, что антропоцентризм современной лингвистики предполагает рассмотрение термина не только как единицу метаязыка в ее номинативной функции, а как единицу специального языка, которая обслуживает коммуникацию в профессиональных сферах, «в таком случае сравнение с однозначными метаязыками оказывается некорректным» (Зимовая 2011, с. 5).

М.В. Зимовая рассматривает полисемию как характерное и естественное явление для терминологии, и выделяет следующие разновидности полисемии в терминологии: речевая, внутриотраслевая, межотраслевая полисемия, полисемия с выходом за пределы специальных отраслей, концептуальная и функциональная полисемия (Зимовая 2011, с. 14).

В ряде научных работ при рассмотрении многозначности можно также встретить термин «транстерминологизация», под которым понимают процесс перехода термина из одной области знаний в другую. При этом отмечается, что транстерминологизация часто сопровождается изменением семантики термина и его метафоризацией (Вицинская 2009; Мушкина 2019). Также обсуждается проблема деспециализации профессиональной лексики, под которой понимают функционирование специальных единиц в общепотребительном языке при сохранении основного терминологического денотата (Шмелева 2009, с. 78).

Проблема многозначности термина относится к числу наиболее актуальных вопросов современного терминоведения. Несмотря на обилие проведенных исследований, до сих пор остаются дискуссионными следующие вопросы: разграничение межотраслевой полисемии и

терминологической омонимии, терминологической вариативности, проблемы транsterминологизации, деспециализации, а также определение статуса консубстанциональных слов. Остановимся подробнее на последнем аспекте.

С.В. Гринев-Гриневи́ч определял консубстанциональные термины как лексические единицы, которые встречаются как в обыденной, так и в профессиональной речи (Гринев-Гриневи́ч 2008, с. 27). Уточняя этимологию консубстанциональных терминов, И.Ю. Бережанская рассматривает их как «лексемы (чаще всего однословные), пришедшие из общеупотребительного языка в профессиональную речь и получившие специализированное (профессиональное) значение, или пришедшие из языка для специальных целей в результате детерминологизации» (Бережанская 2005, с. 7–8).

Существуют различные мнения относительно возникновения, семантики и статуса данных лексических единиц. В.П. Даниленко утверждает, что консубстанциональные термины одновременно «принадлежат к широкой общелитературной и узкой специальной сфере. Означаемое и означающее у них в этих разных сферах совпадает. Различаются они объемом семантики, объемом информации, типом значения». Исследователь объясняет данное явление тем, что «потребность в новых наименованиях не может быть удовлетворена созданием новых слов-терминов» (Даниленко 1977, с. 23–24). Представитель другой точки зрения Н.А. Шурыгин полагает, что при попадании в общеупотребительный язык термины «испытывают так называемую детерминологизацию, которая проявляется, как правило, не только в расширении сферы употребления единиц профессионального языка, но также и в размывании смысловых границ дефиниции» (Шурыгин 1997, с. 48).

Дискуссионный характер происхождения и семантического статуса консубстанциональных терминов определяет актуальность изучения данной категории лексики, в том числе поиска подходов и методов анализа.

Цель проведенного исследования – апробировать сопоставительно-параметрический метод (Стернина 2025) для анализа консубстанциональных слов, направленного на выявление степени терминологизации.

Материалом исследования послужили консубстанциональные слова *order* и *command*, которые играют иллюстративную и аргументативную роль.

Исследование включало в себя следующие этапы: 1) описание лексикографического значения анализируемых слов (Стернин, Саломатина 2011) с целью выявления зафиксированных семантических компонентов, 2) выявление коммуникативного значения (Стернин, Саломатина 2011) посредством контекстного анализа с целью выявления особенностей функционирования лексемы в профессиональной и непрофессиональной

коммуникации, 3) анализ семантемы изучаемых единиц с целью выявления профессионально обусловленных или терминологических семем и количества отраслей научного знания, в которых функционируют данные лексемы, 4) выявление и сопоставление степени внедрения изучаемых консубстанциональных слов в профессиональную коммуникацию, выраженной *индексом терминологизации семантемы* (отношение количества профессионально обусловленных семем к общему количеству семем в семантеме), 5) выявление и сопоставление степени распространения консубстанциональных слов в терминологиях разных отраслей, выраженной *индексом транстерминологизации семантемы* (отношение количества профессиональных отраслей, в которых функционирует данная лексема к количеству профессионально обусловленных семем семантемы), 6) выявление и сопоставление степени консубстанциональности изучаемых слов, выраженной *индексом консубстанциональности семантемы* (отношение количества семем, которые реализуются как в профессиональной, так и непрофессиональной коммуникации к общему количеству семем в семантеме).

Проведенный анализ показал, что семантема лексемы *order* представлена 18 семемами, лексемы *command* – двенадцатью. По классификации М.А. Стерниной данные лексемы являются гиперсемемными, поскольку включают в свои семантемы от одиннадцати до двадцати семем (Стернина 1999, с. 42).

Двенадцать семем лексемы *order* можно квалифицировать как общеупотребительные: 1) заказ, 2) исправность, порядок; хорошее состояние, 3) приказ, команда, 4) порядок, система; заведённый порядок, 5) ордер; разрешение; пропуск, 6) знак отличия, орден, 7) религиозный орден, 8) рыцарский орден, 9) слой общества, социальная группа, 10) порядок; регламент; устав, 11) строй, государственное устройство, 12) перевод (денежный), остальные шесть семем – как профессионально обусловленные: 1) *воен.* строй, построение (в военной сфере), 2) *архит.* ордер, 3) *мат.* порядок; кратность, степень, 4) *зоол., бот.* отряд; подкласс, 5) *церк.* духовный сан, 6) *церк.* религиозный обряд. Отметим, что из перечисленных выше двенадцати общеупотребительных семем четыре можно отнести к тем, которые реализуются и в национальном, и в профессиональных языках, т.е. являются консубстанциональными: 1) приказ, команда, 2) ордер, 3) знак отличия, орден, 4) строй, государственное устройство.

Таким образом, индекс терминологизации консубстанционального слова *order* равен 33,33%, индекс транстерминологизации равен 83,33% (поскольку были идентифицированы 5 профессиональных сфер, в которых реализуются 6 профессионально обусловленные семемы), индекс консубстанциональности – 22,22%.

В семантеме лексемы *command* можно выделить следующие 9 общеупотребительных семем: 1) приказ, 2) контроль над группой людей, особенно в Вооружённых силах, 3) контроль ситуации (или своих чувств), 4) знание, владение предметом, особенно языком, 5) обладание полнотой власти над кем-либо, 6) управление, 7) заповедь, 8) распоряжение, 9) наказ. Три семемы категоризуются как профессионально обусловленные: 1) *воен.* часть армии и т.д., которая выполняет определенную работу под чьим-либо, руководством, 2) *воен.* группа офицеров, которая контролирует подразделение, отдаёт приказы, 3) *комп.* инструкция для работы с компьютером.

В качестве консубстациональных семем из общеупотребительных были выделены следующие семемы: 1) приказ что-либо сделать, 2) контроль над группой людей, особенно в Вооружённых силах.

Таким образом, индекс терминологизации консубстационального слова *command* равен 25%, индекс транстерминологизации равен 83,33% (поскольку были идентифицированы 2 профессиональные сферы, в которых реализуются 3 профессионально обусловленные семемы), индекс консубстациональности – 66,67%.

Суммируя результаты проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что консубстациональное слово *order* демонстрирует большую степень терминологизации (внедрения в профессиональную коммуникацию), чем лексема *command*. Интересно отметить, что обе лексемы обладают одинаковой степенью распространения в разных профессиональных сферах, что подтверждает индекс транстерминологизации. На основе значения индекса консубстациональности можно утверждать, что лексема *command* по сравнению с лексемой *order* является консубстациональным словом в большей степени.

Представляется рациональным предложить также индекс *общеупотребительности семантемы* (отношение количества общеупотребительных семем к общему количеству семем в семантеме), который является обратно пропорциональным *индексу терминологизации*. Сумма их показателей равна 100%, и при выявлении одного из индексов значение второго индекса рассчитывается автоматически. Так, если *индекс терминологизации* консубстационального слова *command* равен 25%, *индекс общеупотребительности* – 75%.

Предложенная методика анализа консубстациональных слов позволит внести вклад в теоретическую базу исследования данной категории лексических единиц, а также будет способствовать выявлению: 1) степени терминологизации общеупотребительных слов, 2) общего и специфического в развитии терминов, 3) наиболее оптимального переводного соответствия в терминологии. В дальнейшем представляется целесообразным применить сопоставительно-параметрический метод для

выявления степени коммуникативной востребованности
общеупотребительных и профессионально обусловленных семем с целью
выявления закономерностей функционирования и развития
консубстанциональных слов.

Литература

1. Бережанская И.Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
2. Вицинская И.А. Лингводинамические процессы в современной немецкой музыкальной терминологии: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009..
3. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
4. Даниленко В.П. Русская терминология. – М., 1977.
5. Дианова Г.А. Терминология в культурологическом аспекте // Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 181–188.
6. Зимовая М.В. Многозначность в терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2011.
7. Мушкина Ю.В. Явление многозначности и процесс терминологизации в современной лингвистике // Известия ВГПУ. – 2019. – № 2 (135). – С. 92–97
8. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: «Истоки», 2011.
9. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка – Воронеж: Истоки, 1999.
10. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: РИТМ, 2025.
11. Шмелева О.Ю. К вопросу о разнонаправленных тенденциям в области терминологии (на материале терминосистемы маркетинга) // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2009. – № 2. – С. 76–81.
12. Шурыгин Н.А. Лексикологическая терминология как система. Нижневартовск, 1997.

Е.А. Дьяконова, И.В.Акимкина

Сопоставление языковых личностей нормотипичного и глухого носителей русского языка на основе коммуникативной модели языковой личности

Аннотация: В статье сопоставляются языковые личности нормотипичного и глухого носителей языка в пределах одной и той же лингвокультуры. Сопоставление проводится на основе представленной в статье коммуникативной модели языковой личности.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, лингвокультура, языковая личность, русский жестовый язык.

Abstract: The paper compares the linguistic personalities of a neurotypical and a Deaf language user within the same linguoculture. The comparison is based on the presented communicative model of linguistic personality.

Key words: communicative behavior, linguoculture, linguistic personality, Russian sign language.

В данной статье сопоставляются языковые личности нормотипичного и глухого носителей русского языка на основе предложенной нами коммуникативной модели языковой личности, созданной в опоре на концепцию коммуникативного поведения, предложенную И.А. Стерниным (Прохоров, Стернин 2011).

Кратко опишем предлагаемую нами коммуникативную модель языковой личности нормотипичного носителя языка, состоящую из биографического ядра, лексико-грамматического слоя и сенсорной оболочки, и сопоставим ее с коммуникативной моделью языковой личности глухого носителя языка. Современная лингвоантропология рассматривает языковую личность как многоуровневую структуру, включённую в систему культурных, когнитивных и коммуникативных практик. Однако большинство моделей языковой личности исходят из допущения единой языковой личности с точки зрения модальности коммуникации. Глухие носители входят в ту же лингвокультуру, что и нормотипичные её представители, но реализуют собственный тип языковой личности, отличающийся структурным составом ядра, спецификой лексико-грамматического слоя и иной конфигурацией сенсорной оболочки. Сопоставление этих типов позволяет выявить внутреннюю вариативность лингвокультуры.

Ядро языковой личности нормотипичного носителя языка представляет собой базовые механизмы речепорождения и речевосприятия, включающие:

- артикуляционную базу, сформированную в процессе онтогенеза;
- фонемный инвентарь, обеспечивающий фонологическую категоризацию звуков;
- графемный инвентарь, функционирующий как вторичная (письменная) репрезентация языка.

У нормотипичного носителя параметры ядра коррелируют с аудитивной модальностью и являются предпосылкой формирования всех последующих уровней языковой компетенции.

У глухих носителей наблюдается иной тип организации ядра:

- артикуляционная база отсутствует или выражена минимально, поскольку речевые навыки не развиваются на основе аудитивного опыта;
- фонемный инвентарь в его акустико-артикуляционном понимании отсутствует, что исключает традиционный фонологический уровень языка как психолингвистическую реальность;
- графемный инвентарь дополняется системой двух типов жестов, которые выполняют роль первичных знаков.

Таким образом, в ядро языковой личности глухого носителя языка входит жестовая модальность, но при этом отсутствует звуковая.

Лексико-грамматический слой языковой личности нормотипичного носителя включает вербальный словарь, морфологию и синтаксис устной и письменной речи. Для нормотипичного носителя этот слой системно связан с ядерным уровнем: фонемный инвентарь обеспечивает различение, а артикуляционная база – воспроизводимость лексем и грамматических форм.

Глухой носитель обладает двусоставным лексико-грамматическим слоем:

1. Жестовый язык двух типов, представляющий собой первичную коммуникативную систему.

1 тип – калькирующая жестовая речь. Она имеет сложную структуру, включает разговорную и калькирующую разновидности жестовой речи. Этот тип осваивается ребенком в среде (семья, детский сад) в непосредственном общении. С возрастом навыки владения этим типом языка постепенно совершенствуются.

2 тип – Русский жестовый язык. Это сложная лингвистическая система, используемая для общения глухих и слобослышащих носителей русского языка. Для нее характерна:

- собственная лексическая база (жестемы);
- иерархическая морфология (параметры жеста: конфигурация, локализация, направление, движение);
- самостоятельный синтаксис, часто не изоморфный синтаксису национального вербального языка.

2. Вербальный национальный язык – усваивается в письменной форме в виде графемных репрезентаций и функционирует как вторая система кодирования.

Таким образом, языковая личность глухого носителя языка является билингвальной, но с асимметричным модально-языковым распределением.

Сенсорная оболочка представляет собой перцептивно-коммуникативный уровень.

У языковой личности нормотипичного носителя языка сенсорная оболочка включает в себя в том числе:

- восприятие устной речи на слух;
- визуальное восприятие письменной речи;
- визуальное восприятие жестов и мимики;
- интеграцию аудитивных и артикуляционных сигналов.

Сенсорная оболочка языковой личности глухого носителя устроена иначе:

- звуковая модальность отсутствует или функционально незначима;
- ведущим является визуально-кинетический канал, обеспечивающий восприятие жестов, мимики, движений тела;

-важна пространственная ориентация, поскольку жестовый язык является трёхмерным;

-артикуляция в привычном понимании зачастую отсутствует, ее заменяет мимика, являющаяся эквивалентом интонации звучащей речи.

Очевидно, что коммуникация глухих значительно отличается от вербальной коммуникации, но остаётся самодостаточной и когнитивно полноценной. Сенсорная специфика определяет особенности когнитивных процессов, включая категоризацию, темпоральность высказывания и способы структурирования информации. Различия языковых личностей на всех уровнях, которые мы видим, сопоставляя модели языковых личностей нормотипичного и глухого носителей языка, обуславливает и различия в коммуникативном поведении представителей одной лингвокультуры.

Проведенное сопоставление позволяет сделать следующие выводы:

1. Представленная коммуникативная модель позволяет описать языковую личность как многоуровневую систему, интегрирующую биологические, лингвистические, когнитивные и коммуникативные механизмы.

2. Тип языковой личности зависит от модально-канальной природы коммуникации, а не только от принадлежности к определённой лингвокультуре.

3. Внутри одной лингвокультуры могут существовать несколько типов языковых личностей, структурно различающихся на всех уровнях, но объединённых общим культурным кодом.

4. Языковая личность глухого носителя языка не является вариацией нормы, а представляет собой самостоятельный тип, основанный на визуально-жестовом канале, собственном знаковом составе и автономной грамматике.

5. Лингвокультура оказывается полимодальной системой, способной включать разные формы языковой репрезентации и коммуникативного поведения.

6. Анализ языковой личности глухого носителя языка расширяет понятие языковой компетенции, демонстрируя, что фонологический компонент не является универсальным для всех типов носителей.

Практическая значимость данного сопоставления нам видится, в том числе и в том, что оно помогает обнаружить и объяснить наличие различных типов коммуникативного поведения в рамках одной лингвокультуры, основываясь не на психологических или социальных, а на лингвистических факторах.

Литература

1. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2011.

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

А.П. Бабушкин

Названия профессий в составе устойчивых русских и английских выражений (сопоставительный аспект)

Аннотация: Статья посвящена анализу русских и английских устойчивых словосочетаний, в качестве компонентов которых выступают названия профессий. Рассматриваются их употребления в пословицах, фразеологических оборотах и жаргонизмах. Выявляются сходства и различия.

Ключевые слова: названия профессий, русские и английские пословицы, идиомы, жаргонизмы, сходства, различия.

Abstract: The paper deals with analysis of Russian and English fixed expressions which include nominations of different professions. Their usage in proverbs, idioms and jargonisms as well as their similarities and differences are considered.

Key words: nominations of professions, Russian, English, proverbs, idioms, similarities, differences.

Статья посвящена сопоставительному анализу русских и английских устойчивых словосочетаний, включающих в свой состав названия различных профессий, или к ним апеллирующих.

Известно, что виды ремесел – предтечи разнообразных профессий – появились в результате оседлости некогда кочующих племен, территориальных особенностей местожительства народов, разграничения обязанностей между мужчинами и женщинами, возросшими потребностями социума. Все это привело к обособлению групп людей, решающих специфические задачи, иначе говоря, разделению труда. Понятие «разделение труда» было введено Адамом Смитом в его трактате «Исследование о природе и причинах богатства народов» (КФЭ 1994, с.419), получив дальнейшее развитие в работах видных ученых, подчеркивающих важность этого понятия для прогресса человечества.

С незапамятных времен появились и умножались соответствующие словарные обозначения профессий, их названия закреплялись в образных оборотах речи, соотносимых с разными сферами производственной деятельности людей.

Устойчивые выражения русского языка

Поиск, проведенный по словарям и ресурсам Интернета показал, что интересные нас номинации включаются в состав многочисленных пословиц, которые, по мнению В.В. Виноградова, учитывая их переносное значение, устойчивость, воспроизводимость и экспрессивную насыщенность, можно отнести к области фразеологии (Виноградов 1977, с. 133).

Среди профессионально-ориентированных пословиц, прежде всего, назовем выражение *и швец, и жнец, и на дуде игрец*, подразумевающее разносторонние умения и навыки человека, а вместе с ним – и ряд других речений: *нет плохой земли, есть плохие пахари; всяк кузнец своего счастья; какова пряжа, такова на ней рубаша; портной без порток, сапожник без сапог; чист как трубочист; у семи нянек дитя без глаза* и некоторые другие.

Вторую группу формируют «классические» фразеологизмы, но не прямо называющие профессию человека, а лишь указывающие на нее.

Так, например, из ремесла плотника и его столяра пришёл целый список фразеологических единиц: *топорная работа; снять стружку; без сучка, без задоринки; разделать под орех*. Однако время способно стирать ту или иную «профессиональную прописку», и лишь этимологический экскурс способен восстановить её. Так, для того, чтобы понять, что выражение *попасть впросак* связано с ткацким ремеслом, необходимы не только лингвистические, но и специальные знания.

Данные обороты речи широко известны, но, представляя разряд фразеологизмов, они, как уже отмечалось, сами по себе не вербализуют названия профессий. Ближе к выполнению этого требования подходят устойчивые выражения со словом «мастер», представляющие, пусть даже обобщённо, исконные номинации.

По словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «мастер» – квалифицированный работник какой-либо производственной области, а также человек, умеющий хорошо и ловко что-нибудь делать (Ожегов, Шведова 1966). См. предлагаемые нами иллюстрации:

Он у нас и учёный, и на скрипке играет и выпиливает разные штучки – одним словом, мастер на все руки (А. Чехов. Три сестры).

«Квалификационный набор» первого примера дополняет второй:

Я беседую с головой семьёй... Он словоохотлив. Рассказывает, что едет из Сибири, работал там «по колхозам», мастер на все руки: столяр, плотник, бондарь, колесник (В. Овечкин. Без роду без племени).

Обозначенным выше уподобляется ещё один образец:

Константин Война – лучший токарь на Уланском машиностроительном заводе. Артист, академик в своём деле (А. Аграновский. Схема роста).

То, что сказано о *мастере на все руки* определенным образом дублирует характеристику в адрес умельца-универсала *и швец, и жнец, и на дуде игрец*. Вместе с тем, имеются указания на иронический подтекст этой фразы. В русском языке имеется много устойчивых выражений, имплицитирующих иронию, то есть пропозицию, являющуюся отрицанием той, которая высказывается (Грайс 1985, с. 230).

К иронически маркированным относятся ФЕ как нельзя лучше отвечающие цели нашей работы: *артист погорелого театра; художник*

от слова «худо»; профессор кислых щей, которые уже выступали в качестве объекта изучения, подчинённого, правда, решению других задач (Бабушкин 2022, с. 11–15).

Стоит лишь добавить, что иронично о чьём-то социальном статусе также говорят: *отставной козы барабаник* или *старший помощник младшего дворника*.

Интерес вызывает тот факт, что некоторые русскоязычные фразеологизмы несут на себе печать эпохи, их породившей. Например, выражение *кухаркины дети* соотносит нас с периодом дореволюционной России. В свою очередь, *инженеры человеческих душ* в значении «писатели» – с годами строительства социализма, когда на повестке дня стоял вопрос о воспитании советского человека, его духовном развитии. Узнаваемы по времени их вхождения в речевой оборот и такие фразы, как *прорабы перестройки* и *каменщики перестройки*; вполне понятно, кто был назван *старшиной 6-й статьи*, то есть защитником статьи конституции о руководящей роли КПСС (Баранов, Караулов 1994, с. 224–225).

В интересующем нас плане не обойтись без жаргонизмов. Их специфика заключается в метафорическом переосмыслении ходовых слов и выражений, в придании им образного смысла (Крысин 2003, с. С 70). Устойчивые словосочетания жаргонного регистра, точно также, как и фразеологизмы, которые мы назвали «классическими», не соотносятся напрямую с названиями профессий, порой представляя собой их «тайнопись», понятную только «товарищам по цеху».

Человеку со стороны трудно догадаться, что, например, *грустный филин* – это журналист, который во время интервью, слушая ответ собеседника и выражая своё согласие, постоянно произносит вслух слова «ага», «ыыы», «ууу». *Сбитый лётчик* – это ведущий, некогда очень популярный, а нынче – исчезнувший с экрана; а *суп-жокей* – официантка.

Два последних выражения достойны особого внимания ввиду того, что под именем каждой из заявленных профессий мыслится другая, совершенно иной сферы: под «лётчиком» имеется в виду шоумен, а под «жокеем» – работник ресторана или кафе, подающий кушанья и напитки.

Устойчивые выражения английского языка

Разбор английских примеров, содержащих названия профессий, начнём с выражения *the butcher, the baker and the candle-stick maker*, которое в буквальном переводе звучит, как: мясник, хлебопёк и подсвечников изготовитель. Этой фразой обозначаются люди разных профессий, иначе – разношерстная публика.

Фразеологический оборот *head cook and bottle washer* (и шеф-повар, и мойщик бутылок) именует человека-мастера на все руки (Ср. с английским *Jack of all trades* и русским *и швец, и жнец, и на дуде игрец* в позитивном смысле этого выражения).

Также, как в русском языке, к разряду фразеологизмов следует отнести поговорку *Too many cooks spoil the broth* (Слишком много поваров сварят несъедобную похлёбку). О том же иносказательно по-русски: *У семи нянек дитя без глазу*.

В свою очередь, английское изречение *The cobbler's children usually go unshod* (Дети сапожника обычно ходят без обуви) сродни русскому *Сапожник без сапог*.

Что же касается английских жаргонизмов (в том числе, американских, которые фиксируются в английских словарях), то их уникальность объясняется не только отсутствием поименованных ими реалий, чуждых для людей, говорящих по-русски, но и спецификой образного переосмысления того, что существует в жизни носителей обоих языков.

Так, жаргонизм *a bubble queen* (где *bubble* – (мыльный) пузырь, а *queen* – королева) означает девушку-работницу прачечной. Он создан по аналогии с выражением *bubble dancers* (*bubble* – и пузырь, и надувной шар – одноимённые понятия, *dancers* – танцовщицы). Исполнительницы бурлескных шоу выступали с надувными шарами как атрибутами зрелищных диверτισментов.

Button choppers (крушители пуговиц) – ещё один пример «из прачечной».

Если *paint in oil* – писать маслом (о художнике), то *castor oil artist* (артист, «мастер касторового масла») – жаргонизм из сферы медицины. Обратим внимание на факт (уже отмеченный на материале русского языка), что под именем одной профессии мыслится другая, весьма от неё далекая.

Следует упомянуть и «дорожные» жаргонизмы. *Ambulance chaser* (преследователь кареты скорой помощи) – это юрист, следующий за «неотложной» к месту автомобильной аварии с целью предложить адвокатскую услугу пострадавшему. Такое поведение, не соответствующее нормам этики, подтверждается наглядной иллюстрацией:

Some cops collect revenue from ambulance chasers.

К «дорожным» отнесём и выражение *a back-seat driver* (водитель, сидящий на заднем сидении), то есть, пассажир, дающий советы, как вести машину. Явление – вполне знакомое носителям русского языка, но не имеющее у нас словарного обозначения.

Отдельно о выражении *a badge bandit* (*badge* – значок, бляха). Этот жаргонизм «прикрепляется» к полицейскому дорожной службы – «бандитом с пейджи́ком» назван блюститель закона и порядка.

Приведённый список можно продолжить и далее такими номинациями, как: *a counter jumper* (*counter* – прилавок, *jumper* – прыгун) – продавец в магазине, *desk jockey* (*desk* – рабочий стол в офисе) – конторские служащие. Будят воображение жаргонизмы: *a powder monkey* (где «*powder*» – взрывчатка, «*monkey*» – обезьяна) – горный рабочий,

строитель, *a wood butcher* (букв.: «дровяной мясник», или «лесник, разделяющий дрова») – плотник.

К жаргонизмам по способу образования близки сленговые обороты, примером которых служит термин *an agony uncle* («agony» – мучение, страдание, «uncle» – дядя, дядюшка) в значении «журналист-психотерапевт» – работник сферы массовой коммуникации, обязанность которого – снабжать читателей или слушателей советами по их личным проблемам – должность «тетушкина» (ср.: *agony aunt*), то есть традиционно женская:

Agony aunts have been with us some time but the male term agony uncle is finding its feet in the language.

Рассмотренный материал позволяет прийти к следующим выводам:

1. Как в русском, так и в английском языках имеются устойчивые выражения, в состав которых включаются названия профессий. В обоих случаях к ним относятся и некоторые пословицы.

2. Выявлены сходства и отличия, существующие между речениями указанной направленности.

Совпадения в изученных нами образцах свидетельствуют о близком восприятии достоинств и потенциальных недостатков, которыми обладают те или иные ремесла с позиций реципиентов. Несходства заключаются либо в особом видении и соответствующей оценке объектов номинации, либо в выборе реалий, не ставших предметами переосмысления в языке сопоставления, а также при полном отсутствии в нём фактов подобного рода. В английских выражениях не зафиксированы названия «Социально-антагонистических» профессий.

3. В пределах проанализированного материала в английском языке содержится меньше фразеологизмов интересующего нас плана, но гораздо больше жаргонизмов, соотносимых с различными специальностями и видами профессиональных занятий.

Литература

2. Бабушкин А.П. Устойчивые выражения с дискредитируемыми компонентами в качестве иронически маркированных характеристик человека // Русский язык III тысячелетия в зеркале лингвистической науки. XXXIX расправовские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. – Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2022. – С. 11–15.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: "Помовский и партнеры", 1994.
4. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: "Наука", 1977. – С. 118–139.

5. Грайс Г.П. Речевое общение / Пер. с англ. В.В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — М.: "Прогресс", 1985. — С. 217–237.
6. Крысин Л.П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка. Социальные жаргоны // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. — М.: "Языки славянской культуры", 2003. — С. 33–79.
7. КФЭ — Краткая философская энциклопедия. — М.: Изд. группа "Прогресс", 1994.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: "Азъ", 1966.

М.Х. Гафарова

Развитие коннотативной полисемии сопоставимых лексем в русском и английском языках *хороший* и *good*

Аннотация: В статье рассматривается развитие коннотативной полисемии русских и английских сопоставимых адъективных лексем *хороший* и *good*. Исследование выполнено в рамках сопоставительно-параметрического метода с использованием ряда формализованных параметров и шкал.

Ключевые слова: Коннотативная полисемия, сопоставительно-параметрический метод, адъективная лексема, семема, семантема, индекс, шкала.

Abstract: The paper deals with the development of the connotative polysemy of Russian and English comparable adjectival lexemes *хороший* and *good*. The study is conducted with the help of a comparative-parametric method and a number of formalized parameters and scales.

Key words: Connotative polysemy, comparative-parametric method, adjectival lexeme, sememe, semantheme, index, scale.

В статье исследуется развитие коннотативной полисемии сопоставимых адъективных лексем русского и английского языков *хороший* и *good*. Обе эти лексемы характеризуются высокой частотностью и высокой полисемантической. Лексема *хороший* входит во вторую сотню наиболее частотных лексем по данным Нового частотного словаря русской лексики О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова (<http://dict.ruslang.ru/freq.php>), а лексема *good* — в первую сотню наиболее частотных лексем, согласно списку наиболее частотных глаголов Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Для описания развития коннотативной полисемии был использован метод обобщения словарных дефиниций (Стернин, Рудакова 2011, с. 19–27) по следующим лексикографическим источникам: в русском языке — Малый Академический словарь русского языка в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой, Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова, Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в английском языке — Новый большой англо-русского

словарь в 3-х томах под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой, Longman Dictionary of Contemporary English, Cambridge English Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary online.

Исследование проведено с помощью двух основных процедур сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2025): индексализации параметров исследования и шкалирования полученных результатов.

Для выявления выраженности развития коннотативной полисемии семантики исследуемых лексем нами были использованы следующие введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода индексы:

- *индекс коннотативной представленности семантемы* – отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010);

- *индекс развитости коннотативной лексической полисемантичности семантемы* – отношение количества коннотативных семем, развивающих лексическую полисемантичность (ЛП), к общему количеству коннотативных семем в семантеме (Гафарова 2025);

- *индекс развитости коннотативной лексико-грамматической полисемантичности семантемы* – отношение количества коннотативных семем, развивающих лексико-грамматическую полисемантичность (ЛГП), к общему количеству коннотативных семем в семантеме (Гафарова 2025);

- *индекс развитости коннотативной лексико-грамматической вариантности семантемы* – отношение количества коннотативных семем, развивающих лексико-грамматическую вариантность (ЛГВ), к общему количеству коннотативных семем в семантеме (Гафарова 2025).

Перейдём к рассмотрению семантем данных лексем.

На базе семемы Д1а² «вполне положительный по своим качествам; такой, как нужен, должен быть» (*Хорошая квартира*) лексема *хороший* развивает следующие семемы К1: «полезный, нужный, способствующий чему-л.» (*Генерал своей внушительной высокой фигурой и сердитыми седыми усами произвел на окружающих самое хорошее впечатление*), «прекрасный (о произведениях искусства)» (*Конечно, портрет хорош только тогда, когда живописец сумел нарисовать совершенно того человека, которого хотел нарисовать*), «очень красивый, привлекательный, миловидный» (*Она была так хороша, что всякий, увидав её в первый раз, невольно останавливался, заглядывался на нее и никогда не забывал*), «обладающий каким-л. или бóльшим преимуществом среди других таких же» (*Он надел свой хороший серый костюм, сбережённый в долгие студенческие годы*), «обладающий положительными моральными качествами (о человеке); вполне достойный, приличный, добропорядочный» (*Оно, конечно, семья Ларивона – хорошая*

² Обозначается полисемия на уровне соответствующих частей речи

трудолюбивая, хозяйственная, но ведь и семья Фомы Селиверстовича достойных кровей), «примерно, образцово выполняющий свои обязанности, обязательства по отношению к кому-, чему-л.» (Если мальчик любит труд, тычет в книжку пальчик, про такого пишут тут: он хороший мальчик), «достигший умения, мастерства в своем деле, специальности» (Лаврецкий сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя), «связанный взаимным расположением, короткими отношениями с кем-л., близкий» (Хорошие друзья), «находящийся в добрых отношениях с кем-л.» (М-те Ленуар и ее отец были хороши между собою ещё прежде), «выражающий душевное благородство, доброту, сердечность» (Глаза у Макарова очень добрые и немолодые и улыбка хорошая), «свойственный благовоспитанным людям, соответствующий принятым нормам поведения» (Правила хорошего тона), «благородный, родовитый» (Алексей Иванович, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние), «сильный, значительный по количеству, величине, интенсивности, по степени проявления; изрядный; вполне достаточный, достаточно большой» (Мавра смотрела на нас, досадуя, что не досталось Алёше хорошей головнойки от Наташи), «обозначение пренебрежительно-неодобрительной или иронической оценки кого-/чего-л.» (Он, конечно, упрям, но и ты хорош!).

Коннотативная лексико-грамматическая полисемантичность (Стернина 1999) данной лексемы представлена на уровне существительного, модального слова и наречия. Это семемы K1n «отметка, обозначающая сравнительно высокую оценку знаний (выше «удовлетворительно» и ниже «отлично»))» (Учиться на «хорошо»), четыре семемы K1mw: «да, ладно» (Так я тебя жду? Хорошо), «постой же, погоди же» (Хорошо, это тебе припомнится!), «указание на некоторый итог и переход к дальнейшему» (Вызывают меня к началству. Хорошо. Являюсь), «так; допустим, что так» (Я сделаю по-твоему, хорошо, что же дальше?) и одна семема K1adv «легко, не трудно» (Хорошо тебе было обещать, а мне каково?).

Лексико-грамматическая вариантность (Стернина 1999) представлена на уровне прилагательного и существительного. Такую ЛГВ демонстрируют семемы K1a/p³ «такой, в котором проявляются только положительные стороны, доставляющий удовлетворение, удовольствие / то, что является положительным, существенным, достойным, заслуживающим признания» (Отец мой редко бывал в хорошем расположении духа, он постоянно был всем недоволен / Но ему нетрудно было отыскать хорошее и привлекательное во Вронском) и «милый, дорогой / милый, дорогой

³ Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи

человек» (*Вы не можете даже представить себе, как много вы сделали для меня, мой хороший Саша! / Как я соскучился по тебе, моя хорошая!*).

Индекс коннотативной представленности семантемы у лексемы *хороший* – 91,3% (из 23 семем данной лексемы 21 является семемами K1). Как было отмечено ранее, данная лексема демонстрирует лексическую и лексико-грамматическую полисемантическую, а также лексико-грамматическую вариантность. Индекс развитости коннотативной ЛП – 61,9% (из 21 семемы K1 13 демонстрируют ЛП), индекс развитости коннотативной ЛПП – 28,6% (из 21 семемы K1 6 демонстрируют ЛПП), а индекс развитости коннотативной ЛГВ – 9,5% (из 21 семемы K1 лишь две демонстрируют ЛГВ).

Перейдём к рассмотрению лексемы *good*.

На базе семемы D1a/adv/mw «высокого качества, имеющих хорошую репутацию, хороший / хорошо / хорошо, окей (выражение удовлетворения, согласия, одобрения)» (*The train service is not very good / The business is doing good now / Good, I'll tell her it's all arranged*) лексема *good* развивает следующие семемы K1a: «приятный, увлекательный» (*Did you have a good time at the party?*), «подходящий, отвечающий цели, соответствующий, удобный, пригодный» (*Do you really think this is a good use of your time?*), «воспитанный, послушный» (*If you're a good boy at the doctor's, I'll take you swimming afterwards*), «способный, умелый, искусный» (*Alex is very good at languages*), «благородный, положительный, благоприятный; имеющий хорошую репутацию» (*He comes from a good family*), «умный, смешной» (*That's a good joke!*), «надёжный, кредитоспособный» (*Her credit is good*), «основательный, убедительный, оправданный, справедливый, законный» (*The police have a pretty good idea who did it*), «здоровый» (*Lyn's not feeling too good today*), «добрый, милый (в вежливом, иногда ироническом или снисходительном обращении)» (*your good lady*), «приличный, достаточный, обильный» (*We've had a good crop of apples*), «свежий, неиспорченный; доброкачественный» (*Is the meat still good?*), «способный, в состоянии» (*All you're good for is to spend money*), «настоящий, неподдельный» (*good stone*), «крепкий, в хорошем состоянии» (*It's in pretty good condition for an old car*), «действительный, действующий; в состоянии, способный» (*The ticket is good for three months*).

В семантеме данной лексемы также зафиксированы семемы с семемами существительного и модального слова. Это семема K1n «благо» (*Even a small donation can do a lot of good*) и семема K1mw «браво! ну и ну! боже правый!» (*Good gracious! Splendid catch!*).

Лексико-грамматическая вариантность представлена на уровне прилагательного и существительного. Это три семемы K1a/n «добрый / добрые люди» (*He was very good to me when I was ill / It was a gathering of the great and the good*), «добродетельный / добро» (*She was a good Catholic girl / Do they even know the difference between good and evil?*) и «полезный /

польза, здоровье» (*Fresh fruit and vegetables are good for you / You should stop smoking for your own good*).

Индекс коннотативной представленности семантемы лексемы *good* – 95,7% (из 23 семем этой лексемы 22 являются семемами K1). Индекс развитости коннотативной ЛП данной семантемы – 77,3% (из 22 семем K1 17 демонстрируют лексическую полисемию), индекс развитости коннотативной ЛПП семантемы – 9,1% (из 22 семем K1 лексико-грамматическую полисемантичность демонстрируют две семемы), а индекс развитости коннотативной ЛГВ семантемы – 13,6% (из 22 семем K1 лексико-грамматическую вариантность демонстрируют три семемы).

Чтобы оценить степень выраженности развития коннотативной полисемии сопоставимых лексем *хороший* – *good* по использованным параметрам нами была применена разработанная Л.А. Кривенко (Кривенко 2013) шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Параметр	Русский язык	Степень выраженности параметра	Английский язык	Степень выраженности параметра
Индекс коннотативной представленности семем	91,3	гипервысокая	95,7	гипервысокая
Индекс развитости коннотативной лексической полисемантичности семем	61,9	значительная	77,3	высокая
Индекс развитости коннотативной лексико-грамматической полисемантичности семем	28,6	заметная	9,1	низкая
Индекс развитости коннотативной лексико-грамматической вариантности семем	9,5	низкая	13,6	заметная

Как видно из таблицы, в обеих лексемах коннотативная полисемия превалирует над денотативной. И в русском, и в английском языке индекс

коннотативной представленности характеризуется *гипервысокой* степенью выраженности.

В семантемах сопоставимой пары лексем *хороший* – *good* преобладает коннотативная лексическая полисемантичность. При этом наибольшее значение индекса развитости коннотативной ЛП (77,3%) отмечено у лексемы *good*, что характеризует *высокую* степень выраженности параметра.

Коннотативная лексико-грамматическая полисемантичность наиболее ярко представлена в русской лексеме *хороший* и составляет 28,6%. Это свидетельствует о *заметной* степени выраженности данного параметра. Что касается лексико-грамматической вариантности, то наиболее ярко она выражена в лексеме *good*, где индекс развитости ЛГВ составляет 13,6%, что свидетельствует о *заметной* степени выраженности данного параметра.

Чтобы сделать окончательный вывод о развитии коннотативной полисемии в семантемах рассматриваемых лексем мы использовали введенный Н.А. Портнихиной *интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем* (Портнихина 2011), который представляет из себя среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех использованных формализованных параметров.

Интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем *хороший* – *good* оказался равным 10,9.

На основании значения этого индекса национальная специфика данной пары лексем, согласно введенной в рамках сопоставительно-параметрического метода *шкале степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем* (Стернина 2025, с. 142), может быть квалифицирована как **яркая**.

Литература

1. Гафарова М.Х. Коннотативная полисемия наиболее частотных субстантивных лексем русского языка// *Язык и национальное сознание*. Вып. 31. – Воронеж: «Научная книга», 2025. – С.16-20.
2. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках // *Сопоставительные исследования 2010*. – Воронеж, 2010. – С. 54-58.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
5. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

6. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж: «Истоки», 1999.
7. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: РИТМ, 2025.

Ю.Н. Епринцева

Сопоставительный анализ фразеологизмов-зоонимов в русском и французском языках

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологизмов-зоонимов в русском и французском языках.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеологические единства, зоонимы.

Abstract: The paper is devoted to a comparative analysis of phraseological units-zoonyms in Russian and French.

Key words: idioms, phraseological units, zoonyms.

Изучение образных сравнений и тем более их сопоставление в двух языках остается актуальным всегда, поскольку их использование, наряду с другими устойчивыми выражениями, указывает на принадлежность людей к той или иной культуре. Особую актуальность изучение образных выражений, их происхождения и семантики приобретает сегодня, когда в условиях усиливается значимость диалога культур и потребность во взаимопонимании между народами, говорящими на разных языках.

Выбор фразеологизмов с компонентом-зоонимом не является случайным. Роль животных в жизни человека всегда была исключительно велика. Включение знаний о животном мире в систему образных средств характеристики человека, расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения, поиски сходства с образами реальных мира природы – закономерный этап развития человеческого знания о себе как об особом объекте.

Цель исследования заключается в описании и сопоставлении особенностей употребления названий животных во фразеологических единицах в двух языках – русском и французском.

Поставленная цель предопределила следующие задачи исследования:

- изучить фразеологизмы как устойчивые сочетания;
- классифицировать фразеологические единицы и определить их особенности в русском и французском языках;
- выявить названия животных, наиболее употребляемые в русских и французских фразеологизмах.

Объектом исследования выступают фразеологические единицы русского и французского языка, содержащие названия животных, птиц и насекомых. Предметом анализа являются переносно-образные значения данных фразеологических единиц в двух языках. Они могут выполнять различные

функции в языке и несут особые семантические нагрузки (характеристика разнообразных человеческих качеств, действий, состояний).

Материалом исследования послужили 400 фразеологических единств русского и французского языка, выбранные путем сплошной выборки из различных лексикографических источников.

В качестве гипотезы выдвигается следующее предположение: рассматривая русские и французские фразеологизмы, содержащие компонент-зооним, можно выявить языковую картину мира этих культур в данной области. Мы предполагаем, что данные фразеологизмы имеют некоторые общие образные смыслы, связанные в каждом языке с названиями одних и тех же животных.

Перейдем к решению первой задачи, связанной с изучением фразеологизмов. В этой связи нам представляется целесообразным обратиться к семантической классификации В.В. Виноградова, который разделяет фразеологизмы (далее – ФЕ) на: фразеологические единства; фразеологические сращения; фразеологические сочетания (Виноградов 1981). В данной статье мы ограничиваемся описанием фразеологических единств, обладающих частичной степенью идиоматичности. Приведем примеры французских фразеологических единств с компонентом-зоонимом: *avoir une mémoire d'éléphant* – «иметь хорошую память», *être comme l'âne de la fable* – «быть как осел из басни» (т.е. быть глупым); *traiter qn comme un chien* – «обращаться с кем-либо как с собакой»; *manger, bourrer comme un cochon* – «есть, жрать как свинья»; *travailler comme un cheval* – «работать как лошадь, то есть тяжело и много». Приведем примеры русских фразеологизмов с компонентом-зоонимом: *собачья преданность, верность*; *ходить по пятам как собачка*; *бегать, метаться как угорелая кошка*; *кошки скребут на душе*; *старый конь борозды не портит*; *человек человеку – волк*.

Как мы видим из примеров, названия животных в обоих языках широко используются для образной характеристики человека. При помощи подобных фразеологизмов высмеивают глупость, упрямство, лицемерие, дурные привычки, невоспитанность и другие моральные и интеллектуальные изъяны человека, вызывающие осуждение. ФЕ, в состав которых входят зоонимы, являются активным пластом фразеологии русского и французского языков. Они, в большинстве своем, отражают человеческие качества – физические, психические и социальные.

Переходя к решению следующей задачи, отметим, что названия одних и тех же животных в разных языках подразумевают нередко совершенно различные качества, характеризуют людей по разным, иногда даже прямо противоположным признакам. Так, русское существительное «слон» символизирует крупного неуклюжего человека («слон в посудной лавке», «топает, как слон»), а французы вкладывают в это слово другой смысл: слон для них – олицетворение ума, хорошей памяти («*avoir une mémoire*

d'éléphant»). Нередко в языке за названиями животных закрепляются вполне определенные, постоянные переносные значения. Так, во французском языке, как и в русском (*упрямый как осел, тупой как осел*), существительное «осел» обозначает глупость и упрямство человека: *être comme l'âne de Buridan* – «быть буридановым ослом», *être comme l'âne de la fable* – «быть как осел из басни».

В результате проведенного исследования мы отмечаем, что наиболее употребляемыми в составе фразеологизмов в русском языке являются лексические единицы, обозначающие домашних животных: собака, кошка, лошадь, свинья, а также птиц и диких животных: медведь, волк и птицы. Например, в русском языке чаще других в составе ФЕ употребляется компонент «собака». Собака символизирует преданность, верность (*собачья преданность, верность*), унижение (*ходить по пятам как собачка*), вражда (*жить как кошка с собакой*), скупость (*собака на сене*), безделье (*собак гонять*) и т.д. Другой компонент – зооним «кошка» ассоциируется с бессмысленностью (*бегать, метаться как угорелая кошка*), изможденностью (*драния кошка*), ссорой (*черная кошка пробежала*), беспокойством, тревогой (*кошки скребут на душе*), хитростью (*играть в кошки-мышки*), здоровьем (*живуч, как кошка*), легкомыслием и рядом других. Следующим ключевым компонентом зоонимом в русском языке является зооним «лошадь (конь)». У русского народа «лошадь (конь)» ассоциируется с жизненным опытом (*конь о четырех ногах, да спотыкается; укатили сивку крутые горки; старый конь борозды не портит*), трудолюбием (*охочая лошадка всю поклажу везет*), человеческими поступками (*лошадей на переправе не меняют; на послушного коня и кнута не надо; не к лицу старой кобыле хвостом вертеть*), бесполезностью (*не в коня корм*), пугливостью (*от всего шарахается как пугливая лошадь*).

Использование названий таких диких животных как «волк» позволяет передать следующие ассоциации: осторожность (*не клади палец волку в рот*); коварство, лицемерие (*волк в овечьей шкуре*); социальность (*с волками жить – по-волчьи выть; сколько волка ни корми, он все в лес глядит*); враждебность (*человек человеку – волк*); отчаяние (*хоть волком вой*).

Перейдем к описанию ФЕ во французском языке. Необходимо отметить, что ФЕ с компонентом-зоонимом во французском языке достаточно частотны, специфичны и схожи со своими русскими аналогами. Во французском языке огромное множество ФЕ с названиями как диких, так и домашних животных. В результате исследования нами были выявлены следующие компоненты-зоонимы, наиболее употребляемые в составе французских ФЕ: собака «*chien*», лошадь «*cheval*», свинья «*cochon*». Слово *chien* «собака» – самый употребительный французский компонент (Гукетлова 2008). *Chien* ассоциируется с образом скупого, жадного

человека: *s'acharner sur qch comme deux chiens sur un os* – «грызться из-за чего-либо как собаки из-за кости»; *se regarder comme deux chiens de faience* – «злобно смотреть друг на друга; буквально – смотреть друг на друга как две фарфоровые собачки»); характеристиками человека: *être comme un chien à l'attache* – сидеть как собака на привязи»; с такими человеческими свойствами, как «покорность», «преданность», «верность».

В целом же французский ряд образных сравнений со словом *chien* богаче, чем русский со словом «собака».

К числу наиболее употребительных и богатых зооморфизмов французского языка относится и образ *cheval* – «лошадь». Наиболее часто это слово употребляется в значении «работяга – выносливый, много работающий человек», а также «неутомимый человек с железным здоровьем».

Среди наиболее устойчивых ФЕ с зоонимом *cochon* – «свинья» во французском языке закрепились следующие: *gros, gras, sale comme un cochon* – «толстый, жирный, грязный как свинья»; *manger, bourrer comme un cochon* – «есть, жрать как свинья».

Таким образом, мы приходим к выводу, что наиболее репрезентативными зоонимами в составе французских ФЕ являются такие лексические единицы как собака «*chien*», лошадь «*cheval*», свинья «*cochon*». Часто встречаются также в составе фразеологических единиц наименования рыб и птиц.

Ограничиваясь рамками статьи, мы лишь кратко остановимся на сходствах и различиях ФЕ с компонентом-зоонимом в русских и французских ФЕ. Сравнивая ФЕ с зоонимами в двух языках, мы видим, что особенно велик удельный вес ФЕ, в которых используются названия домашних животных. Многие из них являются общими для двух языков: собака, лошадь. Среди многочисленных зооморфных характеристик в рассматриваемых языках встречаются такие, которые совпадают между собой как в прямом, так и в переносном значении. Таковы, например, слова «*âne*» и «*осел*», обозначающие глупого и упрямого человека, «*renard*» и «*лиса*», символизирующие хитреца, «*cochon*» и «*свинья*», представляющие человека как грязнулю, физически и морально нечистоплотного, негодяя. Слова «*dindon*» и «*индюк*» обозначают человека тщеславного, важного и надменного. Очень близкое к этому значение имеют также слова «*раон*» и «*павлин*» – «горделивый, важный, надменный».

Таким образом, можно сделать вывод, что системы образных представлений, сложившиеся у национально-языковых коллективов, говорящих на русском и французском языках, имеют немало общего. Эта общность имеет под собою глубокое историческое основание. В течение многих веков русский и французский народы были связаны тесными культурными узами.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в русском языке устойчивыми характеристиками человека являются такие слова, как «волк», «бабочка», «стрекоза», «мотылек», «паук», «бегемот», «мышонок», а их французские эквиваленты устойчивых образных значений не имеют. В то же время названия других животных – *lapin* – «кролик», *souris* – «мышь», *taupe* – «крот», *chateau* – «верблюд» часто используются как характеристики во французском языке, а их русские эквиваленты лишь изредка употребляются для создания образа.

Проведенный сопоставительный анализ фразеологизмов-зоонимов в русском и французском языках показал, что наиболее употребительными в русской фразеологии являются зоонимы, обозначающие домашних животных, таких как «кошка», «собака», «лошадь». Наименее представлен класс диких животных и птиц. Наиболее употребительными во французской фразеологии являются зоонимы *chien* – «собака», *cheval* – «лошадь», *cochon* – «свинья».

Несмотря на то, что компонентный состав зоонимов рассматриваемых языков довольно схож, для обозначения сходных по смыслу явлений в русском и французском языках не всегда используются названия одних и тех же животных, некоторые фразеологизмы не имеют аналогов, а входящие в их состав зоонимы используются исключительно или преимущественно во фразеологии одного из языков.

Результаты исследования в целом подтверждают нашу рабочую гипотезу о значительном сходстве представления о мире животных у французского и русского народов. Такое сходство обусловлено общими закономерностями развития человеческого бытия, дающими единый опыт.

Литература

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // История советского языкознания. Хрестоматия/– М.: Высшая школа, 1981. – С. 141-161.
2. Гукетлова Ф.Н. Общие и этноспецифические способы номинации зоонима «cheval – лошадь – швы» в разноструктурных языках // Вестник ВГПУ – №3 – 2008. – С. 147-151.

С.А. Ермаков

Диахронический анализ лексики на примере повествовательных текстов

Аннотация: В статье представлен эксперимент, посвящённый сопоставлению лексики повествовательных текстов трёх исторических периодов: первой четверти XIX, XX и XXI веков. Работа является составной частью научного исследования, цель которого – всестороннее изучение эволюции лексико-семантической системы русского языка.

Ключевые слова: историческая лексикология, ядро, периферия, словоформа, лемма, категория.

Abstract: The paper presents an experiment on comparing the vocabulary of narrative texts from three historical periods: the first quarter of the 19th, 20th and 21st centuries. This work is an integral part of the scientific study, the purpose of which is a comprehensive study of the evolution of the lexical and semantic system of the Russian language.

Key words: historical lexicology, core, periphery, word form, lemma, category.

Исследования в области исторической лексикологии не только углубляют наши знания о языке, но и служат важным связующим звеном между лингвистикой, историей и культурологией. Такой междисциплинарный подход позволяет комплексно изучать развитие человеческого общества. Как отмечает А.Д. Васильев: «Понимание лексико-семантических эволюций прошлого помогает лучше ориентироваться в существующих реалиях» (Васильев 2014, с. 3).

Лексико-семантическая система языка часто моделируется по принципу «ядро – периферия». Согласно концепции И.А. Стернина (см. Попова, Стернин 2010), ядро обеспечивает стабильность и базовую коммуникацию, а периферия — вариативность и развитие языка.

Цель данного исследования – выявить устойчивые, то есть ядерные, элементы лексико-семантической системы языка, которые обеспечивают преемственность и формируют основу коммуникативного взаимодействия.

Объект исследования – отрывки повествовательных текстов первой четверти XIX, XX и XXI веков:

- Первая четверть XIX века: новелла А.А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке» (Бестужев-Марлинский 1981, с. 80-84); опубликована в 1823 г.; объём – 1 473 словоупотребления;

Содержание: повествование раскрывает драму обманутой любви, крушение романтических иллюзий и горькое прозрение героя о подлинной сущности светского общества и избранницы;

- Первая четверть XX века: рассказ А.И. Куприна «Ученик» (Куприн 1964, с. 84-89); опубликован в 1908 г.; объём – 1 457 словоупотреблений.

Содержание: отрывок рисует колоритную картину паровой жизни, раскрывая характеры пассажиров и фокусируясь на теме карточного мошенничества;

- Первая четверть XXI века: повесть Е.И. Некрасовой «Калечина-Малечина» (Некрасова 2018, с. 6-8); опубликована в 2018 г.; объём – 1 448 словоупотреблений.

Содержание: рассказ о жизни девочки Кати – ученицы обычной школы, живущей с родителями в панельной многоэтажке.

Для реализации поставленной цели требуется выполнить следующие задачи:

- Сформировать электронные конкордансы анализируемых текстов с последующей лемматизацией языковых единиц – приведением словоформ к начальной грамматической форме;

- Выделить в каждом тексте нейтральную лексику, не несущую стилистическую или эмоциональную окраску;

- Провести сравнительный анализ нейтральной лексики, представленной в трёх временных срезах. На основе сопоставления определить устойчивые (ядерные) лексические элементы, которые обеспечивают преемственность и формируют основу коммуникативного взаимодействия.

Первым этапом исследования стало создание электронного конкорданса текста. Как ключевой инструмент компьютерной лингвистики, электронный конкорданс, по определению К.С. Добрыниной, представляет собой «полный индекс слов в ближайших и расширенных контекстах» (Добрынина 2012, с. 59). Это позволяет анализировать употребление слов в различных контекстах и, в конечном итоге, обеспечивает репрезентативность выводов на основе корпусных данных. Кроме того, использование электронного конкорданса значительно ускоряет обработку текстовых массивов и открывает новые возможности для как количественных, так и качественных лингвистических исследований.

Далее была проведена лемматизация лексических единиц. Эта процедура позволила унифицировать анализ словоупотреблений (например, формы БЫЛО, БЫЛ, БЫЛИ, ЕСТЬ, БУДУТ сводятся к лемме БЫТЬ).

В рамках исследования лексической семантики аналитическая выборка нейтральной лексики сформирована строго из знаменательных частей речи: существительных, прилагательных и глаголов. Из рассмотрения были исключены следующие категории лексических единиц:

- служебные слова, наречия, местоимения, числительные, имена собственные, например: В, КВЕРХУ, ОДНАЖДЫ, МЫ, ВОСЕМЬ, СОФИЯ, ДРЖЕВЕЦКИЙ и т.д.;

- специализированная лексика, географические наименования, исторические реалии: ДУНАЙ, ФИНЛЯНДЕЦ, ЕКАТЕРИНГОФ, ВСЕРОССИЙСКИЙ.

Затем был реализован диахронический анализ нейтральной лексики рассматриваемых текстов посредством перекрестного сопоставления. Исследование проводилось последовательно.

Первоначально сопоставлялись нейтральная лексика, относящаяся к XIX и XX столетиям. Выявлено совпадение в 72 словах.

На втором этапе анализировалась нейтральная лексика, представленная в текстах XIX и XXI веков. В результате сравнения обнаружено 55 общих лексических единиц.

На третьем этапе было выполнено сравнение нейтральной лексики текстов XX и XXI веков. Итог - 70 общих лемм.

В завершение был проведен обобщающий анализ информации, полученной для всех трех временных отрезков (XIX, XX и XXI столетий). В конечном счете, было установлено наличие 22 слов, встречающихся в

текстах всех рассматриваемых исторических периодов, а именно: БЕЛЫЙ, БЫТЬ, ВИДЕТЬ, ВОДА, ВРЕМЯ, ВСЯКИЙ, ГЛАЗ, ГОВОРИТЬ, ГОЛОВА, ДЕЛАТЬ, ДЕНЬ, ДРУГОЙ, НОЧЬ, РАССКАЗЫВАТЬ, СКАЗАТЬ, СТАНЦИЯ, СТАРЫЙ, СТОЯТЬ, УВИДЕТЬ, ХОТЕТЬ, ХОТЕТЬСЯ, ЧЕЛОВЕК.

Эти слова охватывают базовые категории восприятия (ВИДЕТЬ, ГЛАЗ), бытия (БЫТЬ, СТОЯТЬ), времени (ВРЕМЯ, ДЕНЬ, НОЧЬ), деятельности (ГОВОРИТЬ, ДЕЛАТЬ, РАССКАЗЫВАТЬ, СКАЗАТЬ), социального взаимодействия (ЧЕЛОВЕК), оценки (ВСЯКИЙ, ДРУГОЙ, СТАРЫЙ), цвета (БЕЛЫЙ) и желания (ХОТЕТЬ, ХОТЕТЬСЯ). Присутствие лексемы СТАНЦИЯ указывает на важность понятия места, пространства и коммуникации, даже несмотря на изменения в технологиях и образе жизни.

Сохранность этих лексических единиц в трёх временных срезах указывает на универсальность соответствующих понятий и их ключевую роль в коммуникации, что позволяет отнести их к ядерной лексике русского языка.

Полученные результаты позволяют сделать ряд промежуточных выводов о природе ядерной лексики русского языка:

Во-первых, устойчивость выявленных 22 лексем на протяжении трёх столетий свидетельствует о консервативности ядра лексической системы. Эти единицы сохраняют свою актуальность несмотря на масштабные социокультурные трансформации, технологические прорывы и эволюцию коммуникативных практик. Их инвариантность демонстрирует, что базовые когнитивные категории (восприятие, бытие, время, действие и др.) остаются неизменными опорными точками языковой картины мира.

Во-вторых, анализ тематического распределения слов позволяет выделить ключевые смысловые категории, охватывающие важнейшие сферы человеческого опыта:

- перцептивная категория раскрывает первостепенную роль визуального восприятия в процессе познания мира;
- экзистенциальная категория закрепляет базовые представления о бытии и пространственной ориентации;
- темпоральная категория систематизирует восприятие временных циклов и хронологических рамок;
- акциональная категория подчёркивает ценность речевой коммуникации и практических действий;
- социальная категория концентрируется на человеке и многообразии его социальных связей;
- оценочная категория формирует способы классификации признаков и качественных характеристик;
- модальная категория передаёт оттенки волеизъявления и модальные значения.

В-третьих, присутствие лексемы СТАНЦИЯ в списке ядерной лексики подтверждает способность языкового ядра адаптироваться к новым реалиям, сохраняя при этом свою концептуальную основу. Несмотря на радикальную трансформацию самого понятия (от почтовой станции XIX века до железнодорожной, космической или даже зарядной станции для электромобилей в XXI веке), слово сохраняет своё семантическое ядро — «место в пространстве, предназначенное для определённой деятельности или обслуживания». Это демонстрирует динамичность языковой системы и её способность отражать меняющийся мир, не теряя при этом связи с прошлым.

Таким образом, ядерная лексика предстаёт как живой механизм языковой системы — одновременно стабильный и гибкий, сохраняющий культурную память и открытый к изменениям. Её изучение не только углубляет понимание устройства языка, но и проливает свет на универсальные закономерности человеческого мышления.

Литература

1. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2-х т. — Т. 1. Повести; Рассказы. — Москва.: Худож. лит., 1981.
2. Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка: учебное пособие для спецкурса. — Красноярск, 2014.
3. Добрынина К.С. О методике работы над конкордансами //Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. — №1 (12). — С. 59–63.
4. Куприн А.И. Собрание сочинений: В 9 т. — Произведения 1908-1913. — Т. 5. Москва: Правда, 1964.
5. Некрасова Е.И. Калечина-Малечина. — Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. — Москва: URSS, 2010.

Л.В. Лукина

Описание национальной специфики лексической единицы «выговор» в русском и английском языках

Аннотация: В статье на примере лексемы «выговор» рассматривается контрастивная методика и использование в ее рамках формализованных параметров с целью выявления национальной специфики семантики лексических единиц в двух языках.

Ключевые слова: контрастивный анализ, национальная специфика, индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, контрастивная пара.

Abstract: At the example of the lexeme «vygovor» the paper presents the contrastive method and the use of formalized parameters within its framework in order to determine the national peculiarities of the semantics of lexical units in two languages.

Key words: contrastive analysis, national peculiarity, indices of denotational, connotational and functional identity of lexemes, contrastive pair.

В последнее время лингвисты, специалисты в области лексикографии и межкультурной коммуникации проявляют все больший интерес к сопоставительным исследованиям разных языков. В конце XX века из большого количества лингвистических исследований выделяется новое лингвистическое направление – контрастивная лингвистика, целью которой является выявление национальной специфики языков и культур и, прежде всего, лексики.

Один из новаторов разработки теоретических и практических проблем контрастивной методики И.А. Стернин подчеркивал, что в соответствии с разработанной методикой и «по предложенным образцам описаний» можно осуществлять контрастивный анализ языковых единиц и «коммуникативных фактов разного типа» (Стернин 2006, с. 3).

Контрастивная лексикология анализирует сходства и различия лексических и фразеологических единиц в одном языке (обычно родном) относительно другого (иностранный). На основе контрастивной методики нами были описаны наименования речевых событий в русском и английском языках, которые имеют форму устной или письменной речи, наличие одного или нескольких говорящих (пишущих) и одного или нескольких слушающих (читающих), а также определенной цели. В результате исследования анализируемые наименования речевых событий были разделены на три группы: устные, письменные и письменно-устные. По семантическому признаку данные группы были подвергнуты дальнейшему делению на речевые события «Сообщение информации», «Обсуждение информации» и «Запрос информации».

В данной статье мы рассмотрим лексему «выговор», входящую в подгруппу лексем русского языка, обозначающих устное речевое событие «Сообщение информации». Данная лексическая единица имеет наибольший индекс множественности соответствий (Лукина 2008) в исследуемой подгруппе. В английском языке ей соответствуют 7 лексем: *talking-to, scolding, dressing-down, telling-off, wiggling, reprimand, reproof*.

Анализ проводился на основе сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, разрабатываемого в рамках Воронежской научной теоретико-лингвистической школы (Стернина, 2025). В исходном (русском) языке была определена исходная лексема (в данном случае, «выговор») и составлен список всех ее векторных соответствий в английском языке, а также проведено их семное описание. Анализ русских толковых словарей позволил выделить следующие семы:

ВЫГОВОР – строгое словесное внушение; замечание, являющееся вызыванием, наказанием за поступок (Толковый словарь Ожегова).

ВЫГОВОР – упрёк, замечание, внушение (Толковый словарь Кузнецова).

На основе словарных толкований нами были выделены следующие семы русской лексемы:

ВЫГОВОР – сообщение, устное, в виде серьезного замечания, с целью осуждения за проступок.

неоценочное, неэмоциональное.

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

На основании ряда английских толковых словарей было выявлено 7 векторных соответствий лексеме «*выговор*» в английском языке. Приведем их семное описание и парное сравнение с русской лексемой.

При анализе национальной специфики контрастивных пар семное описание проводится в следующем порядке: денотативные, коннотативные и функциональные семы. Для большей объективности высчитываются индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, вычисляемые через отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем, а также интегральный индекс идентичности лексем, определяемый как среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности (Лукина, 2008). Жирным шрифтом обозначены несовпадающие семы в исходном и иностранном языках.

Рассмотрим каждую векторную пару.

ВЫГОВОР – talking-to

сообщение

устное

в виде **серьезного** замечания

с целью осуждения за проступок

НЕОЦЕНОЧНОЕ

НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

межстилевое

общенародное

современное

общераспространенное

употребительное

сообщение

устное

в виде **сердитого** замечания

с целью осуждения за проступок

НЕОЦЕНОЧНОЕ

НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

разговорное

общенародное

современное

общераспространенное

малоупотребительное

ВЫГОВОР – scolding

сообщение

устное

в виде **серьезного** замечания

с целью осуждения за проступок

НЕОЦЕНОЧНОЕ

НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

межстилевое

общенародное

современное

общераспространенное

употребительное

сообщение

устное

в виде **сердитого** замечания

с целью осуждения за проступок

НЕОЦЕНОЧНОЕ

НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

книжное

общенародное

современное

общераспространенное

малоупотребительное

ВЫГОВОР – dressing-down

сообщение
устное
в виде **серьезного** замечания
с целью осуждения за проступок
НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
межстилевое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

сообщение
устное
в виде **сердитого** замечания
с целью осуждения за проступок
НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
разговорное
общенародное
устаревшее
общераспространенное
малоупотребительное

ВЫГОВОР – telling-off

сообщение
устное
в виде **серьезного** замечания
с целью осуждения за проступок
НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
межстилевое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

сообщение
устное
в виде **сердитого** замечания
с целью осуждения за проступок
НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
разговорное
общенародное
современное
американское
малоупотребительное

ВЫГОВОР – wiggig

сообщение
устное
в виде **серьезного** замечания
с целью осуждения за проступок
НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
межстилевое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

сообщение
устное
в виде **сердитого** замечания
с целью осуждения за проступок
НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
разговорное
общенародное
устаревшее
британское
малоупотребительное

ВЫГОВОР – reprimand

сообщение
устное
О
в виде **серьезного** замечания
с целью осуждения за проступок

сообщение
устное
официальное
в виде **серьезного** замечания
с целью выражения неодобрения

НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

межстилевое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

НЕОЦЕНОЧНОЕ
НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

книжное
общенародное
современное
общераспространенное
малоупотребительное

ВЫГОВОР – reproof

сообщение

устное

О

в виде серьезного замечания

с целью осуждения за проступок

НЕОЦЕНОЧНОЕ

НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

межстилевое

общенародное

современное

общераспространенное

употребительное

сообщение

устное

обвинительное или неодобрительное

О

с целью осуждения

НЕОЦЕНОЧНОЕ

НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

книжное

общенародное

современное

общераспространенное

малоупотребительное

Представим индексы идентичности контрастивных пар лексемы «выговор» в таблице:

Контрастивная пара	Индекс денотативной идентичности	Индекс коннотативной идентичности	Индекс функциональной идентичности	Индекс интегральной идентичности лексем
Выговор - talking-to	88%	100%	60%	83%
Выговор - scolding	88%	100%	60%	83%
Выговор - dressing-down	88%	100%	40%	76%
Выговор - telling-off	88%	100%	40%	76%
Выговор - wiggling	88%	100%	20%	69%
Выговор - reprimand	60%	100%	60%	73%
Выговор - reproof	50%	100%	60%	70%

Необходимо отметить, что эти же индексы служат и для характеристики степени проявления национальной специфики семантики, поскольку семантическая эквивалентность и национальная специфика семантики находятся между собой в обратно пропорциональной зависимости – чем больше у конкретной контрастивной пары выявлено эквивалентных сем, т.е. чем больше у нее индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности, а также интегральный индекс идентичности лексем, тем меньше у этой пары будет национально-специфических сем, тем меньше она будет демонстрировать национальную специфику семантики.

К полученным данным была применена разработанная нами *шкала определения типов межъязыковых соответствий* (Лукина, 2008). На ее основании было выявлено, что полного соответствия лексеме «выговор» в английском языке нет, ближайшими соответствиями являются лексемы «*talking-to*» и «*scolding*», так как интегральный индекс идентичности этих лексемами составляет более 80%. Остальные английские лексемы являются близкими соответствиями, так как имеют интегральный индекс от 60 до 80%. При этом лексемы «*dressing-down*» и «*wigging*» являются устаревшими и малоупотребительными.

Таким образом, контрастивная методика и использование в ее рамках объективных формализованных параметров позволяют достаточно точно и наглядно выявить как национальную специфику семантики лексических единиц, так и семантическую эквивалентность в двух языках. Для этого необходимо проводить детальное семное описание всей структуры значения.

Литература

1. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2006.
3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: РИТМ, 2025.

А.М. Манюхина

Сопоставительное исследование семантики однокоренных лексем *неуч* и *неук* в русском языке

Аннотация: В статье рассматривается развитие семантики однокоренных существительных русского языка *неуч* и *неук* в диахронии. Проведен структурно-семантический анализ выбранных слов, сопоставлена их семантика в разные исторические периоды.

Ключевые слова: неуч, неук, семантика, этимология, диахрония.

Abstract: The paper examines the development of the semantics of the Russian the sigle-root nouns *neuch* and *neuk*. The structural and semantic analysis of the words is carried out, their semantics in different historical periods is compared.

Key words: neuch, neuk, semantics, etymology, diachrony.

Этимологическое гнездо с корнем *ук-* и его алломорфами *уч-/вык-/выч-* имеет довольно разветвленную структуру и трансформировалось с течением времени. Членами исследуемого словообразовательного гнезда являются слова *неуч* и *неук*, образованные от праславянской основы *ук/ъ* префиксальным способом с префиксом *не-*. Исследуемые лексемы исторически имеют смысловую близость в значении «невежда,

необученный», однако впоследствии их значения расходятся, что делает эти слова и их историю примером процесса семантической дивергенции.

Чтобы проследить становление семантики слова *неуч*, обратимся к словарным статьям. В толковом словаре Живаго Великоруского языка В.И. Даля слово *неуч* является производным словом от *неук* и имеет два значения «невъезжанная скотина» и «тот, кто невежлив»:

«НЕУК м. невъезженная, ни в упряжь, ни под верх, скотина, особ. лошадь. Бьет неук, бьют и неуча. Неук бьет, а обойдется, смиренней коровы идет. Неуч м. невежа, грубиян; не знающий или не соблюдающий обычаев вежливости, приличия; неучтивый человек. Неучь ж. собирает. неучи. Этакая неучь сошлась, бурлаковщина! Неучтивость ж. свойство, неучтивство ср. поступки неуча; невежливость, неприличное, грубое обращение. Неучтivec м. -вица ж. неуч, невежа, грубиян, невежливец. Неучение ср. невежество. Учение свет, неучение тьма» (Даль, 1882, с. 282).

Здесь мы наблюдаем сосуществование лексем – в этот исторический период они используются равнозначно.

В словаре древнерусского языка XI–XIV вв. слово *неуч* отсутствует, однако приводится лексема *неоученыи*, которая также имеет значение «невежественный, необученный» и «необъезженный» – что означает, что существительные все еще четко не зафиксированы в литературном языке:

«Неоученыи пр.1.Необразованный, невежественный:По невѣжеству ѿже ѿ простыни. неоученыи члѣвъ. створить вину. МПр XIV, 70об.; то же KB к. XIV, 292б; необученный, ненаученный: да не осудимъ с.а.егда обращемъ(с) бесловеснагѡ і неоученагѡ юста хуже. МПр XIV, 33; необъезженный; неукротимый: і прѡ(т) бо кривъ не терпи(т) напрасна ісправле(н)а. і конѧ неоучена оуздѡ възложивши ѡздити. (δυσκοδεκτος) ГБ XIV, 61в. 2. Усвоенный без учения: тѣмъ ни стража ихъ. трѣбовати законоположьныхъ. нѣ довьльноу быти. неоученыимъ обычаимъ. въ облыганію сквърны. (ἀδικοτφ) KE XII, 203а.» (Словарь древнерусского языка 2002, с. 317).

В Словаре Академии Российской уже появляется существительное *неуч*, однако *неук* в обоих своих значениях отсутствует, что говорит нам о том, что лексема не закрепилась в литературном языке.

В словаре русского языка XVIII века, однако, снова появился вариант *неук*, но уже без значения «необъезженная скотина», что говорит об терминологизации и перехода данного значения в узкую сферу употребления:

«НЕУК, а, м. Невежда, неуч.

НЕУЧ а, м. и НЕУЧЬ, и, м. и ж. Необразованный, невежественный человек. Простыи, мужиковатыи, неучь. ВЛ 262. [Совѣтница:] Всѣ сосѣди наши такая неучи, такая скоты. Фнв. Бриг. 23. [Обиралов:] Вишь какой неучь, не обсервует рангу. Перем. нр. 79. <Н. в чем.[Праволов:] Я неуч в ябѣдах. Капн. Яб. 75.[Бран.[Старосвѣтов:] Я кленуся ..., что отмщу тебѣ ..

Ты дурак! невѣжа! скатина! неучь! Лук. Щепет. 234.[собр.Фронтовых войск, сказывают, считается не болѣе 50 тысяч, а прочее все неуч и сволочь. Псм Б.-Б. III 23.» (Словарь русского языка XVIII века 1992, с. 201).

В Большом академическом словаре русского языка слово *неук* уже имеет помету *устаревшее*, так как на данном историческом этапе крестьянство ушло в прошлое, а вместе с ним и слова, описывающие крестьянский быт (*неук* – необъезженная скотина):

“НЕУЧ, а, м. Разг. Необразованный, невежественный человек.” (Большой академический словарь русского языка 2004, с.355).

“НЕУК, а, м. Устар. и прост. 1. Тот, кто не обучен (чему-л.); невежда, неуч. 2. Необъезженная, но приученная к езде лошадь” (там же, с. 325).

Если посмотреть контексты: частотность употребления *неук* примерно в 10 раз меньше, чем у *неуч*:

«Когда открылись церковно-приходские школы, толковали, что это «государынино дело», что она, выходя замуж за нашего царя, «смеялась ему», что народ у него «неук» (неученый – темный).» (О. П. Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний (1885-1906)).

«В белой войлочной шляпе, в разноцветном халате Ахмет покачивался на седле и помахивал плетью, забыв, казалось, про пленника. Степной *неук* бежал легкой рысью. Истома со связанными руками бежал сзади» (Велимир Хлебников. Есир (1918-1919)).

«*Неук* – необъезженная лошадь, не ходившая еще ни в упряжи, ни под верхом» (Вл. А. Гиляровский. Друзья и встречи / Антоша Чехонте (1934)).

В современном толковом словаре Ефремовой мы видим, что в современном русском языке основное значение слова *неуч* не изменилось, однако, с течением времени утратилось встречаемое в некоторых словарях (например, в словаре В.И. Даля) значение «невыезжанная скотина»:

“неуч м. 1. простореч. Необразованный, невежественный человек. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово” (Ефремова 2014, с. 368).

В современном русском языке *неук* встречается в словаре-справочнике по коневодству, будучи узкопрофессиональным, сохраняя значение «молодая табунная лошадь, не прошедшая обтяжку» (Словарь-справочник по коневодству, 2023).

Таким образом, можно сделать вывод, что слово *неуч* имело прямую связь со значением учения, обученности (*ук* – *навык*, *учение*), что «привязывало» лексему к семантической сфере *обученности/необученности*. С течением времени и развитием русского языка, а также изменением культурных реалий лексема *неук*, утратившая значение *необъезженная скотина* (в связи с исчезновением крестьянства и данного

явления в жизни человека) устарело и осталось только в виде термина в сфере коневодства.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А.С. Герд. — М., СПб.: Наука, 2004.
2. Даль В. Толковый словарь великорусского языка. — Санкт-Петербург; Москва: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882.
3. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь русского языка. — М.: Астрель, 2014.
4. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. — СПб., 1806-1822.
5. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10-ти томах / Академия наук СССР, Институт русского языка; Гл. ред. Р. И. Аванесов. — Т. 5 (молишь-область). — М.: Русский язык, 1988 — 2002.
6. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984 — 1991, СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992.
7. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bio.niv.ru/doc/dictionary/horse-breeding/index.htm> (дата обращения 20.09.2025)

И.А. Меркулова

Лексема *вода* в заромбовой части инославяно-русских словарей

Аннотация: В статье рассматриваются сочетания лексемы ‘вода’ в славянских языках, представленные в двуязычных словарях русского и других славянских языков, и выявляются особенности славянского восприятия свойств и качеств воды.

Ключевые слова: лексема, синтагматика, славянские языки.

Abstract: The paper examines the combinations of the lexeme ‘water’ in Slavonic languages, presented in bilingual dictionaries of Russian and other Slavonic languages, and identifies the peculiarities of Slavic perception of the properties and qualities of water.

Key words: lexeme, syntagmatics, Slavonic languages.

*Потому что без воды -
И ни туды и ни сюды!
В. Лебедев-Кумач*

Вода – это простое вещество, без которого невозможно представить существование жизни на Земле, обладает не только характерными физическими и химическими свойствами. Вода как словесный знак имеет яркую символическую и культурологическую нагруженность, отраженную в языке того или иного народа. Вода встречается в сказках и мифах, используется в ритуалах и магических практиках в роли чудодейственной жидкости, способной воскрешать умерших. Наконец, вода является символом христианского учения, возвращающего человека к исходной божественной чистоте. В словаре «Славянские древности» статья,

посвященная воде, занимает четыре страницы двухколончатого текста (Славянские древности 1995, с.386-390). Во “Фразеологическом словаре старославянского языка” (Фразеологический словарь 2011) лексема ‘вода’ входит в состав следующих выражений:

Вода жива(ја), животноја 1. Символ христианского учения, которое возвращает человека к исходной чистоте, телесной и духовной. 2. Колодезная, родниковая или проточная вода, годная для питья и омовения.

Вода на вино прѣлагаѹма. Водж на вино прѣлагати/прѣложити, прѣтварјати/прѣтворити. Вода, превращенная в вино. Воду превращать/превратить в вино.

Вода прѣрѣканија, вода прѣрѣканънаја. Среда и время вражды, споров, озлобленности, мятежа, взаимного непонимания.

Естественно, что лексема ‘вода’ входит в лексико-семантические системы всех языков, можно сказать, является лексической универсалией, но занимает в них неодинаковое место.

Объектом нашего исследования послужили славянские языки, точнее двуязычные инославяно-русские словари (см. список в Меркулова 2021), которые были исследованы методом параметрического анализа. При этом существующая база была дополнена синтагматической характеристикой лексики русинского языка по словарю И. Керчи (Керча 2007).

Методика параметрического анализа лексики, предложенная профессором В.Т. Титовым (Титов 2002), позволяет не только ответить на вопрос, “какое из слов самое важное” в системе, но и определить вес большинства лексем, имеющих в словаре, учитывая лишь системные характеристики (функциональную нагруженность, широту сочетаемости, полисемию, синонимическую активность), причем сделать это с математической точностью, используя формулу.

Не вдаваясь в математические тонкости, отметим, что эта формула позволяет определить вес каждой единицы на всем корпусе словаря.

Одним из системных параметров данного анализа является синтагматическая активность. В двуязычном словаре, как известно, сочетаемость лексической единицы описывается в так называемой ромбовой части. Эта словарная зона дает исследователю богатый материал по фразеологии и паремиологии языка.

Определим синтагматический вес лексемы ‘вода’ в славянских языках (таблица 1).

Таблица 1

**Вес лексемы “вода” по синтагматическому параметру
в славянских языках**

Язык	Лексема	С-вес
Белорусский	вада	0,99842
Украинский	вода	0,99571

Русский	вода	0,99846
Русинский	вода	0,9933
Польский	woda	0,9997
Чешский	voda	0,9717
Словацкий	voda	0,99980
В-лужицкий	woda	0,9997
Н-лужицкий	woda	0,9931
Македонский	вода	0,9974
Болгарский	вода	0,9973
Сербский	вода	0,9925
Словенский	voda	0,9372
Хорватский	voda	0,9403

Как видно из таблицы 1, лексема “вода” характеризуется сочетаемостной активностью во всех славянских языках. Наименьший вес по синтагматическому параметру данная лексема имеет в словенском, хорватском и чешском словарях, возможно, из-за их карманного характера. Они относятся к малым двуязычным словарям и экономно представляют словарную статью.

Что же показали наши наблюдения?

Все словари дают большое количество примеров определительных сочетаний. Например, в польском языке *woda słodka* пресная вода, *woda do picia* питьевая вода, *woda płynąca* проточная вода, *wody gruntowe* грунтовые воды, *woda podskórna* подпочвенная вода, *wody ściekowe* сточные воды, *woda wezbrana* полая вода, *wody terytorialne* территориальные воды, *woda płodowa* околплодные воды; в чешском языке *pitná voda* питьевая вода, *kolínská voda* одеколон; в сербском языке *вода за piће* питьевая вода, *kисела вода* минеральная вода, *колоњска вода* одеколон, в болгарском языке *бистра вода* прозрачная вода, *изворна вода* ключевая вода, *дъждовна вода* дождевая вода, *морска вода* морская вода, *сладка вода* пресная вода, *мътка вода* мутная вода, *течаща вода* проточная вода, *застояла вода* стоячая вода, *вода за пиене* питьевая вода, *газирана вода* газированная вода, *минерални води* минеральные воды; в македонском языке *колонска вода* одеколон; в верхнелужицком *słodka woda* пресная вода, *twjerda woda* жёсткая вода, *pitna woda* питьевая вода, *mineralna woda* минеральная вода, *stejata woda* стоячая вода, *běžaca woda* проточная вода, *wulka woda (wulke wody)* половодье, полые воды, в нижнелужицком языке *k pišeju woda*, *pitna woda* питьевая вода; в словацком языке *kollnska voda* одеколон, *pitná voda* питьевая вода; в русинском языке *солodka вода* пресная вода, *тверда вода* жесткая вода, *на питя вода* питьевая вода, *дика вода* половодье, *тоалетна/ружова вода* лосьон, в хорватском *bunarska voda* колодезная вода, *hladna voda* холодная вода, *morska voda* морская вода, *pitka voda* питьевая вода, *slatka voda* пресная вода, *vruća voda* горячая вода.

Кроме определительных, дающих представления о свойствах воды, в словарях отмечаются и другие типы сочетаний, отмечающих:

- **магическую силу воды, способную очистить, исцелить.**

Польск. *woda żywa* фольк. живая вода; укр. *woda nie osiągnie* (відсвятиться, посвятиться) без кого ничто не обойдется без кого-либо и польск. *Boi się jak diabeł święconej wody* бежит как черт от ладана; в-луж. *bojeć się jak czert święconej wody* бояться как чёрт ладана, где роль ладана выполняет святая вода.

- **природные свойства воды, свежесть, прозрачность.**

Укр. *чистої води, чистісної води* настоящий, бел. *вывесці на чыстую ваду* вывести на чистую воду, в-луж. *wutnej wodze rybu łojić* ловить рыбу в мутной воде; макед. *лови во матна вода* ловить в мутной воде.

- **движение, течение воды.**

Серб. *ићи уз воду* идти против течения; в-луж. *přećiwo wodze* против течения, *po wodze* по течению; н-луж. *po woże* по воде, *po woże jeś* плавать, *z wodu* вниз по течению (по реке), *pod wodu* вверх по реке, против течения; белор. *пайсці за вадою* поплыть по течению; укр. *як (мов, ніби і т. ін.) вода вмила (змила) кого, що* кто-либо быстро, неожиданно исчез или что-либо бесследно пропало, русин. *долу водов* по течению, *горі водов* против течения.

Среди предметов быта, связанных с водой, во фразеологии нашли отражение **решето и ступа** (у восточных и западных славян). Укр. *як в решеті води* совсем нет; бел. *таўчы ваду (ў ступе)* толочь воду (в ступе), *насіць ваду ў рэшаце* носить воду решетом, *праўды, колькі ў рэшаце вады* неправда, ложь; польск. *Wodę warzyć, woda będzie* воду в ступе толочь; в-луж. *wodu do křidy kidać* носить воду решетом.

Фразеологизм 'в тихом омуте черти водятся' имеется в некоторых славянских языках и также содержит лексему вода. Серб. *Тиха вода брег рони*; болг. *пази се от тиха вода*; в-луж. *čiche wody su hluboke*.

Межславянскими фразеологическими соответствиями являются в-луж. *wodu a eštej tyń leć* лить воду на чью-л. мельницу; макед. *налева вода на туѓа воденица* лить воду на чужую мельницу; макед. *многу вода истече* много воды утекло, белор. *шмат вады сплыло* много воды утекло; укр. *не розлий вода* неразлучные/не разлей вода, белор. *вадой не разліеш* водой не разольешь; в-луж. *dżesata woda zowski* седьмая (десятая) вода на киселе; укр. *десята (сьома) вода на киселі (рідко на кисіль)*, ирон. очень далекая родня белор. *дзесятая вада на кісялі* десятая вода на киселе; болг. *минавам през огън и вода пройти огонь и воду*, в-луж. *ze wšitkimi wodami křceny* пройти огонь и воду.

Белорусско-русские соответствия: *як у ваду апушчаны* как в воду опущенный; *выйсці сухім з вады* выйти сухим из воды; *пабыў у вадзе і не мокры нідзе* вышел сухим из воды; *вады ў рот набраць* воды в рот набрать.

Украинско-русские соответствия: *як (мов, ніби і т. ін.) з гуски (гуся, рідко гусака) вода* кто-либо совершенно не реагирует на что-либо, ничто не действует на кого-либо, русс. *как с гуся вода*.

Вероятно, с представлениями о том, что душа человека после его смерти погружается в воду связаны болг. *падне во вода* как в воду кануть, белор. *як у ваду кануў* как в воду канул, укр. *взяла вода кого* кто-либо утонул и польск. *znikł jak kamień w wodę* как в воду канул (дословно исчез как камень в воде).

Таким образом, можно говорить о наличии в славянских языках фразеологизмов с лексемой 'вода', обладающих семантическим генетическим и/или структурным тождеством. В работе В.Т. Титова они названы фразеоредами (Титов 2002). Это весьма продуктивный термин для сопоставительной фразеологии родственных языков.

Другая группа – устойчивые сочетания, тождественные по семантике, но различающиеся компонентным составом, строением.

В случае, когда носители русского языка будут, скорее всего, *подливать масло в огонь*, носители болгарского скажут: *Подливам някому вода* напортить, подстроить неприятность. О вражде в белорусском языке можно сказать *жывуць як агонь з вадою* (русс. *живут как кошка с собакой*). В в-луж. *wodu do Sprjewjeosyć* – поговорка, эквивалентная по значению русс. *ехать в Тулу со своим самоваром*. Укр. *хоч у воду* используется для подчеркивания безвыходности положения кого-либо и в русском языке, очевидно, будет соответствовать выражению *хоть в петлю*. Тихоня, незаметный человек в в-луж. *śicha woda*, а в макед. *тивка вода* хитрец, притворщик. Белор. *як пугаю на вадзе* – это не вилами по воде, а скорее как об стенку горох в русском языке.

Не нашли фразеологических соответствий и русс. *как в воду глядел* (предвидел, предупреждал, как будто заранее знал) и *с лица не воду пить* (красота в человеке не главное).

Наконец, отдельные фразеологизмы, переведены в ромбовой части описательно: Укр. *ні за холодну воду* ничего не делать, ничем не заниматься, *як воду, з сл. питу і под.* в большом количестве или легко; *як (мов, ніби і т. ін.) з води* 1. очень быстро, 2. совсем неожиданно, внезапно, 3. очень легко, хорошо, с удалью; в-луж. *wodami do zadka stupa* я в отчаянном положении; словац. *Ist' dolu vodou* идти насмарку.

Подводя итог, можно отметить универсальность восприятия образов воды, отраженных в синтагматике данной лексемы в славянских языках: чистая вода как проявление чистоты, свежести, честности, ясности противопоставляется мутной воде как образу чего-то нечистого, смутного, грязного и нечестного; текущая вода как олицетворение движения, активности противопоставляется стоячей воде как показателю застоя, пассивности.

Нельзя не заметить, что есть отдельные примеры, когда универсальное передается во фразеологии за счет конкретных национально маркированных ситуаций использования воды человеком и оценки ее состояния в природе. Например, сочетание *‘пресная вода’* характерно лишь для восточнославянских языков, во всех других славянских языках такая вода называется *сладкой*. Предметы быта (решето и ступа) характерны для “водных” фразеологизмов восточно- и западнославянских языков.

Литература

1. Меркулова И.А. Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021.
2. Керча И. Русинско-русский словарь в 2-х томах. – Ужгород: ПоліПрінт, 2007.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. – Т. 1: А-Г. – М., 1995.
4. Титов В.Т. Общая квантитативная лексикология романских языков – Воронеж, 2002.
5. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв.ред. С.Г. Шулежкова. – М.: Флинта: Наука, 2011.

Н.А. Неровная

Контрастивный анализ лексемы «укрепление» в русском и английском языках

Аннотация: В статье рассматриваются векторные соответствия русской лексеме «укрепление» в английском языке. С помощью инструментов сопоставительно-параметрического метода определены ближайшие, близкие и дальние соответствия изучаемой лексемы в английском языке.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, контрастивная пара, межязыковые соответствия, семное описание, сопоставительно-параметрический метод.

Abstract: The paper discusses vector correspondences of the Russian lexeme "ukrepleniye" in English. Using the tools of the comparative-parametric method, the nearest, near and far correspondences of the studied lexeme in the English language are determined.

Key words: contrastive linguistics, contrastive pair, interlingual correspondences, semic description, comparative-parametric method.

Целью статьи является контрастивный анализ русской лексемы «укрепление» в значении «оборонительное сооружение» и ее векторных переводных соответствий в английском языке. Исследование выполнено в рамках контрастивной лингвистики (Стернин 2006) с применением сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2025).

Актуальность выбора для исследования лексемы «укрепление» обусловлена активным участием вооруженных сил нашей страны в боевых действиях и необходимостью правильного перевода военной лексики. У данной лексемы имеется достаточно большое количество переводных

соответствий (а именно, 15 векторных соответствий, предлагаемых русско-английским словарем Multitran), что представляет определенную трудность при переводе.

Исследование проводилось путем определения значения лексемы «укрепление» и ее семного описания в результате синонимического расширения и анализа дефиниций толковых словарей русского языка. Были выявлены все переводные соответствия данной лексемы в английском языке и осуществлено их посемное сравнение с русской лексемой. При описании несовпадающие семы обозначены *жирным курсивом*, отсутствующие – *жирным шрифтом*:

УКРЕПЛЕНИЕ – место, постройка, оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения.

неоценочное, незмоциональное;
межстилевое, общеупотребительное, современное,
общераспространенное, употребительное.

ALCAZAR – место, постройка, *здание, большое, прочное, с толстыми стенами, с высокими стенами*, оборудованное оборонительными сооружениями, *для проживания короля*, для защиты войск, для защиты населения, *построенное маврами, в Испании*; отс. для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники.

неоценочное, незмоциональное;
межстил., общеупотреб., *устар., исп., амер., малоупотреб.*
BASTILLE – место, постройка, *здание, небольшого размера, высокое*, оборудованное оборонительными сооружениями, *для нападения*, для защиты войск, для защиты населения, *для содержания преступников*; отс. для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники.

неоценочное, незмоциональное;
межстил., общеупотреб., *устар.*, общераспростр., *малоупотреб.*
BASTION – место, постройка, *часть стены здания, выступающее, для защиты здания*, для эффективного применения оружия; отс. оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для защиты войск, для защиты населения, для эффективного применения военной техники.

неоценочное, незмоциональное;
межстил., общеупотреб., *соврем.*, общераспростр., *малоупотреб.*
BULWARK – постройка, *стена, крепостной вал*, для защиты войск, для защиты населения; отс. место, оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники.

неоценочное, незмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., *малоупотреб.*

CASTLE – место, постройка, *здание, большое, с толстыми стенами, с высокими стенами*, оборудованное оборонительными сооружениями, *построенное королями, построенное аристократами, для проживания*, для защиты войск, для защиты населения, *для длительной борьбы, для выдерживания осады*, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники.

неоценочное, незмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., употреб.

CASTRUM – место, *поселение, лагерь, военный, прямоугольный, окруженный стенами, окруженный башнями*, оборудованный оборонительными сооружениями, *с двумя перпендикулярными внутренними дорогами, в Древнем Риме*, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для защиты войск, для защиты населения; отс. постройка, для эффективного применения военной техники.

неоценочное, незмоциональное;

межстил., общеупотреб., *устар., древнерим., малоупотреб.*

CITADEL – место, постройка, *здание, большое, прочное, в городе, в пригороде*, оборудованное оборонительными сооружениями, для защиты войск, для защиты населения, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, *для управления территорией, для управления населением.*

неоценочное, незмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., *малоупотреб.*

FASTNESS – место, постройка, *здание, прочное, окруженное стеной*, оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения, *для управления территорией, для управления населением.*

неоценочное, незмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., употреб.

FORT – место, постройка, *здание, прочное, окруженное стеной*, оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения, *для управления территорией, для управления населением.*

неоценочное, незмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., употреб.

FORTIFICATION – место, постройка, *здание, стена, ров, позиция*, оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения

военной техники, для защиты войск, для защиты населения, **для управления территорией, для управления населением.**

место, постройка,

неоценочное, неэмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., употреб.

FORTRESS – место, постройка, **здание, большое, прочное,** оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения, **для управления территорией, для управления населением.**

неоценочное, неэмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., употреб.

GARRISON – место, **совокупность** построек, **лагерь, военный, постоянный,** оборудованный оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения, **для управления войсками.**

неоценочное, неэмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., употреб.

PRESIDIO – место, постройка, **военное учреждение,** оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения, **для содержания преступников, в странах под контролем Испании.**

неоценочное, неэмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., *исп., малоупотреб.*

STRONGHOLD – место, постройка, оборудованное оборонительными сооружениями, для размещения войск, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения.

неоценочное, неэмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., *малоупотреб.*

TOWER – постройка, **здание, высокое, узкое, большое, прочное, отдельно стоящее, часть другого строения,** оборудованное оборонительными сооружениями, для эффективного применения оружия, для эффективного применения военной техники, для защиты войск, для защиты населения, **для наблюдения;** *отс. место, для размещения войск.*

неоценочное, неэмоциональное;

межстил., общеупотреб., соврем., общераспростр., употреб.

На завершающем этапе исследования нами были вычислены введенные Л.В. Лукиной (Лукина 2008) индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности сравниваемых лексем, а также интегральный индекс идентичности лексем, на основании которого можно

сделать вывод о степени семантической близости переводных соответствий. Результаты исследования приведены в следующей таблице:

Наименование индекса Контрастивные пары	Индекс денотативной идентичности (ИДИ)	Индекс коннотативной идентичности (ИКИ)	Индекс функциональной идентичности (ИФИ)	Интегральный индекс идентичности лексем
укрепление – alcazar	31%	100%	33%	55%
укрепление – bastille	38%	100%	60%	66%
укрепление – bastion	27%	100%	80%	69%
укрепление – bulwark	30%	100%	80%	70%
укрепление – castle	41%	100%	100%	80%
укрепление – castrum	38%	100%	40%	59%
укрепление – citadel	50%	100%	80%	77%
укрепление – fastness	61%	100%	100%	87%
укрепление – fort	61%	100%	100%	87%
укрепление – fortification	57%	100%	100%	86%
укрепление – fortress	61%	100%	100%	87%
укрепление – garrison	63%	100%	100%	88%
укрепление – presidio	66%	100%	60%	75%
укрепление – stronghold	100%	100%	80%	93%
укрепление – tower	38%	100%	100%	79%

В соответствии с классификацией Л.В. Лукиной (Лукина 2011, с.28), **ближайшими** переводными соответствиями являются контрастивные пары *укрепление – stronghold*, *укрепление – garrison*, *укрепление – fort*, *укрепление – fastness*, *укрепление – fortress*, *укрепление – fortification*, *укрепление – castle*. **Близкими** соответствиями являются *укрепление – presidio*, *укрепление – bulwark*, *укрепление – bastille*, *укрепление – bastion*. **Дальними** переводными соответствиями являются пары *укрепление – castrum*, *укрепление – alcazar*.

Таким образом, в результате исследования была выявлена национальная специфика семантики лексем, являющихся векторными соответствиями лексеме «укрепление» в английском языке, и определены ближайшие переводные соответствия. Полученные данные могут быть использованы при составлении дифференциального толково-переводного словаря.

Литература

1. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2006.
2. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: РИТМ, 2025.
3. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.

4. Лукина Л.В. К проблеме изучения межъязыковых соответствий // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж: «Истоки», 2011. – С. 22–29.

Использованные словари

1. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: НОРИНТ, 2007.
2. Толковый словарь Ефремовой. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 14.10.25)
3. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://www.vedu.ru/expdic/> (дата обращения 14.10.25)
4. Толковый словарь Ушакова. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 14.10.25)
5. Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения 17.10.25)
6. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 25.10.25)
7. Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 25.10.25)
8. Oxford Dictionaries. – URL: <https://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения 30.10.22)
9. Wikipedia. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 30.10.25)

Н.А. Пороткова

Описание национальной специфики семантического развития лексем с помощью сопоставительно-параметрического метода

Аннотация: В статье с помощью сопоставительно-параметрического метода рассматривается семантическое развитие лексем *солнце* – *sun*. Определяется степень проявления национально специфического различия семантического развития данных лексем.

Ключевые слова: семантическое развитие, семантический признак, уровень семантического развития, национальная специфика.

Abstract: The paper discusses the semantic development of the lexemes *solnce* – *sun* using the comparative-parametric method. The degree of manifestation of the national specificity in the semantic development of these lexemes is determined.

Key words: semantic development, semantic feature, level of semantic development, national specificity.

Данная статья посвящена описанию семантического развития лексем *солнце* и *sun*, эквивалентных в русском и английском языках. Рассмотрение семантического развития отмеченных лексем проводится с помощью сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2025).

Как показало исследование, семантическое развитие лексем *солнце* и *sun* прослеживается на трех уровнях: семемном, словообразовательном и фразеологическом. В процессе исследования нами были выделены

семантические признаки, релевантные для развития производных семантических единиц на каждом уровне развития слова.

Так, семантема лексемы *солнце* в русском языке включает шесть семем, производных от семемы Д1 данной лексемы. Для семантического развития значения данной лексемы внутри семантемы релевантными являются следующие семантические признаки: *небесное тело* (семема Д2п «центральная планета других планетных систем»), *благоприятное воздействие небесного тела* (семема К1п «источник жизни, чего-либо прекрасного»), *возвышенное положение небесного тела* (семемы К1п «предмет поклонения, любви», «тот, кто прославился в области какой-либо важной деятельности»), *круговое движение небесного тела* (семема Д2п «гимнастическое упражнение на турнике»), *испускание света* и *тепло от небесного тела* (семема Д2п «свет, тепло, солнечное место»).

Лексема *солнце* является основой словообразовательного гнезда, насчитывающего 13 словообразовательных единиц. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, оказались следующие: *небесное тело* (солнечный), *цикличность движения небесного тела* (солнцеворот, солнцестояние), *испускание света* (солнцелюбивый, несолнечный, солнечно, несолнечно), *тепло от небесного тела* (солнцепек), *защита от воздействия небесного тела* (солнцезащитный), *благоприятное воздействие небесного тела* (солнцелечение), *форма небесного тела* (солнце-клеш, солнечник), *форма и цвет небесного тела* (подсолнечник).

Лексема *солнце* в русском языке входит в состав 14 фразеологических единиц. Семантическими признаками, релевантными для образования фразеологизмов с данной лексемой, оказались следующие: *цикличность движения небесного тела* (до солнца, солнце в дуб – полдень, солнце у дуба – утро, солнце за дуб – время после полудня), *направление движения небесного тела* (по солнцу (идти, двигаться)), *возвышенное положение небесного тела* (на одно солнышко глядеть – о родственниках, которые не поддерживают отношения), *благоприятное воздействие небесного тела* (при солнышке тепло, при матери добро – о любви к матери, что мне золото, светило бы солнышко – о бескорыстии человека, взойдет солнце и над нашими воротами – надежда на лучшее будущее, место под солнцем – выгодное положение, пока солнце не взойдет, роса глаза выест – бесполезно ожидать чего-то хорошего и приятного), *испускание света* (луны не видно, когда светит солнце – о всемогуществе добра, красней красного солнышка – о красивом человеке, и на солнце есть пятна – об отсутствии идеала).

Обращает на себя внимание то, что семантическое развитие лексемы *солнце* осуществляется на трех уровнях семантического развития: семемном, словообразовательном и фразеологическом. Однако, представленность этих уровней различна. Для определения

репрезентативности каждого уровня развития семантики слова нами был использован введенный нами *индекс представленности уровня семантического развития слова* (Портнихина 2011, с.46). Так, индекс представленности семемного уровня семантического развития лексемы **солнце** оказался равным 18,2%, индекс представленности словообразовательного уровня – 39,4%, а индекс представленности фразеологического уровня – 42,4%. Таким образом, семантическое развитие лексемы **солнце** осуществляется преимущественно на фразеологическом уровне.

Для определения важности семантического признака в развитии семантики слова мы применили *индекс продуктивности семантического признака* (Портнихина 2011, с.47). Индексы продуктивности перечисленных семантических признаков оказались следующими: *испускание света* – 24,2%, *благоприятное воздействие небесного тела* – 21,2%, *цикличность движения небесного тела* – 18,2%, *возвышенное положение небесного тела* – 9,1%, *небесное тело* – 6%, *тепло от небесного тела* – 6%, *форма небесного тела* – 9,1%, *цвет небесного тела* – 3%, *круговое движение небесного тела* – 3%, *направление движения небесного тела* – 3%, *защита от воздействия небесного тела* – 3%.

Семантема лексемы **sun** в английском языке включает пять производных семем. Семантическими признаками, релевантными для переноса значений внутри семантемы, являются: *небесное тело* (семема D2n «центральная планета других планетных систем»), *цикличность движения небесного тела* (семема K1n «год, день»), *испускание света* и *тепло от небесного тела* (семема D2n «солнечный свет, тепло, лучи/солнечный»), *благоприятное воздействие небесного тела* (семема K1v «греть(ся) на солнце, выставлять на солнце»), *форма* и *цвет небесного тела* (семема K1adj «по форме и цвету напоминающий солнце»).

Лексема **sun** является основой словообразовательного гнезда, насчитывающего 68 словообразовательных единиц. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, оказались следующие: *форма небесного тела* (**sun-fish** – рыба округлой формы, **sunback** – с глубоким вырезом), *форма* и *цвет небесного тела* (**sun-spot** – веснушка, **sunflower** – подсолнечник, **sun-drops** – растение с большими желтыми цветами, **sun-rose** – *бот.* солнцесвет, нежник), *направление движения небесного тела* (**sunward** – по направлению к солнцу, направленный к солнцу, **sunwise** – в направлении движения солнца), *защита от воздействия небесного тела* (**sun-awning** – тент, **sunshade** – зонтик от солнца, **sun-blind** – штора, **sun-blinkers** – солнцезащитные очки, **sun-bonnet** – старомодная дамская шляпа, **sun-glass** – линза, солнцезащитный экран, **sun-glasses** – защитные очки от солнца, **sun-hat** – шляпа от солнца, **sun-helmet** – шлем от солнца, **sun-proof** –

непроницаемый для солнечных лучей, **sun-fast** – не выгораемый на солнце, **sunblock** – крем против загара, **sunscreen** – средство для защиты от солнечного ожога), *испускание света* (**sun-bright** – яркий как солнце, **sun-glow** – яркий свет солнца, зарево на рассвете или закате, **sunlight** – солнечный свет, **suniness** – яркость, **sunshine** – солнечный свет, **sunbeam** – солнечный луч, **sun-ray** – солнечный луч, **sunburst** – внезапный проблеск солнечного света, **sun-bow** – радуга, образованная преломлением солнечных лучей в брызгах воды, **sun-lamp** – лампа солнечного света, **sunless** – лишенный света, **sunlit** – освещенный солнцем, **sun-palour** – солнечная комната, **sun-lounge** – комната со стеклянными стенами, обеспечивающая проникновение солнечного света, **sun-roof** – крыша в автомобиле, которая открывается для освещения и проветривания салона, **sunstone** – солнечный камень, имеющий желтовато-красноватый отблеск, **sunny** – излучающий солнечный свет, **sun-trap** – место, максимально освещенное солнцем, **sun-pillar** – солнечный столб, **sun-drenched** – характеризующийся большим количеством солнечного света), *возвышенное положение небесного тела* (**sun-bird** – птица, принесенная в жертву Солнцу, **sun-cult** – культ Солнца, **sun-god** – бог солнца, **sun-worship** – поклонение солнцу, **sun-dance** – религиозный танец поклонения солнцу), *возвышенное положение небесного тела и форма небесного тела* (**sun-disk** – солнечный диск, защищаемый змиями и имеющий крылья, символ египетского бога солнца Ра), *благоприятное воздействие небесного тела* (**sun-porch** – солярий, **suntan** – загар, **sun-bath** – солнечная ванна, **sunbathe** – принимать солнечные ванны, **sunbathing** – принятие солнечных ванн, **sunbather** – загорающий, **sundeck** – открытая палуба, веранда для принятия солнечных ванн, **sun-baked** – высушенный на солнце, **sun-cured** – вяленый на солнце, **sun-dry** – сушить на солнце), *неблагоприятное воздействие небесного тела* (**sunburn** – солнечный ожог, **sunburnt** – страдающий от солнечного ожога, **sunscald** – солнечный ожог, **sunstroke** – солнечный удар, **sunstruck** – подверженный солнечному удару), *цикличность движения небесного тела* (**sun-dial** – солнечные часы, **sundown** – закат, **sundowner** – рюмка спиртного вечером на закате, **sunrise** – восход, **sunset** – закат, **sun-up** – восход).

Лексема **sun** в английском языке входит в состав 32 фразеологических единиц. Семантическими признаками, релевантными для образования фразеологизмов с данной лексемой, являются следующие: *испускание света* (**to make the sun shine through** – продырявить что-либо, **to see the sun** – родиться, **sun drawing/sun's backstays/sun's eyelashes** – сноп солнечных лучей, прорезающих облака, **to hold a candle to the sun** – заниматься ненужным делом, зря тратить силы, **to catch the sun** – освещаться солнцем), *благоприятное воздействие небесного тела* (**make hay while the sun shines** – куй железо, пока горячо, **a sun shower** – грибной дождь, **to take the sun** – загорать, **a place in the sun** – место под солнцем;

выгодное положение, **one's sun is rising** – его (ее) звезда восходит), **неблагоприятное воздействие небесного тела** (**one's sun is set** – его (ее) звезда закатилась, **to have the sun in one's eyes/to have been in the sun** – быть пьяным), **возвышенное положение небесного тела** (**everything/nothing under the sun** – все/ничто на свете, **under (beneath) the sun** – на земле, на свете, в этом мире, **nothing new under the sun** – ничто не ново под луной, **The Great Sun!** – Боже мой!, **Under sun!** – Боже мой!, **forsake the setting sun** – отречься от старой власти, **to adore (hail/worship) the rising sun** – заискивать перед новой властью, **there are spots even on the sun** – ничто не идеально, пятна есть и на солнце, **as (good, beautiful) as the sun shines on** – такой (хороший, красивый), что другого не сыщешь, **to think the sun shines out (of) somebody's arse/backside** – обожать кого-то и не замечать недостатков, **as certain as the rising sun** – уверенный как никогда), **цикличность движения небесного тела** (**the morning sun never lasts a day** – ничто не вечно под луной, **to rise with the sun** – подниматься с петухами, **from sun to sun** — от восхода (и) до заката (солнца), **let not the sun go down upon your wrath** – не сердитесь больше одного дня), **направление движения небесного тела** (**with the sun** – по часовой стрелке, **against the sun** – против часовой стрелке, **by the sun** – по солнцу), **недостижимость** (**East of the Sun and West of the Moon** – за тридевять земель, **to go round the sun to meet the moon** – делать крюк).

Анализ показал, что индекс представленности семемного уровня семантического развития лексемы **sun** равен 4,7%, индекс представленности словообразовательного уровня – 64,8%, а индекс представленности фразеологического уровня – 30,5%. Таким образом, семантическое развитие лексемы **sun** оказывается наиболее продуктивным на словообразовательном уровне.

Индексы продуктивности семантических признаков, мотивирующих развитие лексемы **sun**, оказались следующие: **испускание света** – 24,7%, **возвышенное положение небесного тела** – 16,2%, **благоприятное воздействие небесного тела** – 15,2%, **защита от воздействия небесного тела** – 12,3%, **цикличность движения небесного тела** – 10,5%, **форма небесного тела** – 7,6%, **неблагоприятное воздействие небесного тела** – 6,7%, **цвет небесного тела** – 4,7%, **направление движения небесного тела** – 4,7%, **недостижимость** – 1,9%, **тепло от небесного тела** – 0,9%, **небесное тело** – 0,9%.

В ходе исследования выяснилось, что для семантического развития лексем **солнце** и **sun** релевантны 10 одноименных семантических признаков: **благоприятное воздействие небесного тела**, **возвышенное положение небесного тела**, **защита от воздействия небесного тела**, **испускание света**, **направление движения небесного тела**, **небесное тело**, **тепло от небесного тела**, **форма небесного тела**, **цвет небесного тела** и **цикличность движения небесного тела**.

Для характеристики степени проявления национальной специфики семантического развития сравниваемых лексем с точки зрения продуктивности одинаковых семантических признаков был использован *совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков* (Портнихина 2011, с.47). Для лексемы **солнце** этот индекс оказался равен 102,8%, для лексемы **sun** – 97,7%.

Сравнивая семантические признаки развития изучаемых лексем в русском и английском языках, стоит обратить внимание на то, что каждая лексема обладает эндемичными семантическими признаками, не характерными для развития значений другой лексемы. Так, для развития значения лексемы **солнце** выявлен эндемичный семантический признак **круговое движения небесного тела**, а в развитии лексемы **sun** зафиксировано два эндемичных семантических признака – **неблагоприятное воздействие небесного тела и недосыгаемость**.

Для оценки продуктивности эндемичных семантических признаков нами был использован *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* (Портнихина 2011, с.47). Для лексемы **солнце** его значение составило 3%, для лексемы **sun** – 8,6%.

Чтобы сделать окончательный вывод о степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем русского и английского языков был использован *интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем*, определяемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики семантического развития сравниваемых слов. Для лексем **солнце** и **sun** значение этого индекса оказалось равным 12,3%.

Согласно шкале степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем (Портнихина 2011, с.198-199), различия в семантическом развитии рассмотренных лексем признаются **яркими**.

Таким образом, с помощью формализованных параметров и шкал, введенных в рамках сопоставительно-параметрического метода, оказалось возможным сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития лексем русского и английского языков.

Литература

1. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: РИТМ, 2025.

Туристский и туристический: синонимы или паронимы?

Аннотация: В статье в опоре на лингвистические интернет-ресурсы и корпусные данные проводится внутриязыковое сопоставление однокоренных прилагательных *туристский* и *туристический*, целью которого является выявление парадигматических отношений, существующих между этими лексемами.

Ключевые слова: паронимия, синонимия, корпусные технологии, внутриязыковое сопоставление.

Abstract: An intralinguistic comparison of cognate adjectives "turistskiy" and "turisticheskii" is conducted in the paper based on online linguistic resources and corpus data, with the goal to identify the specificity of paradigmatic relations between the two lexemes.

Key words: paronymy, synonymy, corpus technologies, intralinguistic comparison.

В подязыке предметной области туризма получили широкое распространение однокоренные прилагательные *туристский* и *туристический*. Так, например, в Договоре возмездного оказания *туристских* услуг читаем следующее: «Под услугами по организации **туристической** поездки в смысле настоящего договора понимается следующее: информационные услуги по подбору тура; услуги по резервированию **туристских** услуг; услуги по оформлению проездных документов, виз, разрешений, необходимых для осуществления **туристической** поездки».

Оба прилагательных совпадают по способу отсубстантивного словообразования (собственно морфологический, аффиксация, суффиксация) и структурно отличающиеся только суффиксами *-ск* / *-ическ*. Остается неясным вид парадигматических отношений, существующих между этими лексемами: являются ли они синонимами либо паронимами.

Обращение к Словарю-справочнику трудностей русского языка Ю. А. Бельчикова и О. И. Ражевой, доступному на сайте Грамота.ру, не дает ответа на данный вопрос, поскольку там находим следующий комментарий: «В русском литературном языке существуют оба слова: **туристский** и **туристический**. Но прилагательное **туристический** связано по смыслу в первую очередь с существительным *туризм* и значит “относящийся к туризму, связанный с ним”. А вот прилагательное **туристский** относится к обоим существительным: и к *туризм*, и к *турист*».

Различие между этими прилагательными не всегда существенно. Так, *базу* можно назвать и *туристской*, и *туристической*. В “Толковом словаре русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой зафиксированы равноправные сочетания *туристская путевка* и *туристическая путевка*. Однако, говоря об организации, фирме используют только

слово *туристический*: *туристическая фирма, туристическая компания*. В значении «группа туристов» – только *туристская компания*.

В официально-деловом языке слову *туристический* места не нашлось. В Федеральном законе “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” используется прилагательное *туристский*. В законе можно встретить такие сочетания: *туристская деятельность, туристские ресурсы, туристская индустрия, туристский продукт, туристский маршрут, туристский рынок*. Слова *туристический* в законе нет.

В живой же речи наоборот – *туристический* употребляется весьма активно, даже там, где мы бы ожидали увидеть слово *туристский*. Надо заметить, что в слове *туристский* наблюдается стечение четырех согласных *тсск*, что делает это прилагательное неудобным для произношения. Этим, видимо, и объясняется большая популярность слова *туристический* как “замены” *туристскому*.

Если исходить из приведенного выше комментария, можно сделать вывод о синонимии обоих прилагательных, а различия между ними считать обусловленными сферами функционирования – официальной для *туристский* и разговорной для *туристический*.

Известный ресурс «Картаслов» (<https://kartaslov.ru/>) также рассматривает оба прилагательных как синонимы. В пользу синонимии свидетельствуют и приведенные на данном портале сведения о сочетаемости каждой из лексем. Так, зафиксирована их взаимозаменяемость при сочетании со следующими существительными: *автобус, база, бизнес, ботинки, деятельность, индустрия, класс, комплекс, лагерь, обслуживание, поездки, походы, проспекты, сезон, снаряжение, справочник, сфера, топорик, услуги, фирма, центр*. Частичное совпадение в сочетаемости (несовпадение отмечается лишь на уровне синтаксической валентности) наблюдается при сочетании прилагательных *туристский* и *туристический* со следующими существительными: *туристскую визу / туристическая виза, туристские группы / туристическая группа, в туристской зоне / туристическая зона, туристскую карту / туристическая карта, туристские компании / туристическая компания, в туристском магазине / в туристических магазинах, туристский маршрут / туристические маршруты, в туристской отрасли / туристическая отрасль, туристскую палатку / туристическая палатка, туристскую путевку / туристическая путевка, в туристских путеводителях / туристические путеводители, туристский рынок / на туристическом рынке, туристские тропы / туристическая тропа*.

Наблюдается своеобразное распределение в сочетаемости с целевыми прилагательными существительных, относящихся к одной предметно-тематической группе: *туристский пароход*, но *туристический катер / корабль / лайнер / теплоход*.

Тем не менее, наблюдаются и отличия в сочетаемости двух прилагательных. Со следующими существительными сочетается только прилагательное *туристский* (в соответствующей грамматической форме): *агентства, организации, песни, потенциал, предложение, предприятия, путешествие, регион, ресурсы*. Еще больше уникальных сочетаний зафиксировано для прилагательного *туристический*: *агент, аттракцион, брошюры, буклеты, бум, бюро, выставка, гид, в городах, достопримечательность, в журнале, инфраструктура, в каталоге, в квартале, в клуб, коврик, кружок, в местах, в модуль, объектом, открытки, офис, поезд, полиция, поток, программа, рай, рюкзак, на сайтах, страховка, сумка, фонарь, с целями*.

Но означают ли отличия в сочетаемости, т.е. в синтагматике, наличие семантических отличий? Представляется, что ответить на этот вопрос может помочь инструментарий Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), возможности которого могут быть использованы для формирования материала исследования с целью проведения внутриязыкового сопоставления на основе использования сопоставительно-семантического метода, при котором, как отмечают И. А. Стернин и М. А. Стернина, «обычно описывается семантика сравниваемых единиц, определяется степень их семантического сходства или различия» (Стернин, Стернина 2017, с. 66).

Лексико-грамматический поиск по лемме *туристский* (поиск по лемме позволяет получать контексты, содержащие все словоформы искомой лексемы) в основном модуле Национального корпуса русского языка дает следующие результаты: 588 документов, 1318 примеров, ИРМ 3,38; поиск по лемме *туристический* – 1218 документов, 2355 примеров, ИРМ 6,05.

Обращение к инструменту «Портрет слова» дает следующую информацию о первом упоминании слова *туристский* в основном модуле Национального корпуса русского языка – 1878 год, а для *туристический* – 1910 год. Наиболее типичной сочетаемостью для прилагательного *туристский* являются существительные *путевка, маршрут, поездка, поход, автобус, тропа, байдарка, снаряжение, топорик, аттракцион*, а для прилагательного *туристический* – *путевка, маршрут, офис, поездка, агентство, виза, автобус, фирма, буклет, бизнес* (полужирным шрифтом выделены совпадающие для двух целевых прилагательных существительные).

К «похожим» словам для лексемы *туристический*, кроме ожидаемого *туристский*, корпус относит такие прилагательные, как *экскурсионный, курортный, паломнический, горнолыжный, спортивно-оздоровительный, чартерный, развлекательный, фешенебельный, увеселительный*. «Похожими» для лексемы *туристский*, помимо *туристический*, корпус определил прилагательные *экскурсионный, альпинистский, паломнический, горнолыжный, курортный, спортивно-*

оздоровительный, пляжный, лыжный, *развлекательный* (здесь также полужирным шрифтом выделены совпадающие для обеих лексем прилагательные).

Подводя итог, можно уверенно утверждать, что прилагательные *туристский* и *туристический* не являются паронимами. Чем семантически отличаются эти прилагательные, которые, без сомнения, можно считать синонимами, определить сложно.

Возможность сосуществования в пределах одного предложения обоих прилагательных и значимые пересечения их дистрибутивных множеств свидетельствуют о произвольности выбора этих лексем в дискурсе, причем, как показывают корпусные данные, практически в 2 раза более частотным является выбор прилагательного *туристический* по сравнению с прилагательным *туристский*.

Литература

1. Стернин И. А., Стернина М. А. Виды и методы сопоставительных исследований лексики // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. –2017. – № 1. – С. 66–68.

Н.Р. Стародворцев

Гастрономическая лексика тульских говоров в сопоставительном и лингвокультурологическом аспектах

Аннотация: В статье анализируется гастрономическая лексика тульских говоров в сопоставительном и лингвокультурологическом аспектах. Выявляются культурно значимые особенности пищевой номинации, отражающие традиционный уклад, обрядовые практики и локальные символические представления.

Ключевые слова: тульские говоры, гастрономическая лексика, лингвокультурология, пищевая номинация, внутренняя форма слова.

Abstract: The paper analyzes the gastronomic vocabulary of Tula dialects in comparative and linguocultural aspects. The culturally significant features of the food nomination reflecting the traditional way of life, ritual practices and local symbolic ideas are revealed.

Key words: Tula dialects, gastronomic vocabulary, linguoculturology, food nomination, internal form of the word.

Современная лингвистика всё более последовательно обращается к сопоставительным исследованиям, ориентированным на выявление специфики национальных и региональных языковых картин мира. В условиях расширяющегося интереса к культурно маркированным элементам речи особенно значимым становится изучение локальных лексических систем, которые сохраняют архаичные черты материальной и духовной культуры и отражают уникальные модели концептуализации действительности. Эта установка напрямую согласуется с позицией Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, подчёркивающих, что «язык служит хранилищем культуры, в котором фиксируются фоновые знания,

исторический опыт и коллективные представления народа» (Верещагин, Костомаров 2005, с. 17). К числу таких «хранилищ» относится гастрономическая лексика тульских говоров – пласт, демонстрирующий высокую плотность культурно значимых номинаций и своеобразие отражаемых ими жизненных практик.

Пищевая номинация традиционно рассматривается как важная часть языкового сознания, поскольку она связана с повседневными сценариями, обрядовой сферой, хозяйственным укладом и представлениями о достатке, выживании, благополучии. Она фиксирует не только конкретные блюда или способы приготовления пищи, но и способы освоения мира, ценностные установки, эмоционально окрашенные практики взаимодействия с природой и социумом. Именно поэтому положение В.А. Масловой о том, что «языковая единица является не просто знаком, но носителем культурной информации, аккумулирующей опыт и ценности определённого сообщества» (Маслова 2001, с.28), оказывается методологически значимым для анализа региональной гастрономической лексики. В тульских говорах эта информация проявляется особенно рельефно, поскольку многие традиционные названия блюд и способов их приготовления утратили актуальность в литературном языке, но продолжают функционировать в региональной культурной памяти.

Сопоставительный анализ тульской гастрономической лексики с общезыковым фондом раскрывает специфику внутриязыковой вариативности. Многие номинации не имеют прямых соответствий в литературной традиции либо значительно расходятся с ней по семантической структуре, объёму, прагматике и культурной функции. Региональные слова обозначают не только блюда и продукты, но и устойчивые обрядовые действия, символические практики, формы коллективной поддержки и ритуальной коммуникации. Такая многослойность значения закономерна: как подчёркивает Ю. Д. Апресян, «значение слова включает в себя не только предметную отнесённость, но и набор культурно и исторически обусловленных представлений, составляющих его внутреннюю форму» (Апресян 1995, т. 1, с. 47). В контексте тульских говоров это означает, что номинации *зубок*, *бляшка*, *жаворонки*, *тюря* и др. отражают не только предметно-бытовую реальность, но и концептуальные модели поведения, ценностные ориентации и способы коллективной организации жизни.

Актуальность исследования определяется необходимостью включения региональных языковых данных в современную научную повестку, связанную с изучением национальной специфики языка, механизмов культурной памяти и способов концептуализации бытового и сакрального опыта. Анализ гастрономической лексики тульских говоров позволяет не только уточнить структуру русской языковой картины мира, но и выявить механизмы взаимодействия универсального и локального в сфере пищевой

номинации, что непосредственно соответствует задачам сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии.

В работе используется метод внутриязыкового сопоставления, предполагающий сравнение диалектных и литературных лексических единиц по параметрам семантической структуры, мотивации, внутренней формы и культурной функции. Дополнительно применяются методы семантического и лингвокультурологического анализа.

Сопоставление гастрономической лексики тульских говоров с общерусской литературной нормой показывает, что даже отдельные единицы локального словаря концентрируют в себе сложные культурные смыслы. Поэтому целесообразно рассмотреть не столько широкий перечень лексем, сколько несколько показательных примеров, раскрывая их семантическую структуру и лингвокультурологический потенциал.

Показательной является номинация *болтушка*, которая в тульской диалектной системе фиксируется как «мука, замешенная с водой в жидкое тесто» (Романов, Красовская, ч. 1, с. 61).

Внутренняя форма слова непосредственно связана с глаголом *болтать* ‘размешивать, взбалтывать’, то есть с моторным действием, лежащим в основе технологического процесса. В литературном языке *болтушка* в первую очередь обозначает лекарственную смесь, а бытовое пищевое значение либо отсутствует, либо воспринимается как разговорное и периферийное. В тульской традиции это слово, напротив, закреплено за базовой кухонной операцией: из *болтушки* готовят блины, оладьи, используют её как промежуточный продукт. В результате семантика номинации включает не только указание на агрегатное состояние теста, но и фрагмент традиционного кулинарного сценария, в который встроены представления о нехитрой, но регулярной пище, семейном труде, повседневном хозяйствовании. Внутриязыковое сопоставление показывает, что диалектная единица сохраняет технологическую конкретность, утрачиваемую в общерусской норме.

Другой пример – *затируха*, описываемая в словаре как «блюдо, приготовленное из обваренной кипятком муки» (Романов, Красовская, ч. 2, с. 101). Здесь наблюдается переход от глагольной основы *затирать* к существительному, обозначающему уже не действие, а результат. Важно, что в диалектном описании фиксируется не только состав блюда, но и его социально-бытовой фон: *затируха* – пища максимально простого, «антикризисного» типа, связанная с ситуациями материальной ограниченности. Для неё достаточно муки и горячей воды; такая еда предполагает минимальные затраты, но даёт ощущение сытости и тепла. В литературном языке аналогичная практика либо не номинируется вовсе, либо обозначается описательно (*заваренная мука, жидкая каша*). Диалектное слово, таким образом, кодирует одновременно технологическую операцию, экономическую стратегию (бережное

расходование продуктов) и оценочный компонент: в устных комментариях информантов затируха может оцениваться как «простая», «бедная», но «выручающая». Через эту единицу реконструируется региональная модель пищевого поведения в условиях дефицита, что в общеязыковой системе остаётся концептуальной лакуной.

Принципиально иной тип культурной нагруженности демонстрируют календарно-обрядовые номинации, связанные с весенним циклом. Лексема *жаворонки* в тульских говорах обозначает мучные изделия в форме птиц, выпекаемые к празднику Сорока Севастийских мучеников и Благовещению; в словаре подчёркивается, что «тесто схватывалось жгутиком, кончики загибались и складывались в форме жаворонка» (Романов, Красовская, ч. 2, с.24). Близка к ней по форме и функции лексема *живорята*, также описывающая печенье-птичек из постного теста, которые готовили к Благовещению (Романов, Красовская, ч. 2, с.38). Внутренняя форма этих слов связана с образом живой птицы как вестника весны, а сама практика выпечки сопровождается выходом в поле, обращением к природе, празднованием «прихода» тепла. В литературном языке слово *жаворонки* известно, но его актуальное употребление ограничено и в значительной степени утратило обрядовую привязку; номинация *живорята* вообще не входит в общеязыковой фонд. Региональный материал позволяет точнее реконструировать концепт весеннего обновления: он оказывается не абстрактным, а закреплённым в конкретном, телесном, вкусовом опыте – поедании фигурного печенья, совместном семейном и общинном действии. В сопоставительном плане тульские говоры демонстрируют более высокую степень «телесности» и ритуальной конкретности по сравнению с литературной традицией, где культурный сценарий зачастую редуцирован до общего знания о «выпечке жаворонков».

Особый интерес представляет обереговая функция пищи, проявляющаяся, в частности, в лексеме *бьяшка*. В словаре *бьяшка* определяется как «обрядовая булочка, испечённая с солью, пережжённой на Благовещенье; давалась скоту для лечения и обережения от болезней» (Романов, Красовская, ч. 1, с. 83). В этом случае номинация фиксирует сложный комплекс представлений: булочка – не просто корм, но медиатор между человеком, животным и сакральным временем календаря. Соль, пережжённая в особый день, наделяется дополнительной силой; выпечка превращается в материальный носитель защиты. Здесь пища выполняет функцию, сходную с вербальным оберегом: акт кормления скота *бьяшкой* интерпретируется как действие, предупреждающее болезнь и «оберегающее» хозяйство. В литературном языке отсутствует специализированный термин для обозначения этого явления; оно может описываться перифразами, но не фиксируется как самостоятельная единица. Внутриязыковое сопоставление показывает, что в диалекте

обереговая семантика входит в ядро значения слова, тогда как в общеязыковом сознании подобные практики остаются на периферии и не получают номинативного оформления.

К числу ключевых родильно-обрядовых номинаций относится *зубок*, который описывается как «угощение, которое приносят роженице соседи и родственники, отмечая появление новорожденного: каша, курица, сладости» (Романов, Красовская, ч. 2, с.120). В значении слова зафиксирован целостный сценарий: визит в дом, где родился ребёнок, коллективное угощение, обмен дарами, включение новорождённого в социальное пространство общины. Литературный язык располагает лишь общими обозначениями (*подарок на рождение ребёнка, угощение*), но не имеет устойчивой единицы, обобщающей этот комплекс действий и смыслов. Диалектное слово *зубок* встраивает обряд в структуру языка, превращая его в элемент повседневной картины мира. Через подобные номинации в тульских говорах концептуализируется идея коллективной ответственности за ребёнка, совместного «поддержания» семьи.

Даже там, где номинация совпадает с общеязыковой, диалектный материал обнаруживает дополнительные смысловые слои. Так, *каравай* в словаре определяется не только как «свадебный ритуальный хлеб, которым встречают молодую пару», но и как блюдо из тёртого картофеля, яиц и муки, запечённое в печи (Романов, Красовская, ч. 2, с.151). В первом значении подчёркивается сложный ритуал: каравай пекут женщины – *каравайницы*, хлеб украшают, подают в строго определённый момент свадебного пира, распределение кусков сопровождается традиционными высказываниями и оценками. Во втором значении слово закрепляется за вполне конкретным картофельным блюдом, что отражает диалектную тенденцию переносить сакрально значимую форму (круглый, высокий хлеб) на повседневную пищу. В литературном языке *каравай* практически полностью закреплён за обрядовой семантикой; картофельное значение не актуализируется. Тульские говоры демонстрируют более гибкую, «жизненную» семантику, в которой ритуальное и бытовое тесно переплетены.

Таким образом, даже ограниченный набор единиц позволяет увидеть, как в региональной гастрономической лексике соотносятся технологическая конкретность, образная мотивированность и сакрально-обрядовые функции. Сопоставление с литературным языком показывает, что тульские говоры сохраняют более детализированную и культурно насыщенную пищевую картину мира: здесь номинируются не только продукты и блюда, но и способы выживания, модели коллективного поведения, сценарии защиты и благословения, эмоциональные и ценностные отношения к еде. Внутряязыковое сопоставление демонстрирует, что гастрономическая лексика выступает ключевым средством репрезентации региональной культурной памяти и потому

представляет особый интерес для лингвокультурологического и концептологического анализа.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – Москва: Издательский центр «Русский язык», 2005.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. – Москва: Академия, 2001.
4. Романов Д.А., Красовская Н.А. Словарь тульских говоров. – Ч. 1: А–Д. – Тула: ТИО, 2023.
5. Романов Д.А., Красовская, Н.А. Словарь тульских говоров. Ч. 2: Е–Л. – Тула: ТППО, 2021.

В.И.Федосова

Национальная специфика наименований группы лиц, готовящихся вступить в семейные отношения, в русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена выявлению национальной специфики наименований группы лиц, готовящихся вступить в семейные отношения, в русском и английском языках.

Ключевые слова: национальная специфика, сопоставительно-параметрический метод, сопоставительный анализ, контрастивный анализ.

Abstract: The paper is devoted to the identification of the national specifics in English and Russian of the group of names preparing to enter into family relations.

Key words: national specificity, comparative-parametric method, comparative analysis, contrastive analysis.

Материалом исследования явились лексические единицы русского и английского языков, номинирующие лиц, готовящихся вступить в семейные отношения и полученные методом сплошной выборки из различных лексикографических источников: Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Большого англо-русского словаря под ред. И.Р. Гальперина, Нового англо-русского словаря В.К. Мюллера, Нового большого англо-русского словаря под рук. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой, Longman Dictionary of Contemporary English, Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary, The Merriam-Webster Dictionary New Edition, Cambridge Advanced Learner's Dictionary, а также контекстных online словарей: <https://www.linguee.ru/>, <https://www.multitran.com/>, <https://woordhunt.ru/>.

В общей сложности были рассмотрены 6 русских лексем и 8 английских.

Для определения национальной специфики данной группы был проведен как сопоставительный, так и контрастивный анализ с помощью двух основных процедур сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований: индексализации параметров и шкалирования полученных результатов (Стернина 2025).

Сопоставительный анализ

Исследуемая группа «Наименования группы лиц, готовящихся вступить в семейные отношения» может быть разделена на три подгруппы: наименования лиц женского пола, наименования лиц мужского пола и наименования лиц обоих полов.

В ходе исследования применялись индексы, предложенные в рамках развития сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований:

- *Индекс полисемантическойности* – отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004)
- *Индекс однозначности лексем группы* – отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (Колтакова 2007)
- *Индекс первичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2007)
- *Индекс вторичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2007)
- *Индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семемам Д1 и Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2007)
- *Индекс первичной коннотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Деркач 2011)
- *Индекс первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семемам Д1 и К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2007)
- *Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ* – отношение общего количества семем с семей данной лексической группировки, развиваемых

лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству семем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004)

Перейдем к рассмотрению выделенных подгрупп.

В подгруппу наименований лиц женского пола, готовящихся вступить в семейные отношения, в русском языке входят следующие 3 лексемы: *нареченная, невеста, суженная*. Данные лексемы развивают в общей сложности 3 семемы. Таким образом, индекс полисемантической данной подгруппы составил 1.

Все лексемы данной подгруппы являются однозначными, таким образом, индекс однозначности лексем группы равен 100%. Все лексемы данной подгруппы входят в данную подгруппу по семеме Д1, таким образом, индекс первичной денотативной отнесенности составил 100%. Лексем, входящих в данную подгруппу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, и К1 выявлено не было – соответствующие индексы равны нулю. Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ составил 100%.

В английском языке в данную подгруппу входят 4 лексемы: *bride, bride-to-be, fiancée wife-to-be*. Данные лексемы развивают в своих семантемах 5 семем, таким образом, индекс полисемантической данной подгруппы оказался равен 1,25. Индекс первичной денотативной отнесенности составил 100%. Лексем, входящих в данную подгруппу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, и К1, зафиксировано не было, соответствующие индексы равны нулю. Индекс однозначности лексем составил 75%, а индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ оказался равным 80%.

На основе разработанной в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам для параметров, выраженных в абсолютных числах и параметров, выраженных в процентах (Стернина 2025, с.141) мы выявили *отсутствие различий* по пяти параметрам: первичной денотативной отнесенности к группе, вторичной денотативной отнесенности к группе, первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе, коннотативной отнесенности к группе, первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе. Характер национально-специфических различий по индексу полисемантической является *заметным*, различия индексов однозначности русских и английских лексем оказались *сверхгиперсущественными*, а различия индексов принадлежности к исследуемой ЛСГ – гиперсущественными.

В связи с полученными результатами представилось целесообразным дополнить еще на один пункт шкалу выраженности национальной специфики лексических группировок (Стернина 2025, с.142): если в характере национально-специфических различий преобладают *отсутствие различий* и *существенные (гиперсущественные или*

сверхгиперсущественные) различия, то степень выраженности национальной специфики будет являться *умеренно выраженной*.

В целом в рассматриваемой подгруппе из восьми используемых параметров по пяти различий не зафиксировано, а по трем параметрам различия оказались соответственно *заметными*, *гиперсущественными* и *сверхгиперсущественными*. Согласно уточненной шкале выраженности национальной специфики лексических группировок, степень выраженности национальной специфики рассматриваемой подгруппы в этом случае признается *умеренно выраженной*.

Рассмотрим подгруппу наименований лиц мужского пола, готовящихся вступить в семейные отношения. В данную подгруппу в русском языке входят следующие 3 лексемы: *жених*, *нареченный*, *суженый*. Данным лексемам соответствуют 3 семемы. Таким образом, индекс полисемантической русских лексем данной подгруппы составил 1. Все лексемы данной подгруппы являются однозначными и входят в данную подгруппу по семеме Д1 – соответственно индексы однозначности и первичной денотативной отнесенности составили 100%. Лексем, входящих в данную подгруппу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, а также К1 зафиксировано не было – соответствующие индексы равны нулю. Сему наименований родственных связей содержат все три семемы рассматриваемой подгруппы, таким образом, индекс принадлежности к ЛСГ равен 100%.

Количество английских лексем входящих в данную подгруппу составляет 3: *bridegroom*, *fiancé*, *husband-to-be*. Данные лексемы развивают в своих семантемах 4 семемы, таким образом, индекс полисемантической английских лексем данной подгруппы оказался равным 1,33, индекс однозначности лексем – 67%. Также, как и в русском языке, все английские лексемы входят в рассматриваемую подгруппу по семеме Д1 – таким образом, индекс первичной денотативной отнесенности равен 100%. Лексем, входящих в данную подгруппу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, а также К1 зафиксировано не было – соответствующие индексы равны нулю.

Поскольку сема наименований родственных связей содержится в 3 из 4 семем исследуемой подгруппы, индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ составил 75%.

Согласно уточненным шкалам определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам, различия в значениях индексов полисемантической являются *существенными*, различия в значениях индексов однозначности и индексов принадлежности к исследуемой ЛСГ – *сверхгиперсущественными*. По пяти параметрам: первичной денотативной отнесенности к группе, вторичной денотативной отнесенности к группе, первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе, первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе, коннотативной отнесенности к

группе национальные различия *отсутствуют*. Таким образом, из восьми используемых параметров по одному различия оказались *существенными*, по двум – *сверхгиперсущественными*, а по пяти различий не зафиксировано. На основании этих данных национальная специфика рассматриваемой подгруппы признается ***умеренно выраженной***

Рассмотрим подгруппу наименований лиц обоих полов, готовящихся вступить в семейные отношения.

В русском языке, лексем, входящих в данную подгруппу не было зафиксировано. Это позволяет нам прийти к выводу об *абсолютной* национальной специфике (Кочетова 2017) соответствующей английской подгруппы.

В английском языке в данную подгруппу входят 2 лексемы: *betrothed, intended*. В семантемах этих лексем насчитывается 3 семемы, таким образом, индекс полисемантической английских лексем оказался равен 1,5. Из 2 лексем 1 является однозначной, в результате индекс однозначности лексем группы составил 50%.

Все английские лексемы входят в данную подгруппу по семеме Д1 – соответственно индекс первичной денотативной отнесенности равен 100%. Лексем, входящих в рассматриваемую группу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, К1 выявлено не было. Значения их индексов равны нулю. Поскольку сема наименований родственных связей содержится в 2 из 3 семем исследуемой подгруппы, индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ составил 67 %.

Для окончательного вывода о степени выраженности национальной специфики наименований группы лиц, готовящихся вступить в семейные отношения, мы оценили по вышеприведенным параметрам и шкалам рассматриваемые группировки в целом.

Результаты проведенного анализа показали, что в значениях индексов полисемантической зафиксированы *существенные* различия. Различия в значениях индексов однозначности лексем группы и индексов принадлежности к исследуемой ЛСГ оказались *сверхгиперсущественными*. Таким образом, по результатам проведенного сопоставительного анализа, национальная специфика наименований лиц, готовящихся вступить в семейные отношения, в русском и английском языках в целом может быть признана ***умеренно выраженной***.

Контрастивный анализ

Контрастивный анализ был проведен в рамках только двух подгрупп: наименований лиц женского пола и наименования лиц мужского пола. Поскольку в русском языке было зафиксировано отсутствие подгруппы наименований лиц обоих полов, готовящихся вступить в семейные отношения, английские лексемы, входящие в эту подгруппу, составили

контрастивные пары с русскими лексемами, входящими в подгруппы наименований лиц женского и мужского пола.

Для анализа контрастивных пар были использованы введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, определяемые через отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем, а также интегральный индекс идентичности лексем, представляющий собой среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности (Лукина 2008).

На основании данных индексов и введенной в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалы определения типов переводных соответствий (Козельская, Стернина 2018), согласно которой в зависимости от значений интегрального индекса идентичности лексем соответствия признаются *эквивалентными, оптимальными, подходящими, приемлемыми или неподходящими*, были определены типы переводных соответствий для каждой из контрастивных пар. Затем была применена введенная нами шкала выраженности национальной специфики контрастивных пар (Федосова, Стернина 2024, с. 70).

В подгруппе наименований лиц женского пола, готовящихся вступить в семейные отношения, отмечено 13 контрастивных пар, из которых одна является эквивалентной, 4 оптимальными, а 8 – подходящими. На основании введенной нами шкалы выраженности национальной специфики контрастивных пар национальная специфика данной подгруппа признается ***умеренно выраженной***.

В подгруппу наименований лиц мужского пола, готовящихся вступить в семейные отношения, входят 9 контрастивных пар. В результате проведенного контрастивного анализа в данной подгруппе было выявлено одно эквивалентное соответствие, 3 оптимальных и 5 подходящих, что дает нам право констатировать, что национальная специфика данной подгруппы также является ***умеренно выраженной***.

В целом группировка наименований лиц, готовящихся вступить в семейные отношения, включает 22 контрастивные пары, из которых 2 являются эквивалентными, 7 – оптимальными и 13 – подходящими, что свидетельствует об ***умеренно выраженном*** характере национальной специфики изучаемой группы наименований.

Таким образом, результаты как сопоставительного, так и контрастивного анализа наименований лиц по прямому родству в русском и английском языках, проведенного с помощью инструментов сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, показали, что национальная специфика изучаемой группировки является ***умеренно выраженной***.

Литература

1. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2025.
2. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
4. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
5. Кочетова Н.В. Национальная специфика семантем русской и адвербиальной лексики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2017.
6. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
7. Козельская Д.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: «Ритм», 2018.
8. Федосова В.И., Стернина М.А. Национальная специфика наименований лиц по прямому родству в русском и английском языках (сопоставительно-контрастивный анализ) // «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2024. – №4. – С. 65-74.

Раздел 3. Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

Е.Ю. Дьякова

Лингвистические особенности использования стратегии социального брендинга для продвижения британских и российских сетей супермаркетов в сопоставительном аспекте

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу дискурсивных особенностей реализации стратегии социального брендинга для продвижения британских и российских сетей супермаркетов.

Ключевые слова: социальный брендинг, языковая стратегия, рекламный текст.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of the discursive features of the realization of a social branding strategy for the promotion of British and Russian supermarket chains.

Key words: social branding, language strategy, advertising text.

В фокусе данного исследования находится сопоставительный анализ лингвистических особенностей реализации стратегии социального брендинга, применяемой в коммуникации российских и британских сетей супермаркетов со своими целевыми аудиториями. Предметом исследования выступают способы реализации данной стратегии, а именно вербальные средства репрезентации социальных и экологических инициатив, а также стилистические приемы, применяемые на официальных сайтах российских и британских сетей супермаркетов с целью формирования образа социального бренда в глазах потребителя.

Под социальным брендингом мы вслед за Е.Н. Савиновой понимаем позиционирование компании на рынке с точки зрения отношения к культурным и общественным ценностям и проблемам, общественную ориентированность бренда, которая является частью его маркетинговой концепции (Савинова 2013).

Призывая помогать нуждающимся и подавая пример своими действиями, сети супермаркетов могут в некоторой степени формировать и подкреплять общественные ценности и использовать данный маркетинговый инструмент для укрепления взаимоотношений с уже имеющейся аудиторией и привлечения новой (Ромашова 2016). Подразумеваются действия предприятия, направленные на решение общественно важных задач, таких как организация благотворительных фондов или спонсирование крупных общественных мероприятий. Нередко благотворительные акции направлены на сбор денежных средств от продажи продукции и перевод этих средств в определенные фонды или организации (Бровкина 2009).

Материалом данного исследования послужили тексты официальных интернет-сайтов британских (Tesco, Sainsbury's) и российских («Лента», «Пятёрочка») сетей супермаркетов. При обзоре интернет-сайтов данных брендов были выделены три основных направления социально ориентированного брендинга. Это проблема экологии, социальная помощь и здоровое питание. Кроме того, было замечено, что каждая из рассматриваемых торговых сетей фокусируется на определенном направлении своей социальной деятельности в качестве основного. Так, Sainsbury's уделяет наибольшее внимание проблеме обеспечения устойчивого развития и защиты окружающей среды (ответственное использование ресурсов, переработка, минимизация отходов производства), Tesco направляет свою социальную деятельность на поддержку детей, людей с проблемами здоровья (например, диабет), инвалидностью (в том числе скрытой) и ментальными проблемами. В центре особого внимания компании – создание комфортной, доступной среды для людей с ограниченными возможностями:

*Customers with **“hidden” condition** such as autism, diabetes, hearing loss, or multiple sclerosis often need a little extra help in store. If you're wearing a*

*Sunflower lanyard, our colleagues will understand that you have a **hidden disability** and may need a little extra help or time (Tesco).*

В свою очередь, социально значимая деятельность сетей супермаркетов «Лента» и «Пятёрочка», в основном, направлена на решение проблем экологии. Кроме того, «Пятёрочка» уделяет особое место вопросу здорового питания. Что касается, социальной поддержки, то деятельность российских супермаркетов Пятёрочка» и «Лента» направлена на помощь пенсионерам, ветеранам и детям, в основном, через систему скидок.

В ходе исследования было обнаружено, что общей чертой рекламных сообщений социальной направленности исследуемых торговых сетей является наличие центральных ключевых понятий, вокруг которых строится коммуникация брендов со своими потребителями, а также использование для их реализации лексем и выражений с положительной коннотацией.

Одним из ключевых для формирования образа социального бренда как для российских, так и для британских сетей супермаркетов выступает понятие «помощь»:

*Пятёрочка **выручает**.*

*Давайте **помогать** вместе с Лентой!*

***Help** for hidden disabilities (Tesco).*

*Every little **helps**/ A little **help** makes a big difference (Tesco).*

*We've made it easier to **support** British Farming and Buy British by showcasing all of our nationally grown seasonal food in one place, clearly and proudly labelled as British (Sainsbury's).*

При этом в реализации данного концепта в дискурсе российских и британских сетей супермаркетов была выявлена яркая культурная специфика, выражающаяся в задействовании различных культурных кодов. Так, российские компании делают акцент на акте благотворительности, направленном от более сильного участника коммуникации к более слабому, помощи нуждающемуся, проявлении доброты, заботы о нем. Лексемы «забота», «доброта», «дар», встречаются в большом количестве слоганов и названий проектов на сайтах сетей «Лента» и «Пятёрочка»: **Забота** о пенсионерах, Время проявить **заботу**, **Забота** – это просто, Лента **Забота**, С **заботой** о пенсионерах!», «Пятёрочка» с **заботой** о каждом!, Регистрируйся как волонтер на **zabota.lenta.ru**; Лента **добрых** дел, Корзина **доброты**, Конфетка **доброты** (Пятёрочка); **Дарим** подарки ветеранам (Пятёрочка), Теплый **дар** (Лента).

В свою очередь, британские сети делают акцент на сохранении планеты и ее ресурсов для будущих поколений, осознанном стиле жизни, партнерстве и долгосрочности своих социальных проектов. Социальная деятельность позиционируется как симметричные отношения между равными партнерами по коммуникации, благотворительность воспринимается как инвестиция в равенство:

Supporting our farmers for a sustainable future (Sainsbury's).

Интересным является тот факт, что концепт «помощь/ поддержка» в англоязычном материале исследования представлен значительно более широким спектром синонимов: *to help, to offer a helping hand, to support, provide (extra) support, to encourage, to enhance, to empower, to inspire, to ensure, to champion* (Кембриджский словарь дает следующие определения глаголу “to champion”: to support, defend, or fight for a person, belief, right, or principle enthusiastically). Приведем несколько примеров:

*To respect and protect both people and animals across our supply chain we are **championing** human rights and **enhancing** health and welfare outcomes for animals* (Sainsbury's).

*We **support** British farmers over the long term by paying dairy farmers a fair price for milk* (Sainsbury's).

Таким образом, вместо милосердия и жалости в фокусе находится инклюзивность и развитие. Такие слоганы, как *Stronger Starts* и *Helping Everyone Eat Better* подразумевают, что после получения помощи человек становится сильнее и самостоятельнее, активно включается в общую жизнь.

Кроме того, вместо дихотомии «дающий – просящий» используются слова-объединители *everyone, together, community, nation*, стирая грань между «сильным» покупателем (благотворителем) и «слабым», нуждающимся (благополучателем):

*At Tesco, **community** is key to our purpose. Collect a blue token at checkout to vote for the community projects and schools that matter to you* (Tesco).

*Nourish the **Nation*** (Sainsbury's).

*Helping **Everyone** Eat Better* (Tesco).

Следует отметить, что такое различие в позиционировании благотворительных проектов прослеживается не только на сайтах сетей супермаркетов, но и в британском и российском дискурсе социальной направленности в целом. На наш взгляд, данное различие обусловлено поразному сложившимися в двух культурах подходами к благотворительности. Российский дискурс социальной направленности исторически связан с концептом «Милосердие». В рамках такого подхода формируются вертикальные отношения: «сильный» (тот, у кого есть ресурс) нисходит к «слабому», а ключевые понятия «забота», «доброта», «жертвенность» – это этические категории, эмоционально подчеркивающие разрыв между дающим и нуждающимся. В дискурсе российских сетей супермаркетов покупатель выступает в роли благодетеля, а нуждающийся в помощи – в роли пассивно принимающего эту помощь. Это своего рода вертикальный (патерналистский) подход к социально значимой деятельности:

Дарим заботу тем, кто в ней нуждается (Лента).

Кроме того, апелляция к чувствам, использование эмоционально-экспрессивной лексики («чудо», «сердце», «милосердие»), уменьшительно-ласкательных суффиксов («Конфетка доброты»), повелительного наклонения глагола и обращения на «ты» («Помоги», «Принеси», «Подари тепло» и т.д.), восклицательных конструкций и т.п. на страницах российских сетей контрастирует с использованием рациональной аргументации, технической и деловой лексики (*Plan, Grants, Strategy, Action, Target*) и цифровых данных (£33.8m raised for good causes in 2024/25) на сайтах британских сетей. Сравните, например,

*Our **target** is to reduce our carbon footprint by 50% (Tesco).*

Сдавайте батарейки – спасайте ежей! («Пятёрочка»).

При этом следует оговориться, что смысл «дарение» тоже находит свое выражение на сайтах британских торговых сетей, например, при помощи таких лексем, как *giving, to donate, charitable*.

Другими ключевыми концептами англоязычных текстов социальной и экологической направленности на сайтах исследуемых торговых сетей являются понятия «устойчивое развитие», «равные возможности», «осознанность»/«ответственность», «благо», «процветание», которые находят свое выражение в общении сетей супермаркетов со своими потребителями посредством следующих лексем и выражений: *sustainability, sustainable, resilient, building long-term resilience, solid; fair play, fair price; commitment, mindful, responsible; good causes, to strive for better, positive impact; welfare, wellbeing, to thrive* и др.:

*Our Plan for Better sets out a bold ambition: to lead in creating a more **resilient and sustainable** UK food system (Sainsbury's).*

Вышеупомянутые понятия не находят такого широкого воплощения на сайтах российских торговых сетей, при этом, следует отметить, что лексемы «осознанность», «экологичность» и их производные довольно часто употребляются на сайтах рассматриваемых русскоязычных супермаркетов.

Что касается грамматических особенностей, одним из общих признаков текстов всех рассмотренных сайтов является наличие побудительных конструкций, призывающих сделать пожертвование, поучаствовать в инициативе, получить какие-либо бонусы от компании и т.д. В проанализированных текстах с сайтов русскоязычных супермаркетов присутствуют такие примеры побуждения как «Пройдите наш тест и получите ссылку на свою корзину!» и «Давайте помогать вместе». В англоязычных текстах яркими примерами употребления таких конструкций являются *Support Comic Relief this Christmas* и *Throw it our way*.

Заметным отличием структуры исследуемых русскоязычных рекламных сообщений от англоязычных является вопросно-ответная форма. Тексты организованы таким образом, что заголовок представляет собой

вопросительное предложение: «Как подготовить упаковку?», «Что будет с упаковкой?», «Что будет с этой одеждой дальше?», «Что такое «Корзина здорового питания»?». Предполагается, что указанные вопросы будут восприниматься реципиентом как его собственные вопросы к бренду и таким образом создается имитация живого диалога. В сообщениях британских торговых сетей данная форма организации текста не представлена.

Следующим критерием сопоставления средств и способов реализации стратегии социального брендинга на сайтах британских и российских сетей супермаркетов является использование в исследуемых текстах тех или иных фонетических, лексических и синтаксических стилистических приемов. Проведенное исследование позволило выявить определенные языковые и культурные особенности.

Так, основным стилистическим средством создания слоганов и названий социальных и экологических проектов на сайтах Sainsbury's и Tesco является аллитерация. В англоязычных рекламных сообщениях социальной направленности на сайтах обеих рассматриваемых организаций было найдено значительное количество примеров использования данного фонетического стилистического приема: *Back British*, *Best of British*, *Better Baskets*, *Buy British*, *Dairy Development group*, *Fairness for farmers*, *Free From*, *Facilities for the hard of hearing*, *Level-up your leftovers*, *Made Mindfully*, *Nourish the Nation*, *Protecting the planet*, *Remove. Reduce. Reuse. Recycle*, *Stronger Start*, *A Stronger Start for everyone*, *Sensory support in-store*, *Sensory Support Box*.

Как известно, в англоязычном рекламном дискурсе аллитерация является чрезвычайно востребованным средством создания запоминающихся названий торговых марок и наименований. В русском языке использование данного стилистического приема для реализации данной функции нетипично.

Следует также отметить, что лингвистический профиль сети «Лента» строится на языковой игре с названием бренда, результатом которой является двойное прочтение лексемы «лента» в названии социальных проектов и инициатив данной компании (лента как путь, связь). Стоит добавить, что выражение «Лента добрых дел» может восприниматься как метафора последовательности и непрерывности добрых поступков, создается образ продолжающегося ряда хороших дел. Название торговой сети «Лента» здесь также является каламбуром, так как соотносится с движущейся лентой на кассе магазина. Можно представить себе как абстрактное понятие доброты и добрых дел становится физическим объектом, который перемещается по этой ленте.

Таким образом, с лингвистической точки зрения современный брендинг представляет немалый интерес, а социальная направленность большинства крупных успешных компаний обусловлена возрастающей значимостью

корпоративной социальной ответственности в позиционировании бренда компании.

Формирование образа социально ответственного бизнеса на сайтах сетей супермаркетов осуществляется посредством целого арсенала лингвистических средств. Для британских сетей Sainsbury's и Tesco важно показать эффективность, долгосрочность, системные изменения. С данной целью используется рациональная аргументация, апелляция к статистике, лексика, подчеркивающая направленность на устойчивое развитие и формирование социальной ответственности. Привлечение внимания и запоминаемость названий проектов и инициатив создается при помощи аллитерации. В свою очередь, лингвистические профили российских сетей «Пятёрочка» и «Лента» построены на идее «соседства» и эмоциональной близости, что подтверждается использованием лексики с семантикой «забота», уменьшительно-ласкательных суффиксов, повелительного наклонения глагола и обращения на «ты». Для российских сетей важнее вызвать эмоциональный отклик покупателя здесь и сейчас.

Литература

1. Бровкина Ю.Ю. Социальная психология бренд-коммуникации: диссертация ... доктора психологических наук. – Москва, 2009.
2. Ромашова И.П. Лингвистический анализ бренд-коммуникации// Научный диалог. – 2016. – № 6 (54). – С. 80–93.
3. Савинова Е.Н. Технологии social branding в системе взаимодействия государства и бизнеса // Вестник государственного и муниципального управления. – Москва, 2013. – №3. – С. 95-99.

О.А. Пильщикова

Открытые и закрытые вопросы в испанском адвокатском дискурсе: опыт сравнительного анализа

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу открытых и закрытых вопросов в испанском адвокатском дискурсе. Выявлено, что интеррогативные конструкции выполняют качественно различные, но стратегически взаимодополняющие функции. Выбор типа вопроса определяется интенцией адвоката, контекстом коммуникации и необходимостью достижения конкретных юридических целей, подтверждая, что вопросы являются комплексной системой формирования дискурса, а не просто средством получения сведений.

Ключевые слова: адвокатский дискурс, типология вопросов, прагматика, испанский язык, речевое воздействие.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of open and closed questions in Spanish advocacy discourse. It reveals that these interrogative constructions perform qualitatively distinct, yet strategically complementary functions. The choice of question type is determined by the attorney's intent, the communicative context, and the necessity of achieving specific legal objectives, confirming that questions are a complex system for discourse construction, rather than merely a means of information retrieval.

Keywords: advocacy discourse, question typology, pragmatics, Spanish, speech impact.

В контексте современной научной парадигмы язык рассматривается как фундаментальный инструмент конструирования реальности и формирования человеческого знания, с особым акцентом на прагматические механизмы его функционирования. Особую актуальность приобретают исследования персуазивных дискурсивных практик в профессиональной сфере, где язык выступает не просто как средство передачи информации, но и как инструмент целенаправленного воздействия.

Одной из ключевых областей, где языковые средства активно используются для оказания воздействия и формирования мнения является судебный дискурс, который представляет собой «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» и характеризуется высокой степенью аргументативности. (Дубровская 2010, с. 10).

Адвокатский дискурс, как разновидность судебного, представляет собой поле, где языковые средства активно задействованы для стратегического нарративного конструирования. В рамках нашего исследования, посвященного сравнительному анализу открытых и закрытых вопросов как ключевых инструментов этого конструирования, объектом изучения послужил аутентичный корпус испанского адвокатского дискурса (около 15 000 знаков), сформированный из фрагментов реальных уголовных судебных заседаний методом целенаправленной выборки.

Лингвистическая традиция демонстрирует значительную вариативность в типологизации вопросительных конструкций, основываясь на формально-грамматических (общие/специальные, общие/частные, полные/частичные), семантико-синтаксических (выбора/замещения, да/нет вопросы) и функционально-прагматических критериях (открытые/закрытые).

Среди ключевых исследований в этой области можно выделить работы Лайонса (1968), Робинсона и Рэкстроу (1972), Куирка и Гринбаума (1982), Лича и Свартвика (2013), Вагнера и Пиншона (1975), Блоха (1986) и др. В испаноязычной литературе систематическая типология вопросов в судебном контексте развивается с конца XX в. Ранние значимые вклады включают таксономию Сегуры (1998), эмпирический анализ частотности вопросительных интервенций Ридео (2010) на материале уголовных дел Альмерии, каталог Таранили (2011) и коммуникативный разбор открытых, закрытых, каверзных и наводящих вопросов у Рамирес (2012).

В нашей работе акцент делается на сопоставлении открытых и закрытых вопросов. Выбор этих типов обусловлен их преобладающей распространённостью и высокой процессуальной значимостью, формирующей ядро вопросно-ответного комплекса в судебном допросе.

Открытые вопросы

Открытые вопросительные конструкции, характеризующиеся возможностью генерации развернутого ответа и использующие вопросительные слова (*qué, quién, cuándo, cómo* и др.), приобретают в адвокатском дискурсе специфическое прагматическое значение.

Прагматическая цель прямого допроса заключается не в произвольном повествовании, а в получении ключевых фактических положений, которые служат доказательственным основанием для конструирования и укрепления собственной теории дела. Открытые вопросы в этом контексте выступают как инструмент, обеспечивающий свидетелю дискурсивную свободу для экспликации доминирующих когнитивных структур и извлечения верифицируемых фактов, критически важных для аргументации правовой позиции. Интеррогативные конструкции, ориентированные на реконструкцию хронологии событий и установление фактов, являются ключевыми инструментами адвокатского арсенала.

Иницируя допрос с нейтральных, фактологических запросов, адвокат стратегически снижает уровень психологической бдительности, моделируя атмосферу безопасности. Это способствует получению более детализированных, развернутых и, предположительно, менее цензурируемых ответов, а также позволяет адвокату выявлять доминирующие когнитивные фреймы интерпретации свидетеля. Примеры вопросов, иллюстрирующих данную функциональность:

¿Podría usted detallar la secuencia de acciones que tuvieron lugar inmediatamente tras la señal de inicio? ‘Не могли бы Вы подробно описать последовательность действий, произошедших сразу после стартового сигнала?’

¿Qué detalles recuerda usted sobre la conversación que tuvo con la víctima? ‘Какие детали Вы можете вспомнить относительно Вашего диалога с потерпевшим?’

¿En qué punto de la cronología del suceso usted se percató de la presencia de un tercer actor? ‘На каком этапе хронологии события Вы осознали присутствие третьего лица?’

¿Podría especificar la ubicación exacta del arma en el momento del arresto? ‘Не могли бы Вы уточнить точное местонахождение оружия в момент задержания?’

¿Quién más estaba presente durante la reunión? ‘Кто еще являлся участником данной встречи?’

Открытые вопросы, используемые для сбора фактических данных и реконструкции событий, являются неотъемлемой частью стратегии управления перцептивным полем допрашиваемого, что в итоге оптимизирует получение полных и, предположительно, менее цензурируемых показаний, поскольку нейтральная формулировка и отсутствие давления минимизируют когнитивную фильтрацию и

активацию защитных механизмов, позволяя респонденту воспроизводить информацию в более естественной, менее отредактированной форме.

Закрытые вопросы

Закрытые вопросительные конструкции, ограничивающие спектр возможных ответов до бинарных опций («да» или «нет») либо до строго заданного выбора, обладают прагматическим потенциалом для контроля дискурса и фиксации конкретных интерпретативных фреймов в сознании аудитории. Их ключевая роль в доказывании заключается в инструментальном контроле над ходом допроса, фиксации фактов, подтверждении или дискредитации показаний, а также в оказании направленного психологического давления. Примерами закрытых вопросов являются следующие:

¿Reconoce usted este documento como la copia auténtica del contrato firmado el 15 de mayo? ‘Признаете ли Вы данный документ подлинной копией контракта, подписанного 15 мая?’

¿Es cierto que usted se encontraba a menos de diez metros del vehículo en el momento del impacto? ‘Верно ли, что Вы находились менее чем в десяти метрах от транспортного средства в момент столкновения?’

¿Usted vio al acusado salir por la puerta principal o por la salida de servicio? ‘Вы видели, как обвиняемый вышел через главный вход или через служебный выход?’

¿Es cierto que usted ha comparecido ante la policía para, digamos, declararse autor del robo? ‘Верно ли, что Вы обращались в полицию, чтобы, скажем, заявить о себе как об авторе кражи?’

¿Usted reconoce en esta fotografía a la señora que entró en la tienda, sí o no? ‘Вы узнаете на этой фотографии даму, которая вошла в магазин, да или нет?’

Такие вопросы создают у допрашиваемого иллюзию неизбежности подтверждения, снижая его когнитивное сопротивление и повышая вероятность получения желаемого ответа.

В отличие от открытых вопросов, которые позволяют свидетелю развернуть свое повествование и активировать различные фреймы, закрытые вопросы жестко ограничивают этот выбор, направляя интерпретацию событий в заданное адвокатом русло. Это делает их мощным инструментом для фиксации конкретных фактов, дискредитации показаний оппонентов и оказания психологического давления. Они способствуют формированию у аудитории определенного нарратива, основанного на однозначных ответах.

Проведенный нами анализ демонстрирует, что открытые и закрытые интеррогативные конструкции выполняют в адвокатском дискурсе качественно различные, но стратегически взаимодополняющие функции, определяющие эффективность персуазивного воздействия. Закрытые вопросы обладают высоким потенциалом для строгого ограничения

интерпретационного поля и формализации доказательств: их бинарная структура (да/нет) позволяет адвокату оперативно фиксировать ключевые факты, снижать семантическую неоднозначность и препятствовать нежелательному нарративному развертыванию. Прагматический эффект закрытых вопросов проявляется в создании иллюзии неизбежности подтверждения (в особенности в пресуппозиционных формах), что используется и для психологического давления, и для оперативной верификации утверждений. В противоположность этому, открытые вопросы служат средством выявления и систематизации ментальных представлений свидетеля: их функция заключается в генерации развернутого нарратива, активации релевантных когнитивных фреймов и создании условий для снижения психологической бдительности респондента.

Стратегическое инициирование допроса с помощью открытых информативных или хронологических вопросов обеспечивает получение детализированных и менее цензурируемых показаний, которые затем могут быть использованы для верификации фактов или выявления противоречий. Таким образом, закрытые вопросы эффективны, прежде всего, для фиксации и регламентации фактического материала, тогда как открытые – для реконструкции событий и персуазивного воздействия; их целенаправленное сочетание составляет методологическую основу коммуникативной стратегии в судебном процессе.

Функционально-прагматическая роль открытых вопросов заключается в получении детализированных сведений о событиях, а также в возможности выявления когнитивных фреймов и формирования первоначального представления о психологическом профиле допрашиваемого. Вместе с тем, по мере развития допроса, особенно на его завершающих стадиях, наблюдается стратегический переход к закрытым вопросам. Данная тактика, используемая как стороной обвинения (прокурором, адвокатами частного обвинения), так и стороной защиты, подчёркивает целенаправленный характер вопросно-ответного взаимодействия. Это свидетельствует о тактическом характере чередования типов вопросов, призванном максимально эффективно управлять информационным потоком и формировать желаемый нарратив на различных этапах судебного процесса.

Литература

1. Leech G., Svartvik J. A communicative grammar of English. – Routledge, 2013.
2. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. – Cambridge University Press, 1968.
3. Quirk R., Greenbaum S. A Grammar of Contemporary English. – London: Longman, 1982.
4. Ramírez García J., Santos Romero L., González García F. La técnica del interrogatorio. – Madrid: Editorial Rache, 2012.

5. Ridao Rodrigo S. El género judicial. Materiales para su estudio lingüístico. – Extremadura: Junta de Extremadura, Consejería de Educación, Ciencia y Tecnología, Monográfico número 3, 2010.
6. Robinson R.A., Rackstraw S.E. Questions // English Language Teaching. – 1972. – Vol. 26. – № 2. – P. 187–193.
7. Segura Oronich Á. El Imputado y el Testigo ante el Juez. Psicología del Interrogatorio. – Barcelona: Cedecs, 1998.
8. Taranilla García R. La configuración narrativa en el proceso penal. Un análisis discursivo basado en hechos : tesis doctoral. – Barcelona: Universitat de Barcelona, 2011. – P. 318–337.
9. Блох М. Я. Основы грамматики немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1986.
10. Вагнер В.Н., Пиншон Е.А. Структура предложения и его моделирование. – М.: Просвещение, 1975.
11. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на русского и английского языков). – М.: Академия МНЭПУ, 2010.

О.В. Свиридова

Коммуникативное поведение американских политиков в контексте предвыборных теледебатов в сопоставительном аспекте

Аннотация: В статье исследуется коммуникативное поведение американских политиков в контексте предвыборных теледебатов в сопоставительном аспекте. Материалом для настоящего исследования послужили записи прямых эфиров и транскрибированные тексты президентских предвыборных теледебатов 2012 и 2016 годов, участниками которых были М. Ромни, Б. Обама, Х. Клинтон и Д. Трамп.

Ключевые слова: политический дискурс, сопоставительный анализ, теледебаты.

Abstract: The paper examines the communicative behavior of American politicians in the context of presidential election televised debates from a comparative perspective. The material for this study consists of live broadcast recordings and transcribed texts of the 2012 and 2016 presidential election debates featuring M. Romney, B. Obama, H. Clinton, and D. Trump.

Key words: political discourse, comparative analysis, televised debates.

Политический текст является одним из наиболее репрезентативных средств для изучения разнообразных сфер жизни общества. Он зачастую включает в себя маркеры исторических, социальных и экономических изменений государства, а заинтересованность общественности в личности оратора (политика) и его (ее) речи на каком-либо публичном выступлении, свидетельствует о политических настроениях преобладающего большинства целевой аудитории.

В.А. Маслова рассматривает политический дискурс как вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации (Маслова 2008).

Предвыборные теледебаты на телевидении в США – это значимое политическое мероприятие. Они не просто помогают избирателям определиться с выбором кандидата на должность президента и вице-президента, но и являются одним из ключевых элементов в формировании имиджа политического деятеля в медийном пространстве.

Исследование телевизионных дебатов представляет интерес не только для политических технологов или политологов, но и для лингвистов. Анализ примеров, взятых из телевизионных дебатов представителей двух противоборствующих партий – демократов и республиканцев, – позволяет подробно изучить специфику дебатов как агонального жанра политического дискурса, особенности выстраивания стратегий речевого поведения в зависимости от партии и политической ориентированности представителя партии.

Нами был проведен анализ дискурсивных особенностей предвыборных теледебатов в США а материале теледебатов между Х. Клинтон и Д. Трампом, между Б. Обамой и М. Ромни.

В работе были рассмотрены следующие стратегии и тактики их реализации: 1) стратегия самопрезентации: тактика самовосхваления; тактика обещания; тактика демонстрации профессионального успеха; 2) стратегия реализации конкурентной борьбы: тактика использования открытых упреков в непрофессионализме; тактика дискредитации оппонента; тактика перебивания.

Всего в процессе анализа языкового материала нами был рассмотрен 1571 контекст, реализующий стратегии и тактики кандидатов в президенты США.

В ходе исследования были выявлены доминирующие черты коммуникативного поведения кандидатов в президенты в зависимости от партии. Среди представителей партии демократов (Б. Обама, Х. Клинтон) использование тактики обещания и демонстрации профессионального успеха было наиболее частотным.

Как свидетельствует исследованный материал, тактика обещания в политическом дискурсе на языковом уровне чаще всего выражена формами будущего времени глаголов:

– «*I will defend Planned Parenthood. I will defend Roe v. Wade, and I will defend women's rights to make their own health care decisions*» (H. Clinton).

Были обнаружены примеры, когда тактика обещания реализуется посредством использования модального глагола **have to**:

– «*First, we have to build an economy that works for everyone, not just those at the top. That means we need new jobs, good jobs, with rising incomes*» (H. Clinton).

Довольно часто встречаем случаи выражения тактики посредством использования модальной конструкции *have got to*:

– «*Because we've got to make sure that our economy is strong at home so that we can project military power overseas*» (В. Обама);

– «*It also means that we've got to make sure that young people like yourself are able to afford a college education*» (В. Обама).

Стремление к созданию лучшего будущего для своей страны, поднятию экономики, созданию новых рабочих мест является довольно распространенным среди политиков, чьи предвыборные дебаты анализируются в данной работе:

– «*And **what I want to do**, is build on the five million jobs that we've created over the last 30 months in the private sector alone. And there are a bunch of things we can do to make sure your future is bright*» (В. Обама).

Тактика обещания реализуется через высказывание намерения создать рабочие места путем применения в речи глагола *want* с предлогом «to». Это является конвенциональным косвенным речевым актом, поскольку политик только сообщает о своем намерении, но не утверждает прямо, что выполнит определенные действия.

Тактика обещания чаще всего используется Х. Клинтон (31%), у М. Ромни отмечается в 22% случаев использования данной тактики, у Б. Обамы – в 23%, у Д. Трампа – в 21%. Данная статистика показывает, что наряду с остальными Х. Клинтон в большей степени склонна к обещаниям, создающим ее положительный образ как возможного президента США.

Основанием для другой тактики самопрезентации служит желание политического деятеля презентовать себя как можно лучше, демонстрируя собственный талант, имеющиеся умения, положительные черты характера и достойное поведение. Для реализации этой тактики политические деятели используют положительно маркированную лексику:

– прилагательные *successful, worthy, systematic, strong, reliable*;

– глаголы и глагольные словосочетания: *win, know, count, be proud, lead, be a leader, be convinced, have experience, qualifications, have knowledge* и т.д.

Обязательный атрибут тактики демонстрации профессионального успеха – наличие местоимения как признака доминирования личностного стержня». Например:

– «*So **I**'ve tried to be very specific*» (Н. Клинтон);

– «*When **I** was in the Senate, **I** had a number of trade deals that came before me, and **I** held them all to the same test*» (Н. Клинтон).

– «*When **I** was secretary of state, we actually increased American exports globally 30 percent. **We** increased them to China 50 percent*» (Н. Клинтон);

– «*And despite that, what **we**'ve said is, yes, **we** had to take some initial emergency measures to make sure **we** didn't slip into a Great Depression*» (В. Обама);

– «*You know, **I** suspect that, on Social Security, **we**'ve got a somewhat similar position. Social Security is structurally sound. It's going to have to be tweaked*

the way it was by Ronald Reagan and Speaker – Democratic Speaker Tip O'Neill. But it is – the basic structure is sound» (В. Обама).

В процессе реализации тактики демонстрации профессионального успеха важна эмоциональность представления информации, экспрессивность в проявлении правдивости собственной позиции. Для этого часто употребляют структуры «вопрос-ответ» либо цепи вопросительных структур. Каждое последующее вопросительное предложение в таких высказываниях дополняет предыдущее, усиливает восприятие информации. А ответы служат воспроизведением позиции политика, его спонтанной реакцией на высказанное. Тактика демонстрации профессионального успеха чаще всего используется Б. Обамой (61%), у Х. Клинтон она отмечается в 27% случаев, у М. Ромни – в 10%, у Д. Трампа – в 2%.

Проведенный количественный анализ показывает, что Б. Обама, по сравнению с другими кандидатами в президенты, чаще всех использует тактику демонстрации профессиональных успехов.

Интересно, что представители партии республиканцев чаще прибегали к использованию конфронтационных тактик, таких как использование открытых упреков в непрофессионализме и дискредитацию оппонента.

Тактика использования открытых упреков в непрофессионализме является одной из тактик стратегии реализации конкурентной борьбы. Отметим, данная тактика позволяет создать собственный положительный образ путем создания негативного образа оппонента как непрофессионала.

Реализация данной тактики предполагает открытое указание на несоответствие профессиональным стандартам своего оппонента:

– *«Secretary Clinton and others, politicians, should have been doing this for years, not right now, because of the fact that we've created a movement. They should have been doing this for years»* (D. Trump).

Как видим, в рамках такой тактики политики для прямого указания на непрофессионализм используют имена своих оппонентов.

Также в рамках данной тактики характерно использование относительно своего оппонента местоимений и слов с отрицательной коннотацией:

– *«She talks about solar panels. We invested in a solar company, our country. That was a **disaster**. They **lost** plenty of money on that one»* (D. Trump);

– *«**You can't** do what you're looking to do with \$20 trillion **in debt**»* (D. Trump);

– *«**You can't** bring back jobs»* (D. Trump).

В приведенных примерах Д. Трамп в отношении своего оппонента использует существительные (*disaster, debt*) и глаголы (*lost, can't*) с негативной коннотацией.

Тактика использования открытых упреков в непрофессионализме чаще всего используется Д. Трампом (38%), у М. Ромни она отмечается в 35% случаев, у Б. Обамы – в 17%, у Х. Клинтон – в 10%.

Тактика дискредитации оппонента направлена на подрыв авторитета оппонента, которым является политический противник, что в свою очередь оказывает обратный эффект для самого говорящего, поскольку усиливает его собственные позиции по сравнению с дискредитированным соперником.

Реализуется данная тактика через ряд других тактик:

1) тактика анализ – «минус» – основанный на фактах рассмотрения, разбора ситуации, предусматривающей выражение негативного отношения к описываемому, а также – к людям, их действиям и поступкам;

2) тактика обвинения – приписывание кому-либо любой вины, признание виновным в чем-то, а также раскрытие, выявление чьих-либо непристойных действий, намерений, качеств;

3) тактика разоблачения – приведение с целью разоблачения фактов и аргументов, делающих явной виновность, преступность любого;

4) тактика вербальной дискриминации – нанесение оскорбления, унижения, что сопровождается экспликацией эмоционального составляющего компонента вместо приведения доказательств;

5) тактика вербальной инсинуации – создание неоспоримого негативного образа политического оппонента.

Реализация тактики дискредитации оппонента реализуется через цитирование слов оппонента:

– *«In fact, Donald was one of the people who rooted for the housing crisis. He said, back in 2006, “Gee, I hope it does collapse, because then I can go in and buy some and make some money.”»* (H. Clinton).

Как видим в приведенном выше примере, Х. Клинтон реализует тактику дискредитации оппонента, цитируя Д. Трампа, при этом в своем высказывании она называет своего оппонента по имени.

Отметим, что тактика дискредитации также реализуется такими стилистическими фигурами как метафора, служащая эскалации агрессии и являющаяся частым приемом для создания памятного негативного образа оппонента:

– *«That was a great pivot off the fact that she wants open borders, OK?»* (D. Trump);

– *«She wants open borders. People are going to pour into our country. People are going to come in from Syria. She wants 550 percent more people than Barack Obama, and he has thousands and thousands of people»* (D. Trump); в данном примере также используется гипербола, выраженная с помощью числительного (*550 percent more people*);

– *«You’re the puppet!»* (D. Trump).

Таким образом, проведенный анализ коммуникативных стратегий и тактик, используемых политиками во время теледебатов, позволяет сделать вывод, что каждый из них преследует одну и ту же цель – создание положительного образа себя как достойного кандидата. Однако для ее

достижения политики используют разные наборы тактик и средств их реализации. В ходе исследования данного материала отчетливо прослеживается корреляция между используемой стратегией и партией, к которой принадлежит кандидат. Если представители демократов в ходе теледебатов предпочитали в своих выступлениях фокусироваться на себе, демонстрируя аудитории наиболее привлекательный образ себя как политика, то республиканцы отдавали предпочтение конфронтационному коммуникативному поведению.

Литература

1. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 1 (24). – С. 43–47.

Е.А. Северина

Лингвокультурные особенности категоризации сверхъестественных существ в русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу лексико-семантических групп, обозначающих сверхъестественные существа в русском и английском языках. На основе материалов лексикографических источников анализируются их смысловые и структурные особенности.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, лексико-семантическая группа, сверхъестественные существа, сопоставительный анализ, русский язык, английский язык, мифологическая лексика, лакуарность.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of lexico-semantic groups denoting supernatural beings in the Russian and English languages. Based on materials from lexicographic sources, their semantic and structural features are analyzed.

Key words: linguoculturology, linguistic worldview, lexical-semantic group, supernatural beings, comparative analysis, Russian language, English language, mythological vocabulary, lacunarity.

Актуальность представляемого исследования связана с важностью изучения языковой картины мира для понимания особенностей национального сознания. Анализ лексики, обозначающей сверхъестественное, дает возможность восстановить древние пласты мировоззрения, мифологические образы и культурно-этические нормы народа. Такая лексика является отражением коллективного опыта, религиозных верований и фольклорных традиций.

В исследовании мы рассматриваем ЛСГ «Сверхъестественные существа» в русском языке (группа сформирована на основе Русского семантического словаря под редакцией Н.Ю. Шведовой (2014), Энциклопедии сверхъестественных существ (Королев 2005) и Краткого мифологического словаря (Ладыгин, Ладыгина 2003) в составе 195 лексических единиц) и проводим ее сопоставительный анализ с группой «Supernatural beings» в английском языке (сформирована на основе Oxford

Dictionary for Speakers of Russian (Oxford Dictionary for Speakers of Russian, 1993) и Roget's thesaurus of English words and phrases (Roget's thesaurus of English words and phrases, 1987) в составе 268 лексических единиц).

Анализ структуры ЛСГ в русском языке выявляет четкую культурно-историческую классификацию. Выделяются четыре лексико-семантических подгруппы:

1. Сверхъестественные существа в славянской и собственно русской мифологии, сказках, поверьях: включает наименования злых сил (*вий, волкодлак, злыдень, нечисть*), духов-«хозяев» места (*банник, водяной, домовой, леший*), сказочных персонажей (*Баба-Яга, богатырь, Кощей*) и мифологических животных (*Змей-Горыныч, жар-птица*).

2. Сверхъестественные существа в европейской, скандинавской и античной мифологии, сказках: объединяет существа из разных традиций, среди которых великаны (*гигант, гном*), чудовища (*вампир, гарпия*), духи природы (*дриада, наяда*), гибридные существа (*кентавр, сфинкс*), божества (*валькирия, муза*).

3. Сверхъестественные существа в религиозных культурах: включает наименования Бога и Богородицы (*Бог, Богородица*); ангельских чинов и святых (*ангел, апостол, архангел, святой*); персонажей, обладающих магическими способностями (*колдун, волхв, маг*); а также злых сил (*бес, дьявол, сатана, черт*).

4. Сверхъестественные существа в научной фантастике: наименования существ инопланетного происхождения (*инопланетянин, марсианин*).

Лексико-семантическая группа «Сверхъестественные существа» в русском языке имеет четкую культурно-историческую стратификацию. Выделенные подгруппы (существа славянского фольклора, персонажи зарубежных мифологий, религиозные образы и порождения научной фантастики) представляют собой не просто лингвистическую классификацию, а лингвокультурный срез, закрепляющий исторические и межкультурные взаимодействия.

Ключевой особенностью ЛСГ является наличие уникального культурного ядра — обширного пласта безэквивалентной лексики, связанной со славянской мифологией и бытовыми поверьями (*домовой, леший, Баба-Яга*). Сильное влияние христианской традиции формирует устойчивую оценочную шкалу «добро/зло», а заимствованные из других культур существа (*валькирия, гарпия*) образуют отдельный, преимущественно книжный пласт лексики, который семантически и стилистически противопоставлен исконно «своему» фольклорному миру.

Таким образом, структура группы отражает многослойность русской культуры, где «свое» и «чужое» сверхъестественное существуют в четко разграниченных смысловых зонах.

Англоязычные лексикографические источники дают материал для классификации английской ЛСГ на следующие подгруппы:

1. Mythical beings: включает в себя наименования монстров (monsters: *griffon, Chimera, dragon, basilisk*), существ, представляющих собой наполовину людей, наполовину животных (part human part animal: *centaur, sphinx, mermaid*), великанов (giants: *giant, Cyclops, ogre*).

2. Supernatural beings: состоит из наименований духов (spirits: *spirit, ghost, specter, wraith*), природных духов и фейри (fairies: *fairy, elf, pixie, brownie, leprechaun, sylphid, undine*), великанов и гномов (giants and dwarves: *dwarf, troll, giant*).

3. Superhuman beings: включает наименования ангелов и святых, Богородицы (angels: *angel, archangel, seraphim, Madonna, invisible helpers*), наименования дьявола и злых сил (satan: *Satan, the Devil, Lucifer, the evil spirit, the Prince of darkness*), Бога (Deity: *God, Lord, Jehovah, Jahweh, Allah, The Son of God, Jesus, Christ*), волшебников (sorcerers: *sorcerer, wizard, witch, necromancer, voodoo, warlock*) и демонических существ (demons: *demon, fiend, barghest, flibbertigibbet*).

Классификация сверхъестественных существ в английском языке строится преимущественно на тематическом, а не культурно-историческом принципе. Три ключевые подгруппы – “Mythical Beings”, “Supernatural Beings” и “Superhuman Beings” – объединяют понятия по общим признакам (тип монстра, духа или божества), свободно смешивая элементы античной, кельтско-германской и христианской традиций. Это создает интегрированную лексическую систему, где отсутствует ярко выраженное ядро «исконной» мифологии, а заимствования органично вплетены в единый лексикон, во многом сформированный современной массовой культурой.

В отличие от русской модели с ее четкими культурными слоями, английская ЛСГ демонстрирует синтез и стирание четких границ происхождения. Локальный фольклор (*elf, leprechaun*) здесь не противопоставлен классической мифологии (*centaur, sphinx*), а христианские понятия (*angel, demon*) структурно включены в общую классификацию наравне с другими сверхъестественными существами.

Сопоставительный анализ состава рассматриваемых ЛСГ в русском и английском языках показал, что в обоих языках выделяются универсальные категории: духи/призраки, демонические существа, мифологические чудовища, ангельские/божественные сущности, что отражает общие архетипы человеческого сознания. Однако присутствуют и культурно-специфические категории. Так, в русском языке четко противопоставлены «свое» (славянская нечисть, духи места) и «чужое» (европейские, античные, религиозные существа). Категория «духов места» (*домовой, леший*) структурно и семантически центральна для народной картины мира. В английском языке наблюдается синтез традиций: античные, кельтские, германские, христианские существа образуют единый, хотя и внутренне разнородный, лексический пласт.

Кроме того, в русском языке отмечен уникальный пласт чисто славянских наименований нечисти (*кикимора, лихо, русалка*), не имеющий прямых эквивалентов в английском. Английский язык, в свою очередь, обладает богатейшим царством фейри (*elf, pixie, leprechaun, hobgoblin*), концептуально чуждым русской традиции.

Наблюдается также асимметрия в лексической детализации: английский язык показывает гипертрофированную номинативную разработанность в области наименования демонов, фейри и пр. (синонимы и уточняющие наименования); русский язык компенсирует это детализацией в области наименований бытовой нечистой силы, связанной с конкретными локусами.

Выявленные различия обусловлены разными культурными кодами. Английская ЛСГ сложилась в результате наслоения нескольких культурных пластов: античного наследия, германо-скандинавской мифологии и сильного влияния христианства. Это сформировало картину мира с четкой иерархией и разнообразными мифологическими существами.

Русская ЛСГ демонстрирует бинарную структуру. В ее основе — глубокий пласт исконных славянских верований, на который позже наложались заимствованные (через христианство и западное влияние) концепты.

Интернационализмы (*вампир, демон, зомби*) становятся мостом между культурами, но их семантика в каждом языке приобретает национальные оттенки.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Категоризация сверхъестественных существ в русском и английском языках структурно и семантически различается, что является следствием различий в историческом, мифологическом и религиозном развитии соответствующих культур.

2. Русская классификация тяготеет к локальному и функциональному принципу (дух места, функция вредительства/помощи), в то время как английская — к онтологическому и морально-иерархическому (природа существа, его место в борьбе добра и зла).

3. Наличие многочисленных лакун и безэквивалентной лексики с обеих сторон подтверждает уникальность каждой языковой картины мира.

Литература

2. Oxford Dictionary for Speakers of Russian. – Lonnie Kahn & Co: Kernerman Publ., 1993.
3. Roget's thesaurus of English words and phrases. – New ed. – Harlow (Essex): Longman, 1987.
4. Королев К. М. Энциклопедия сверхъестественных существ. – М.: Эксмо, 2005.
5. Ладыгин М.Б., Ладыгина О.М. Краткий мифологический словарь. – М.: НОУ «Полярная звезда», 2003.

6. Русский семантический словарь: Толковый словарь систематизированный по классам слов и значений под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник: ИРЯ РАН, 2014.

А.А. Сибиркина

Эволюция статуса австралийского варианта английского языка: от колониальной «порчи» к национальному стандарту

Аннотация: В статье на материале эволюции статуса австралийского варианта английского языка проводится сопоставительный анализ его восприятия – от колониальной «порчи» до признания национальным стандартом.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, акролект, языковое планирование, кодификация, полицентричность, национальная идентичность, сопоставительный анализ, языковая норма.

Abstract: The paper conducts a contrastive analysis of the evolution of the status of Australian English, tracing its perception from a colonial "corruption" to its recognition as a national standard.

Key words: Australian English, acrolect, language planning, codification, polycentricity, national identity, contrastive analysis, language norm.

Эволюция статуса австралийского варианта английского языка (АВА) представляет собой яркий пример того, как лингвистические процессы неразрывно переплетаются с социальными, политическими и культурными трансформациями. В современной глобальной лингвистической парадигме английский язык давно перестал быть монолитным образованием с единственным центром нормирования в Великобритании. Он утвердился как полицентричный язык, обладающий несколькими равноправными национальными стандартами, среди которых австралийский стандарт занимает полноправное место. Однако путь к этому признанию был длительным и сопряженным с идеологической борьбой, отражающей более широкий процесс становления австралийской национальной идентичности. Данная статья прослеживает этот путь, используя метод сопоставительного анализа и фокусируясь на ключевом социолингвистическом сдвиге – сопоставлении восприятия австралийской речи как «испорченного» варианта английского языка с ее последующим признанием в качестве самостоятельного акролекта.

Изначально языковая ситуация в Австралии характеризовалась доминированием британской лингвистической нормы как единственно верной и престижной. Ранние описания АВА, такие как работа А.Г. Митчелла, хотя и были научными, неявно исходили из предположения, что эталоном является британское произношение, в частности Received Pronunciation (RP) (Mitchell 1946). Сопоставление особенностей австралийской фонетики, лексики и синтаксиса с британской нормой приводило к тому, что первые рассматривались не как результат естественного языкового развития, а как отклонение, упрощение и «порча»

изначального стандарта. Данный термин можно встретить в работах Б. Мура, который отмечает, что австралийский акцент долгое время воспринимался как «debased form of British English» (Moore 2008), и Г. Ляйтнера, описывающего историческое клеймо «colonial corruption» (Leitner 2004). Этот дискурс был частью более широкого колониального мировоззрения, в котором метрополия олицетворяла цивилизацию и культурный эталон, а колонии воспринимались как периферия, где эти стандарты размываются. Внутриязыковое сопоставление в рамках стратификационной модели языка того периода четко определяло роли: британский RP бесспорно выполнял функцию акролекта – высшей, престижной формы, а местные австралийские варианты, особенно так называемый Broad Australian (широкий австралийский акцент), ассоциировались с базолектом – социально низшей, стигматизированной формой речи (Baker 1945).

Поворотным моментом, изменившим параметры сопоставления, стало последовательное укрепление национального самосознания Австралии на протяжении XX века. В этом контексте язык закономерно стал не просто инструментом коммуникации, а ключевым элементом процесса национального самоопределения (Moore 2008), требующим сравнения не с внешним эталоном, а внутренней оценки.

Бенедикт Андерсон называл нации «Imagined Communities» («воображаемыми сообществами»), объединение которых невозможно без единого стандартизированного печатного языка (Anderson 2006). В этом контексте началась работа по становлению АВА, что относится к сфере языкового планирования. Пионером в этой области выступил С. Дж. Бейкер, который в своей книге «The Australian Language» предпринял одну из первых попыток представить АВА не как собрание ошибок и отклонений, а как самостоятельную и богатую лингвистическую систему. Характеризуя кризис идентичности того периода, Бейкер отмечал: «The Australian is inclined to feel that he has no identity to call his own» (Baker 1945, p. 6). Так он подчеркивал острую потребность в утверждении культурного и лингвистического суверенитета.

Наиболее значимым актом языкового планирования, закрепившим новый статус АВА, стало издание в 1981 году Macquarie Dictionary. Его создатели под руководством Артура Делбриджа сознательно отказались от слепого сопоставления с внешними авторитетами – британским или американским стандартом, – взяв за основу язык, реально используемый образованными носителями в Австралии. Это проявлялось не только во включении специфически австралийской лексики, но и в принципиально новом подходе к произношению. Словарь фиксировал фонетическую норму General Australian (общего австралийского акцента), тем самым определяя ее как акролектическую форму. В предисловии историк Мэннинг Сларк писал про словарь: «...it was the evidence of the Australian

contribution to the conversation of humanity» (Macquarie Dictionary 1981). Сопоставление этого подхода с предыдущей лексикографической практикой наглядно демонстрирует сдвиг акролекта: теперь не британский RP, а General Australian стал восприниматься как новая престижная норма. Этот процесс полностью согласуется с теорией полицентричных языков, где сопоставление происходит уже не по вертикали (центр-периферия), а по горизонтали (равноправные национальные центры). Об этом М. Клайн пишет в своей книге: «International English is therefore more adequately described as a pluricentric language with several interacting national varieties or linguistic centres» (Clyne 1992).

Становление нового акролекта было подкреплено системными изменениями в языковой политике ключевых общественных институтов, что превратило теоретический стандарт в повседневную реальность. Наиболее показательной является эволюция языковой стратегии Australian Broadcasting Corporation (ABC) – национального вещателя, традиционно воспринимавшегося как хранитель культурных стандартов. На протяжении большей части XX века ABC сознательно культивировала произношение, максимально приближенное к британскому RP, что отражало общую ориентацию на имперские культурные образцы. Дикторы и ведущие новостей проходили специальный отбор и тренинг для устранения характерных австралийских фонетических особенностей. Однако к 1970-1980-м годам эта практика стала восприниматься как проявление культурного снобизма. Под давлением меняющихся общественных настроений и в рамках общего пересмотра национальной идентичности корпорация инициировала сознательную смену курса. Сопоставление этой позиции в середине и конце XX века показывает радикальный переворот: если ранее ABC культивировала произношение, максимально приближенное к британскому RP, то к 1970-1980-м годам она официально санкционировала использование General Australian в эфире, что было закреплено во внутренних регламентирующих документах, включая ежегодные отчеты Комитета по разговорной английской речи. Этот переход имел огромное символическое значение: то, что ранее в сравнении с британской нормой считалось недостатком, теперь стало официальным голосом нации, звучащим в новостях, образовательных и культурных программах (ABC 2000-2001).

В современную эпоху АВА прочно утвердился в качестве одного из стандартов полицентричного английского языка. Его норма кодифицирована, он является языком образования, права, государственного управления и национальных медиа. Исследования, подобные работам Брюса Мура, показывают, как АВА из объекта изучения превратился в предмет национальной гордости, отражение уникальной истории и культуры континента (Moore 2008).

Сопоставление современной языковой ситуации с колониальным периодом позволяет сделать ключевой вывод: если Broad Australian еще может ассоциироваться с определенными стереотипами, он больше не рассматривается исключительно как маркер необразованности. Британский RP перешел в разряд внешнего акролекта (к нему очень близок Cultivated Australian) – он может восприниматься как престижный в определенных узких контекстах, но более не определяет языковую норму в Австралии.

В заключение необходимо подчеркнуть, что трансформация статуса австралийского английского от «порчи» к стандарту, исследованная посредством диахронического сопоставления норм и акролектов, является классическим случаем социолингвистической стандартизации варианта языка. Сопоставительный анализ наглядно демонстрирует, что стандартизация – это не столько лингвистический, сколько социально-политический феномен. Признание австралийского варианта полноценным национальным стандартом, выявленное его траектории развития через сравнение с британским эталоном стало возможным лишь в контексте обретения Австралией полной культурной и политической самостоятельности. История АВА служит убедительным доказательством теории полицентричности и подтверждает, что жизнеспособность и статус языкового варианта определяются не его близостью к некоему изначальному эталону, а его функцией как инструмента объединения национального «воображаемого сообщества».

Литература

1. Australian Broadcasting Corporation (ABC). ABC Standing Committee on Spoken English (SCOSE): Annual Report, 2000-2001.
2. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (Revised Edition). – London, New York: Verso, 2006.
3. Baker S. J. *The Australian Language*. – Sydney, London: Angus and Robertson LTD, 1945.
4. Clyne M.G. (Ed.). *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992.
5. Leitner G. *Australia's Many Voices: Australian English – The National Language*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
6. *Macquarie Dictionary*. First Edition. – Sydney: Macquarie Library, 1981.
7. Mitchell A.G. *The Pronunciation of English in Australia*. – Sydney: Angus & Robertson, 1946.
8. Moore B. *Speaking Our Language: The Story of Australian English*. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

Особенности институциональной жалобы в британской и русской лингвокультурах

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей речевого акта жалобы институционального характера и способам его реализации в письменной коммуникации носителей британской и русской лингвокультур. Установлено, что между официальными жалобами, написанными представителями британской и русской лингвокультур, есть определенные схожие черты, но наблюдается больше различий, проявляющихся и в структуре письма, и в его содержательном наполнении, и в языковом оформлении.

Ключевые слова: институциональная жалоба, дискурс, конвенциональность, структура письма, сопоставление.

Abstract: The paper analyses the characteristics of the speech act of institutional complaint and the ways of its implementation in written communication of speakers of the British and Russian linguistic cultures. It has been established there are certain similarities between the official complaints written by representatives of the British and Russian linguistic cultures, but there are more differences that manifest themselves in the structure of the letter, its content, and language design.

Key words: institutional complaint, discourse, conventionality, writing structure, comparison.

Институциональная жалоба – это речевой акт, который представляет собой социально значимый тип текста и часто используется на уровне институционального взаимодействия. Ему присущ официально-деловой характер осуществления коммуникативных действий и предъявляются определенные требования к структурной организации текста, его содержательному наполнению и языковому оформлению (Цурикова, Хайдарова 2022, с. 268).

Реализация данного коммуникативного действия в различных культурах будет, несомненно, иметь определенные отличия в зависимости от конкретного социума, в связи с тем, что любой культуре присуща своя национальная картина мира и особые конвенциональные установки, которые считаются только носителями определенного культурного кода (Цурикова, 2002, с. 117-118).

В британской языковой культуре институциональная жалоба лаконична и нейтральна по стилю (Слепович, с. 36), для нее характерны строгая структурная организация и использование определенных конвенциональных этикетных формул, что помогает прежде всего адресанту достичь коммуникативной цели, а также укрепить партнерские отношения (Куликова, 2025, с.156). Структура британской институциональной жалобы хорошо известна, приведем ее элементы: идентификационная часть, контактоустанавливающая часть, вступление, описание проблемы, обращение к уполномоченному лицу,

контакторазмыкающая часть, сигнатурная часть (Цурикова, Хайдарова, 2025, с. 86-87).

Что касается содержательного наполнения институциональной жалобы, то оно зависит от сложности неблагоприятной ситуации, количества обращений адресанта к адресату, эмоционального состояния адресанта. Безусловно, такие факторы, как степень близости адресанта и адресата, уровень вежливости (Сурова, Косицына, с. 34), а также индивидуальный человеческий фактор также имеют большое значение.

Говоря о русской институциональной жалобе, хотим отметить, что в русской языковой культуре, в отличие от британской, нет специального конвенционального формата текста институциональной жалобы. Когда русскоязычные коммуниканты сталкиваются с ситуациями, требующими написания официальных жалоб лицам, наделенным властными полномочиями, они используют данный формат письма, однако составляют его интуитивно, так как в русской языковой культуре отсутствуют четкие правила, касающиеся структуры, содержательного наполнения и языкового оформления официальной письменной жалобы.

Наше исследование фокусируется на рассмотрении особенностей институциональной жалобы в британской и русской языковых культурах. Основной целью статьи является сопоставление дискурсивного поведения коммуникантов, принадлежащим к двум лингвокультурам, в указанной коммуникативной ситуации.

Материалом исследования послужили собранные методом сплошной выборки 114 писем институционального характера, написанных представителями британской языковой культуры по-английски и 107 писем-жалоб, написанных носителями русской языковой культуры по-русски. Отправителями писем были коммуниканты, столкнувшиеся с негативной ситуацией и использующие институциональную жалобу, чтобы донести до уполномоченного лица информацию о проблеме и подтолкнуть его к определенным действиям по исправлению данной ситуации.

Основными методами получения и обработки материала являются метод сплошной выборки и включенного наблюдения для сбора эмпирического материала; сопоставление, направленное на выявление общего и особенного между британской и русской институциональными жалобами; количественный метод анализа для установления частотности анализируемых явлений.

Рассмотрим структуру британской письменной институциональной жалобы на примере писем, составляющих нашу выборку. Что касается идентификационной части, то в соответствии с правилами, принятыми в британской языковой культуре, адрес отправителя должен находиться в правом верхнем углу, а адрес получателя ниже в левом верхнем углу. Возможен второй вариант расположения: адрес отправителя указывается в

левом верхнем углу, а ниже указывается адрес получателя. В большинстве писем (67%) нам встретилось именно такое расположение адресов.

В отличие от писем-жалоб институционального характера, написанных представителями британской языковой культуры, письма-жалобы в русской языковой культуре имеют только один тип расположения идентификационной части: в правом верхнем углу располагается сначала адрес получателя, а уже под ним указывается адрес отправителя (100% случаев из нашей выборки).

Что касается **Вступления**, то оно содержит краткое описание проблемы, о которой пойдет речь дальше. Эта часть письма-жалобы снабжает адресата фоновой информацией о сути вопроса и вводит в курс дел. В нашем британском корпусе писем вступление было представлено во всех письмах и выглядело оно следующим образом:

I am writing to convey my deep concern regarding a questioner on the BBC's Conservative leadership debate on Monday 17th June, and subsequent reporting.

We are writing as representatives from Fixed Odds Betting Terminals APPG, to express our deep concern that your current advertisement for British Airway Holidays, depicting a young couple on holiday in a casino, is so ill judged.

В данных примерах мы видим, что адресант использует конвенциональные глагольные фразы (*to convey my deep concern, to express our deep concern*), которые адресат интерпретирует как языковые средства, которые предваряют жалобу. Можно сказать, что вступление дает понять реципиенту, что далее последует негативная информация, таким образом смягчая возможный отрицательный эмоциональный отклик.

Что касается русской институциональной жалобы, то в нашей выборке писем только в двух письмах, написанных носителями русской лингвокультуры, нам встретилось **Вступление**. Приведем примеры:

Обращаюсь с жалобой на судебного пристава отдела ФССП №12 по г. Москве, Никифорову Елену Ивановну.

Уважаемый Евгений Викторович, обращаюсь к Вам с жалобой на качество услуг доступа к сети Интернет.

В подавляющем большинстве писем вступление отсутствовало, а после слова «Жалоба», написанного посередине строки после контактоустанавливающей части, носители русской лингвокультуры переходили к описанию проблемы. Данный факт отличает русские письма-жалобы институционального характера от британских, в которых **Вступление** - это обязательная структурная часть.

Описание проблемы, послужившей причиной институциональной жалобы, составляет следующий смысловой блок письма-жалобы.

В британской институциональной жалобе описание проблемы является основной частью письма. Оно выносится в отдельный абзац и содержит

подробное описание неблагоприятной ситуации, ставшей причиной написания письма-жалобы.

Приведем примеры:

At the point of purchase, I was assured the goods would be fresh upon arrival. Instead, they were delivered spoiled. I have attached a photo as well as the delivery receipt.

Your advertisement suggests that feeding the machines, will change lives for the better when in reality it is far more likely to damage them. There are so many positive images from holidays that you could have used to support your strapline «What if all holidays were British Airways holidays» that we found it astounding that you chose to use it.

В нашей выборке писем данная часть была разной по величине и по содержанию, это можно объяснить тем, что адресанты описывают разные по сложности проблемы.

В русской жалобе институционального характера после указания типа письма («Жалоба») или предмета конкретного письма («Жалоба на недобросовестное поведение продавца») следует описание проблемы и формулируется данная часть письма следующим образом:

1) 20.12.23г. я купил в магазине «Иванов и Ко» игровую приставку GBL G111 за 1850 (тысячу восемьсот пятьдесят) рублей. Цена товара согласно ценнику на витрине - 1450 (тысяча четыреста пятьдесят) рублей. Я переплатил за товар 400 (четыреста) рублей.

2) 24 декабря 2021 года судебный пристав Никифорова Елена Ивановна пришла ко мне в квартиру описывать имущество, принадлежащее мне, и предложила за 20000 рублей не включать все мое имущество в опись, чтобы избежать ареста самых ценных вещей, электроники и украшений.

Хотим отметить, во всей выборке британских институциональных жалоб в части Описание проблемы нам встретилась 1 ссылка на законодательный акт:

On 01/10/15, you did the following work: you agreed to install a bathroom suite in my house at a cost of 600£. We agreed this work would be completed by 22/10/15. However, I have had the following problems:

- 1. The sink you installed doesn't drain properly*
- 2. The flush on the toilet doesn't work at all.*

According to the law named above (Consumer Rights Act 2015), I am entitled to have this work done with reasonable care and skill.

Что касается выборки русских писем-жалоб, то в подавляющем большинстве писем (70%) адресанты ссылались на законодательные акты. Считаем, что носители русской лингвокультуры прибегают к этому шагу для упрочения своей переговорной позиции, чего не делают представители британской лингвокультуры. Приведем примеры из русской выборки:

1) По п. 1 ст. 10 закона РФ «О защите прав потребителей» продавец обязан вовремя предоставить информацию о товарах, чтобы покупатель

сделал выбор. По п. 2 ст. 10 закона РФ «О защите прав потребителей» цена товара в рублях – неотъемлемая часть информации о товаре.

2) Пунктом 6 ст. 28 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, обязательному опубликованию подлежат сведения о проведении торгов по продаже имущества должника и о результатах проведения торгов.

Итак, в британской языковой культуре часть **Описание проблемы** отделена от **Вступления** абзачным делением. В русской официальной жалобе нет отдельно выделенной вступительной части (встретилась нам только в 2-х письмах), она сливается с частью письма **Описание проблемы**. Адресант сразу после контактоустанавливающей части и слова «Жалоба» переходит к описанию проблемы. То есть для русской языковой культуры характерен быстрый переход к основному вопросу без предварительных вводных/этикетных фраз. С этой точки зрения русскую жалобу официального характера можно описать как более прямолинейную (straightforward) по сравнению с британской. Следует еще раз сказать, что в содержательном наполнении между британской и русской жалобой тоже есть отличия. Несмотря на то, что и в той, и в другой культуре проблема описывается подробно, излагаются основные детали произошедшего, в русской жалобе адресант в 70% случаев из нашей выборки делает отсылку к законодательному акту для увеличения шансов на beneфактивное решение неблагоприятной ситуации.

Следующая часть институциональной жалобы – **Обращение к уполномоченному лицу**. Данная часть письма предполагает побуждение адресата выполнить действия, которые адресант считает необходимыми для изменения неблагоприятной ситуации. В британской институциональной жалобе данная часть формулируется следующим образом:

1) *I request that you either refund the payment or replace the damaged items as soon as possible.*

2) *Jeremy, on behalf of my fellow residents in this building I ask you to do the right thing and see to it that the necessary repairs get done post-haste.*

Обратим внимание, что в данных примерах жалоба выражается с помощью перформативных глаголов (*ask, request, etc.*). Использование данных глаголов является одним из языковых способов выражения побудительности, то есть директивной иллокуции.

Обратимся к русским жалобам официального характера в части **Обращение к уполномоченному лицу**. В русской языковой культуре побудительная иллокуция выражается с помощью таких перформативных глаголов как *прошу* и *требую*. Приведем примеры:

1) *Прошу*

В течение 10 дней вернуть мне разницу 400 (четыреста) рублей, которую я переплатил за товар. Если вы откажетесь вернуть деньги, я

обращусь в Роспотребнадзор.

2) Требую:

1. Незамедлительно устранить все неисправности, препятствующие получению мною качественных услуг доступа к сети Интернет.

2. Незамедлительно провести проверку качества услуг доступа к сети Интернет по месту ее фактического оказания.

Как и в предыдущей части письма – **Описание проблемы** – в данной структурной части русской институциональной жалобы мы тоже нашли отсылки к законодательным актам.

Из вышеуказанных примеров мы видим, что и в британской, и в русской лингвокультурах часть письма **Обращение к уполномоченному лицу** структурирована, пункты требований, вынесены на отдельные строки и располагаются списком. А использование перформативных глаголов без маркеров вежливости (например, слова «please») делают тон письма категоричным и требующим срочного решения вопроса.

Перейдем к **Контакторазмыкающей части** письма в британской выборке писем. В данной части институциональной жалобы наряду со стандартной клишированной фразой «*I look forward to hearing from you soon*», используемой для завершения коммуникации, нам встретились пожелания получить скорый ответ от адресата и быстро решить проблему. Кроме того, нам встретились письма, в которых были еще указаны сроки, в которые проблема должна быть решена. Некоторые адресанты упоминали обращение к третьей стороне в случае, если адресат не решит проблему. Приведем примеры:

I am looking forward to hearing from you within the next two weeks.

Please respond to my complaint/complete the work in the next 14 days. If you fail to respond/remedy in this time, I will have no option but to consider taking the matter further.

Что касается русских жалоб официального характера, то в отличие от британских институциональных жалоб, где **Контакторазмыкающая часть** является обязательной в структуре письма, в русских письмах такая часть отсутствует. В нашей выборке большинство писем заканчивались требованием адресанта, чтобы адресат совершил определенные действия. После этого отправитель обычно упоминал документы/копии документов, которые сопровождают письмо.

Как британские, так и русские жалобы официального характера обязательно подписываются адресатом (**Сигнатурная часть**). Причем в британских жалобах за именем адресата следует его должность (может быть написана под именем адресата или рядом с ним на одной строке). В русской жалобе должность пишется непосредственно перед именем адресанта. В русской жалобе официального характера, помимо ФИО отправителя, рядом с которыми ставится подпись, указывается дата (левый

нижний угол). Это также отличает русскую жалобу от британской, в которой дата написания письма указывается в идентификационной части.

Как показал проведенный анализ, письменная институциональная жалоба в британской и русской языковых культурах различается и в структурной организации текста, и в содержательном наполнении, и в языковом оформлении.

Британская институциональная жалоба представляет собой конвенционально формализованный текст с четкой структурой, в то время как русская жалоба официального характера излагается в свободной форме. Британская институциональная жалоба обычно имеет вежливый деловой тон, между структурными частями письма есть логические мостики, которые подготавливают реципиента к следующему блоку информации. Русская жалоба может быть описана как более прямолинейная, ее тон – категоричный, а текст часто содержит отсылки к законодательным актам, регулирующим взаимодействие сторон.

Считаем важным отметить, что изучение особенностей институциональной жалобы в британской и русской языковых культурах является важным, так как оно выявляет культурные различия в коммуникативных стратегиях. Изучение этих различий критически важно для носителей языка (например, русских, пишущих жалобу на английском) и для понимания, почему жалобы могут быть восприняты представителями другой лингвокультуры не так, как предполагал адресант.

Литература

1. Куликова О.О. К вопросу развития навыков составления делового письма на английском языке в процессе работы со студентами-бакалаврами в ВУЗе финансового профиля// Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №3 (212). – С.154-156.
2. Слепович В.С. Деловой английский язык: учеб. пособие. 7-е изд. – Минск, 2012.
3. Сурова А.К., Косицына И.Б. Уровни вежливого общения // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5. – С. 34-35.
4. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.
5. Цурикова Л.В., Хайдарова Д.А. Институциональная жалоба в письменной коммуникации носителей английского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 2. – С.84-92.
6. Цурикова Л.В., Хайдарова Д.А. Прагматические особенности речевого акта жалобы. Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межкультурное взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 24–28 ноября 2021 г.). – Ч.2 – Воронеж: 2022. – С. 267-273.

А.А. Шамсутдинова, Г.Ф. Кудинова
**Сопоставительный анализ репрезентации образа России
в учебниках РКИ разных лингвокультур**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности репрезентации образа России в учебниках русского языка как иностранного, созданных в различных лингвокультурных условиях. На материале российских и зарубежных учебных пособий анализируется отбор и функционирование лексических и фразеологических средств, формирующих представления стране и русском человеке.

Ключевые слова: РКИ, образ России, лингвокультура, сопоставительный анализ, лексика, фразеология, учебный дискурс.

Abstract: The paper examines the features of representing the image of Russia in Russian as a foreign language textbooks created in different linguistic and cultural contexts. Using Russian and foreign educational materials, the study analyzes the selection and functioning of lexical and phraseological resources that shape perceptions of the country and the Russian person.

Key words: RFL, image of Russia, linguoculture, comparative analysis, vocabulary, phraseology, educational discourse.

В условиях расширения международного образовательного пространства русский язык как иностранный (далее – РКИ) функционирует не только как средство коммуникации, но и как канал трансляции культурных смыслов. В рамках современных лингвокультурологических и лингводидактических подходов учебники РКИ в этом контексте выступают как особый тип учебного дискурса, посредством которого инофон осваивает представления о ценностях, нормах и моделях поведения, закреплённых в языке и культуре.

Образ России в учебном дискурсе РКИ формируется не стихийно, а в результате осознанного отбора тематического содержания и языковых средств. Существенную роль в формировании данного образа играют лексические и фразеологические единицы, поскольку именно они аккумулируют культурный опыт и закрепляют устойчивые представления о стране и русском человеке.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью сопоставительного анализа учебников РКИ, созданных в разных лингвокультурных условиях, с целью выявления различий в глубине и характере репрезентации образа России.

В лингвокультурологическом аспекте образ страны может рассматриваться как многокомпонентное ментальное образование, включающее представления о пространстве, истории, системе ценностей и типичных коммуникативных моделях. В учебном дискурсе РКИ данный образ формируется преимущественно через культурно маркированную лексику и фразеологию, что позволяет транслировать не только информацию, но и оценочное отношение к описываемой действительности (Карасик 2004, с. 116-118).

Согласно В.Н. Телии, «язык культуры» содержится в различных семиотических системах. Фразеологические единицы выступают носителями национально-культурной информации и отражают специфику мировосприятия этноса. В учебном дискурсе они выполняют не только языковую, но и концептообразующую функцию, позволяя инофону выйти за рамки формально-информативного знания (Телия 1996, с. 38-40).

Сопоставительный подход позволяет выявить различия в культурных приоритетах и методических стратегиях авторов учебников РКИ, созданных в разных странах, что делает его особенно продуктивным в анализе репрезентации образа России.

Материалом исследования послужили учебники РКИ, разработанные в различных лингвокультурных ареалах: в России, странах Западной Европы, США и на Ближнем Востоке. Анализ охватывал учебные тексты, диалоги, страноведческие комментарии и задания, ориентированные на усвоение лексики и фразеологии. В работе применялись сопоставительный и семантико-культурный методы анализа.

Анализ российских учебников РКИ показывает, что образ России в них формируется преимущественно в антропоцентрической и ценностно насыщенной перспективе. На лексическом уровне он формируется через использование оценочной и культурно маркированной лексики: «гостеприимный», «широкий», «душевный», «традиционный», «родной». Часто встречаются лексемы, связанные с коллективными ценностями («друзья», «семья», «праздник», «помощь»), что способствует формированию антропоцентричного образа страны. По мнению Е.С. Кубряковой, понимание «антропологического феномена» происходит в тесной связи с рассмотрением языковых явлений через соотношение «язык и человек» (Кубрякова 1991, с. 214).

В зарубежных учебниках лексическая репрезентация, как правило, носит нейтрально-информативный характер. Описание страны строится вокруг географических, климатических и институциональных характеристик, при этом оценочный компонент минимизирован. Россия описывается через общеизвестные факты: «большая страна», «холодный климат», «столица Москва», «общественный транспорт», «университеты». В результате формируется более дистанцированный и описательный образ России, ориентированный преимущественно на передачу фактических знаний.

Наиболее существенные различия выявляются на уровне фразеологии. Сопоставительный анализ показывает, что насыщенность учебного текста фразеологическими и культурно маркированными единицами напрямую влияет на глубину и целостность формируемого образа России. При отсутствии фразеологического компонента образ страны приобретает фрагментарный и статичный характер, что может ограничивать возможности полноценной межкультурной коммуникации (Стернин 2007, с. 23-24).

В российских учебниках активно используются устойчивые выражения и фразеологизмы, вводимые уже на начальных этапах обучения: «в гостях хорошо, а дома лучше»; «работать не покладая рук»; «как дома»; «от души». Эти единицы не только расширяют словарный запас, но и транслируют ценностные установки, связанные с домом, трудом, межличностными отношениями.

В зарубежных учебниках фразеологические единицы представлены ограниченно и, как правило, сопровождаются прямым толкованием без культурного комментария. Например, выражения типа «ни пуха ни пера», «дело в шляпе» вводятся как языковые курьёзы, а не как элементы национальной картины мира.

Таким образом, репрезентация образа России в учебниках РКИ существенно зависит от лингвокультурного контекста их создания и методических приоритетов авторов. Лексико-фразеологические средства выступают ключевым инструментом формирования целостного и ценностно насыщенного образа страны, в связи с чем фразеология должна рассматриваться как обязательный компонент учебного дискурса РКИ. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методических моделей системного включения фразеологических единиц в учебные материалы с учётом лингвокультурных различий.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
2. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.

Раздел 4. Сопоставительные исследования в психолингвистике

И.А. Барабушка, Л.А. Кривенко

Особенности восприятия урбанистической семантики субординативными билингвами на русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей репрезентации семантики лексем *Москва* и *Moscow* в языковом сознании носителей английского языка как неродного в условиях субординативного (искусственного) билингвизма.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, субординативный билингвизм, эндемичность реакций, совпадение реакций, интерференция родного языка, первичная языковая личность, вторичная языковая личность.

Abstract: The paper is devoted to identification of peculiarities of actualization of semantics of lexemes *Москва* and *Moscow* in the linguistic consciousness of non-native English speakers in the situation of subordinative (artificial) bilingualism.

Key words: free association experiment, subordinative bilingualism, endemic reactions, common reactions, native language interference, primary linguistic personality, secondary linguistic personality.

В условиях стремительной урбанизации исследование семантики наименований городов приобретает особую значимость. Город воспринимается не только как физическая среда, но и как сложная система знаков и значений, которые формируют поведение и мышление его жителей. Проекция географического пространства в сознании индивида создает уникальный образ, который наполняется смыслом через личный опыт. Изучение астионимов в первичном и вторичном языковом сознании предоставляет возможность глубже понять этот процесс, определить, как различные социальные группы воспринимают городскую среду. Первичное языковое сознание охватывает интуитивные реакции на архитектурные объекты и общественные пространства, которые формируются на основе личного опыта. Вторичное языковое сознание связано с более сложными концептуальными структурами, возникающими в результате образования и культурных контекстов.

В качестве объекта исследования нами выбраны астионимы *Москва* и *Moscow*. Данный стимул вызывает уникальные образы столицы у любого человека, проживающего в России, даже если в самой столице он никогда не был. Изучение семантики астионимов проводилось с использованием свободного ассоциативного эксперимента и метода семантической интерпретации ассоциативных полей (Стернин, Рудакова 2011) на материале свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие искусственные билингвы – студенты и магистранты естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета, изучающие английский язык в рамках учебной программы и обладающие разным уровнем владения иностранным языком. Общее количество испытуемых составило 118 человек. В ходе эксперимента первая группа респондентов записывала ассоциацию на стимул *Москва*, а вторая – на стимул *Moscow* на том же языке, что и стимул.

В рамках исследования был проведен детальный анализ денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения лексем *Москва* и *Moscow*. Полученные ассоциативные реакции на стимулы как на родном (Я1), так и на иностранном (Я2) языке систематизированы в таблице ниже, где они сгруппированы по семантическим признакам. В таблице также приведены рассчитанные нами значения *индекса представленности семантического признака (ИПСП)* (Барабушка, Кривенко 2023, с. 87), введенного нами в рамках развития сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2025).

Таблица 1.

Денотативный макрокомпонент значения				
Признаковая часть				
Семантический признак	Москва 60	ИПСЦ, %	Moscow 58	ИПСЦ, %
<i>Вид и статус топонима</i>	столица 24, город 5, мегаполис 1	50	capital 13, city 7, capital city 2, town 2, metropolis 1	43
<i>Локация</i>	Россия 1	1,7	country 1	1,7
<i>Связь с респондентом</i>	Алёша Прошин (молодой человек) 1, подруга 1, мороженое 1	5	-	0
<i>Вид возможной деятельности</i>	-	0	working 1, opportunities 1	3,4
<i>Составные части объекта</i>	Детский мир 1, Садовод 1, храм 1	5	flashes 1, huge escalators 1, high – rise 1	5,2
<i>Физические характеристики</i>	большая 1	1,7	big 1	1,7
<i>Качественные характеристики</i>	аллюр 1, постоянное движение 1, спешка 1, скорость 1, шумная точка 1	8,3	noise 1, noisily 1	3,4
<i>Природные условия</i>	-	0	swamp 1	1,7
<i>Достопримечательности и символы города</i>	Арбат 1, Кремль 7, Красная площадь 1, City (Москва сити) 1	16,7	Kremlin 5, Moscow City 3, Red Square 2	17,2
<i>Опасность</i>	-	0	Dagestan 1	1,7
<i>Благосостояние</i>	-	0	money 1, rich village 1, wealth 1	5,2
<i>Субъективная оценка</i>	муравейник 1, не резиновая 1	3,3	anthill 1, bad 1, dream 1, evil 1	6,9
Реляционная часть				
<i>Идентификация</i>	Путин 1	1,7	Putin 1	1,7
<i>Актуализация прецедентных текстов</i>	слезам не верит 1, любит бедных, любит делать их беднее 1,	3,3	never sleeps 2, Moscow never sleeps 1	5,2
<i>Не интерпретируется</i>	Москва 1,	3,3	-	-

	Санкт-Петербург 1			
--	-------------------	--	--	--

Как видно из таблицы, степень представленности семантических признаков в психолингвистическом значении лексемы *Москва* варьируется от *значительной* (ИПСР у семантического признака «Вид и статус топонима» – 50%) до *низкой* (ИПСР 5% у семантических признаков «Связь с респондентом», «Составные части объекта»; ИПСП 3,3% у семантических признаков «Субъективная оценка» и «Актуализация прецедентных текстов»; ИПСП 1,7% у семантических признаков «Локация», «Физические характеристики», «Идентификация»). В психолингвистическом значении лексемы *Moscow* степень представленности семантических признаков ранжируется от *яркой* (ИПСР у семантического признака «Вид и статус топонима» – 43%) до *низкой* (ИПСР 6,9% у семантического признака «Субъективная оценка»; ИПСП 5,2% у семантических признаков «Составные части объекта», «Благосостояние», «Актуализация прецедентных текстов»; ИПСП 3,4% у семантических признаков «Вид возможной деятельности», «Качественные характеристики»; ИПСП 1,7% у семантических признаков «Локация», «Физические характеристики», «Природные условия», «Опасность», «Идентификация»).

Для анализа полученных на слово-стимул реакций-ассоциатов нами были также использованы введенные нами в рамках развития сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2025) *индекс эндемичности реакций (ИЭР)* и *индекс совпадения реакций (ИСР)* (Барабушка, Кривенко 2025, с 75). Для качественной характеристики степени выраженности исследуемых параметров была использована шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров (Кривенко 2013, с. 10).

Как показало исследование, обе лексемы обладают *значительно выраженной* степенью представленности ИЭР (для лексемы *Москва* ИЭР равен 66,7%, для лексемы *Moscow* – 65,4%) и *ярко выраженной* степенью представленности ИСР (для лексемы *Москва* ИСР равен 33,3%, для лексемы *Moscow* – 34,6%).

Отметим, что реакции респондентов не были идентичными, несмотря на во многом схожие семантические характеристики, которые актуализируют конкретный признак. Совпали всего 9 реакций, из них 8 реакций в признаковой части денотативного макрокомпонента значения: *столица – capital (capital city)/metropolis, город – city/town, большая – big, шумная точка – noise/noisily, Кремль – Kremlin, Красная площадь – Red Square, City (Москва сити) – Moscow City, муравейник – anthill*, и 1 реакция в реляционной части: *Путин – Putin*.

Для количественной и качественной характеристики уникальных и совпадающих семантических признаков, выделенных у стимулов на Я1 и Я2, были также использованы введенные нами ранее *индекс эндемичности семантических признаков (ИЭСП)* и *индекс совпадения семантических признаков (ИССП)* (Барабушка, Кривенко 2025, с 74).

Исследование показало, что для лексемы *Москва* характерна заметная степень эндемичности (10%) и высокая степень совпадения семантических признаков (90%), тогда как для лексемы *Moscow* – яркая степень эндемичности (30,7%) и значительная степень совпадения семантических признаков (69,3%). Совпадающими семантическими признаками для данных лексем оказались: «Вид и статус топонима», «Локация», «Составные части объекта», «Физические характеристики», «Качественные характеристики», «Достопримечательности и символы города», «Субъективная оценка», «Идентификация», «Актуализация прецедентных текстов». Эндемичным для лексемы *Москва* стал признак «Связь с респондентом», в то время как для лексемы *Moscow* такими признаками стали «Вид возможной деятельности», «Природные условия», «Опасность», «Благосостояние».

Проведенное исследование наглядно показывает, что лексемы *Москва* и *Moscow* «активируют» в сознании искусственных билингвов разные комплексы представлений. *Москва* – это, прежде всего, знакомая, эмоционально окрашенная реальность, образ которой строится вокруг статуса, узнаваемых символов и, как следствие, субъективной оценки. *Moscow* – это в большей степени когнитивный конструкт, «концепт-имидж», включающий не только символы, но и набор атрибутов, часто приписываемых иностранному мегаполису (деятельность, опасность, благосостояние).

Данное исследование подтверждает, что даже у высокочастотных и, казалось бы, эквивалентных астионимов в билингвальном сознании психолингвистические значения не тождественны. Образ, связанный с иноязычным вариантом названия, обладает собственной структурой с уникальными компонентами. Результаты подобных исследований могут в дальнейшем быть использованы при изучении и преподавании таких дисциплин, как лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации и методика преподавания иностранных языков.

Литература

1. Барабушка И.А. Кривенко Л.А. Топонимы VORONEZH и ВОРОНЕЖ в языковом сознании субординативных билингвов // Сопоставительные исследования 2023. Вып. 20. – Москва: РИТМ, 2023. – С. 84-91.
2. Барабушка И.А., Кривенко Л.А. Общее и различное в репрезентации топонимов в первичном и вторичном языковом сознании // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. Вып. 31.– Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. — С. 73-77.

3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Стернин И. А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.
5. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: РИТМ, 2025.

О.А. Гавриш, А.В. Рудакова

Инициальные аббревиатуры *ФБР* и *FBI* в языковом сознании студентов (сопоставительный аспект)

Аннотация: В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на сопоставительное описание семантики инициальных аббревиатур *ФБР* и *FBI* в сознании русских студентов.

Ключевые слова: инициальные аббревиации, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, семантика.

Abstract: The paper presents the results of a psycholinguistic experiment aimed at a comparative description of the semantics of initial abbreviations *ФБР* and *FBI* in the minds of Russian students.

Key words: initial abbreviations, linguistic consciousness, free association experiment, associative field, semantics.

Целью данной статьи является сопоставительное описание психолингвистического значения инициальных аббревиатур *ФБР* и *FBI* в языковом сознании носителей русского языка. Дополнительной задачей исследования было проследить, как влияет языковая форма (русский или английский языки) на состав ассоциативных полей близких по смыслу разноразличных аббревиатур.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время аббревиатуры приобрели качественно новый статус, превратившись из сокращений в мощные смысловые коды, мгновенно транслирующие соответствующие концепты. Ярким подтверждением этой тенденции стал выбор аббревиатуры AI (Artificial Intelligence) словом 2023 года по версии словаря Collins, что впервые с 1971 года в истории подобных лингвистических конкурсов сместило акцент с полнозначной лексемы на сжатую символическую форму. В России в подобном проекте в 2023-2025 гг. в список для голосования входили такие аббревиатуры, как *GPT*, *СДВГ*, *ЦФА*, *ИИ-агент*, *ИИ-пузырь*, *RAG*, *LLM* и др.

Материалом исследования послужили ассоциативные поля стимулов *ФБР* и *FBI*. В 2025 г. с помощью Google Формы были проведены два эксперимента (свободный ассоциативный эксперимент) с промежутком между ними 7 дней. Испытуемыми выступили студенты 1-4 курсов факультета компьютерных наук Воронежского государственного

университета. Форма эксперимента – письменно-письменная. Респондентам предлагалось записать первые пришедшие на ум ассоциации к инициальным аббревиатурам: в первом опросе аббревиатуры были на русском языке, во втором – на английском.

В первом эксперименте приняли участие 108 респондентов: 86 мужчин (79%) и 23 девушки (21%) девушки в возрасте от 17 до 21 лет. В качестве стимулов выступили 10 русскоязычных аббревиатур инициального типа: *ЕГЭ, ПВО, ФБР, ЗОЖ, ДНК, США, НХЛ, ИИ, СММ, СССР*.

Во втором эксперименте приняли участие 105 респондентов: 81 мужчина (77%) и 24 девушки (23%) в возрасте от 17 до 21 лет. Респондентам предлагалось привести ассоциации к 10 английским аббревиатурам: *USSR, RNE, USB, FBI, SPA, FIFA, USA, QR, NATO, SMM*.

В данной статье мы представим результаты ассоциативного эксперимента с аббревиатурами *ФБР* и *FBI*, обозначающих Федеральное бюро расследований США (*Federal Bureau of Investigation*) – одну из наиболее известных мировых спецслужб, широко представленную в глобальном медиапространстве. Ее восприятие русскоязычной аудиторией является своеобразной **лакмусовой бумагой**, позволяющей выявить, как один и тот же референт, обозначаемый разными графическими кодами, вербализуется в сознании носителей русского языка.

Ассоциативные поля двух стимулов были подвергнуты методу семантической интерпретации (Стернин, Рудакова 2011), сформулированы психолингвистические значения каждого слова. Представим результаты эксперимента.

Ассоциативное поле стимула *ФБР*

ФБР (108): Федеральное бюро расследований 21; полиция 7; служба безопасности 5; слежка 4, США 4; безопасность 3, расследования 3; агенты 2, защита 2, контроль 2, спецназ 2, спецслужбы 2, фсб 2; Америка, американские силовики, американские шпионы, борьба, бюро, детектив, зарубежное фсб, засекреченная информация, камера в моем ноутбуке, кино, кринж, машина, менты, не/видел, «О, ничего себе», омон, организация, органы, охрана, полиция покруче, расследование, розыск преступников, русские агенты, сила; скрытность, наблюдение; служба, служба контроля, снаряжение, спец отряд, спец служба, спецслужба, страшно, фабрика булок и рыбок, федеральная безопасность, федеральное бюро, федеральное бюро разведки, Федеральная бюро России, федералы, федер бюро рассл, фильм, человек в костюме, черный, черный цвет 1; отказ 6.

Ядро ассоциативного поля стимула *ФБР* представлено одной реакцией – *Федеральное бюро расследований* (19% от общего количества опрошенных). Ближняя периферия включает две реакции – *полиция* (6%) и *служба безопасности* (5%). К дальней периферии относятся 10 ассоциатов с частотностью от 2 до 4 (26%): *слежка* (4%), *США* (4%), *безопасность*

(3%), *расследования* (3%), *агенты* (2%), *защита* (2%), *контроль* (2%), *спецназ* (2%), *спецслужбы* (2%), *фсб* (2%). Крайняя периферия включает единичные реакции (40%).

Психолингвистическое значение слова *ФБР*

Американская 0,06 (*США* 4, *Америка*, *американские силовики*) спецслужба 0,15 (*служба безопасности* 5, *спецназ* 2, *спецслужбы* 2, *спец служба*, *спецслужба*, *спец отряд*, *организация*, *служба*, *служба контроля*, *омон*), состоит из агентов 0,02 (*агенты* 2), которые носят одежду черного цвета 0,03 (*человек в костюме*, *черный*, *черный цвет*); обеспечивают безопасность 0,11 (*безопасность* 3, *федеральная безопасность*; *служба безопасности* 5, *защита* 2, *охрана*), проводят расследование 0,04 (*расследования* 3, *расследование*), контролируют 0,03 (*контроль* 2, *служба контроля*), скрыто наблюдают 0,02 (*камера в моем ноутбуке*; *скрытность*, *наблюдение*), добывают секретную информацию 0,02 (*американские шпионы*, *засекреченная информация*), борются с преступностью 0,02 (*борьба*, *розыск преступников*), применяют силу 0,02 (*сила*, *американские силовики*); имеют специальное снаряжение 0,01 (*снаряжение*); используют автомобиль 0,01 (*машина*); сотрудничают с полицией 0,08 (*полиция* 7, *менты*, *полиция покруче*); изображаются в кино 0,03 (*фильмы*, *кино*, *детектив*); вызывает одобрение 0,01 (*полиция покруче*); вызывает неодобрение 0,01 (*кринж*); вызывает страх 0,01 (*страшно*).

То же, что 0,24: Федеральное бюро расследований 0,22 (*Федеральное бюро расследований* 21, *федер бюро рассл*, *федеральное бюро*, *бюро*), федералы 0,01, федеральное бюро разведки 0,01

Противоположно 0,03: ФСБ 0,02 (*фсб* 2, *зарубежное фсб*), русские агенты 0,01

СИЯ 0,95

Языковая игра 0,01: *фабрика булок и рыбок*

Ложные семы 0,01: Федеральное бюро России 0,01 (*Федеральная бюро России*)

Коммуникативная реакция 2: «*О, ничего себе*»; *не/видел*

Неинтерпретируемые реакции 0

Не актуально (отказы 6): 0,06

Комментарий

Невысокий процент (6%) отказов и коммуникативных реакций (2%) свидетельствуют о том, что данная аббревиатура хорошо известна молодым носителям русского языка. Наблюдается только одна реакция, представляющая собой ошибочную расшифровку аббревиатуры *ФБР* (Федеральное бюро России). Возможно, данную реакцию можно рассматривать и как языковую игру.

Восприятие аббревиатуры *ФБР* как американской спецслужбы в русском языковом сознании молодых людей включает такие

семантические параметры, как локация спецслужбы – США, ее состав и характеристики (агенты, в черной одежде, на автомобиле), выполняемые спецслужбой функции (расследование, контроль, разведка, защита, наблюдение), применение силы при выполнении заданий, сотрудничество с другими организациями (полиция). При этом полиция выполняет функцию охраны правопорядка охраны на региональном уровне (ФБР осуществляет это на федеральном уровне, что зафиксировано в самом наименовании спецслужбы, и имеет более широкие полномочия).

Коннотативный компонент значения русскоязычной аббревиатуры представлен амбивалентно: в ассоциативном поле присутствуют как одобрительные, так и неодобрительные реакции. Отмечена только одна эмоциональная сема (негативная) – «вызывает страх».

В ассоциативном поле русскоязычной аббревиатуры высока доля синонимичных ассоциатов (22%), представляющих собой развернутое определение (расшифровку) аббревиатуры – *Федеральное бюро расследований*. Одна из реакций является вариантом, близким по значению, расшифровкой аббревиатуры – *Федеральное бюро разведки*, демонстрирующей одну из функций (не основную) данной организации. Также отмечено общее наименование агентов спецслужбы – федералы.

Интерес представляют ассоциаты, вербализующие наименования соперников (противоборствующих служб). В ассоциативное поле вошло наименование русской спецслужбы – ФСБ (Федеральной службы безопасности), которая выполняет подобные функции в России. В американской традиции оппонентами ФБР является такая американская служба, как ЦРУ, которая занимается внешней разведкой, тогда как деятельность ФБР в основном связана с внутренними проблемами безопасности граждан США.

Креативный характер носителей языка был продемонстрирован ассоциатом *Фабрика булок и рыбок*, что свидетельствует об игровом восприятии аббревиатуры, характерной для студентов.

Студенты отметили, что агенты ФБР часто становятся героями кинофильмов.

Ассоциативное поле стимула *FBI*

FBI (105): ФБР 22; Федеральное бюро расследований 12; ФСБ 10; Federal Bureau of Investigation 5; полиция 4; охрана 2, расследование 2, служба 2, служба безопасности 2, спецслужбы 2; investigation, teme, police, secret, агенство, агент, агенты США, Америка, американская фсб, американский фбр, американское кгб, американское фбр, американцы полицейские; Безопасность. Защита. Расследования; бюро, государство, за нами выехали, интерпол, калик, Касл, крутые полицейские, не знаю, ОМОН, организация, пончики, расследования, секретная служба, службы/государство, спецназ, Сша, Фби; фбр, американские фсбшники; федералы, федеральная безопасность искусства, федеральная служба

безопасности, федеральное агентство, Федеральное Бюро Исследования, ФРБ, ФСБ Американское 1; отказ 3.

Ядро ассоциативного поля стимула **FBI** представлено одной реакцией – **ФБР** (21% от общего количества опрошенных). Ближняя периферия включает три реакции – *Федеральное бюро расследований* (11%); *ФСБ* (10%); *Federal Bureau of Investigation* (5%). К дальней периферии относятся 6 ассоциатов с частотностью от 2 до 4 (14%): *полиция* (4%); *охрана* (2%); *расследование* (2%); *служба* (2%); *служба безопасности* (2%); *спецслужбы* (2%). Крайняя периферия включает единичные реакции (37%).

Психолингвистическое значение слова **FBI**

Федеральная 0,03 (*федеральное агентство, государство, службы/государство*) американская 0,05 (*Америка, США, агенты США, американцы полицейские; фбр, американские фсбшники*) спецслужба 0,12 (*служба 2, служба безопасности 2, спецслужбы 2, агентство, федеральное агентство, ОМОН, организация, секретная служба, службы/государство, спецназ*); состоит из агентов 0,02 (*агент, агенты США*); проводят секретные расследования 0,07 (*расследование 2, investigation; Безопасность. Защита. Расследования; расследования; secret, секретная служба*); обеспечивают безопасность 0,05 (*охрана 2; Безопасность. Защита. Расследования; служба безопасности 2*); сотрудничают с полицией 0,09 (*полиция 4, police, американцы полицейские, интерпол, крутые полицейские, пончики*); изображаются в кинофильмах и сериалах 0,02 (*Касл, калик*), в мемах 0,01 (*теме*); вызывает одобрение 0,01 (*крутые полицейские*).

То же, что 0,43: Федеральное бюро расследований 0,12 (*Федеральное бюро расследований 12, бюро*); Federal Bureau of Investigation 0,05 (*Federal Bureau of Investigation 5*); федералы 0,01; ФБР 0,24 (*ФБР 22, американский фбр, американское фбр; фбр, американские фсбшники*); ФБИ 0,01 (*Фби*); ФРБ 0,01 (*ФРБ*)

Противоположно 0,14: ФСБ 0,13 (*ФСБ 10, федеральная служба безопасности, американская фсб; фбр, американские фсбшники; ФСБ Американское*); КГБ 0,01 (*американское кгб*)

СИЯ 1,04

Языковая игра 0,02: *федеральная безопасность искусства, Федеральное Бюро Исследования*

Коммуникативная реакция 0,02: *не знаю, за нами выехал*

Неинтерпретируемые реакции 0

Не актуально (отказы 3): 0,03

Невысокий процент (3%) отказов и коммуникативных реакций (2%) свидетельствуют о том, что англоязычный вариант аббревиатуры хорошо известен русским студентам, как и **ФБР**. В ассоциативном поле **FBI**

отмечена одна реакция, являющаяся паронимической расшифровкой (*Федеральное Бюро Исследования*).

Восприятие аббревиатуры *FBI* как американской спецслужбы в русском языковом сознании молодых людей включает такие семантические параметры, как статус организации (федеральная), локация спецслужбы – США, ее состав (агенты), выполняемые спецслужбой функции (расследование, защита), сотрудничество с другими организациями (полиция).

Коннотативный компонент значения англоязычной аббревиатуры представлен одобрительной семой. Эмоциональные семы отсутствуют.

В ассоциативном поле англоязычной аббревиатуры доля синонимичных ассоциатов в два раза больше, чем в АП стимула *ФБР*, и составляет 43% от общего количества опрошенных. Среди симулятивных реакций разные типы:

- русскоязычная расшифровка – *Федеральное бюро расследований*;
- англоязычная расшифровка – *Federal Bureau of Investigation*;
- русскоязычная аббревиатура – *ФБР, ФРБ*;
- буквальный вариант аббревиатуры в кириллической записи – *ФБИ*;
- общее название агентов спецслужбы – *федералы*.

В качестве оппонентов *FBI* указаны две организации – советская службы (КГБ) и российская (ФСБ).

В ассоциативном поле *FBI* отмечена реакция, связанная с языковой игрой, – *федеральная безопасность искусства*.

Студенты отметили, что агенты *FBI* встречаются в сериале «Касл» (указано конкретное название сериала), в роли агента выступает американский актер Анталь Калик.

Проведенный эксперимент выявил различия в восприятии одной и той же организации в зависимости от языковой формы аббревиатуры (*FBI* или *ФБР*) русскоязычными респондентами (Таблица 1).

Таблица 1

Полевая структура ассоциативных полей *ФБР* и *FBI*

Зона АП	ФБР	Количество	FBI	Количество
Ядро	<i>Федеральное бюро расследований</i> (19%)	1 асс. 19%	<i>ФБР</i>	1 асс. 21%
Ближняя периферия	<i>полиция</i> (6%) <i>служба безопасности</i> (5%)	2 асс. 11%	<i>Федеральное бюро расследований</i> (11%); <i>ФСБ</i> (10%); <i>Federal Bureau of Investigation</i> (5%)	3 асс. 26%
Дальняя периферия	<i>слежка</i> (4%), <i>США</i> (4%), <i>безопасность</i> (3%), <i>расследования</i> (3%), <i>агенты</i> (2%), <i>защита</i> (2%), <i>контроль</i> (2%), <i>спецназ</i>	10 асс. 26%	<i>полиция</i> (4%), <i>охрана</i> (2%), <i>расследование</i> (2%), <i>служба</i> (2%), <i>служба безопасности</i> (2%), <i>спецслужбы</i> (2%)	6 асс. 14%

	(2%), спецслужбы (2%), фсб (2%)			
Крайняя периферия	Америка, американские словики, американские шпионы, борьба, бюро, детектив, зарубежное фсб, засекреченная информация, камера в моем ноутбуке, кино, кринж, машина, менты, не/видел, «О, ничего себе», омон, организация, органы, охрана, полиция покруче, расследование, розыск преступников, русские агенты, сила; скрытность, наблюдение; служба, служба контроля, снаряжение, спец отряд, спец служба, спецслужба, страшно, фабрика булок и рыбок, федеральная безопасность, федеральное бюро, федеральное бюро разведки, Федеральная бюро России, федералы, федер бюро рассл, фильм, человек в костюме, черный, черный цвет	44 асс. 40%	investigation, meme, police, secret, агенство, агент, агенты США, Америка, американская фсб, американский фбр, американское кгб, американское фбр, американцы полицейские; Безопасность. Защита. Расследования; бюро, государство, за нами выехали, интерпол, калик, Касл, крутые полицейские, не знаю, ОМОН, организация, пончики, расследования, секретная служба, службы/государство, спецназ, Сиа, Фби; фбр, американские фсбшники; федералы, федеральная безопасность искусства, федеральная служба безопасности, федеральное агентство, Федеральное Бюро Исследования, ФРБ, ФСБ Американское	39 асс. 37%

Сопоставительный анализ неединичных реакций ассоциативных полей стимулов *ФБР* и *FBI* показывает, что можно выделить два типа реакций: совпадающие и несовпадающие реакции.

Среди совпадающих реакций на стимул *ФБР* и *FBI* соответственно отмечены 5: *Федеральное бюро расследований* (21 – 12); *полиция* (7 – 4); *служба безопасности* (5 – 2); *расследования* (3) – *расследование* (2), *спецслужбы* (2 – 2). Существенные различия наблюдаются только в первой паре.

Эндемичные реакции стимула *ФБР* – 21 ассоциат: *слежка* 4, *США* 4; *безопасность* 3; *агенты* 2, *защита* 2, *контроль* 2, *спецназ* 2, *фсб* 2; эндемичных реакций стимула *FBI* в два раза больше – 41 ассоциат: *ФБР* 22; *ФСБ* 10; *Federal Bureau of Investigation* 5; *охрана* 2, *служба* 2. Следовательно, ассоциативное поле англоязычной аббревиатуры более разнообразно и индивидуально.

Наблюдается асимметричность ядерных реакций: если на англоязычный стимул русские студенты дали русскоязычный вариант (*ФБР* 0,21), то на стимул *ФБР* респонденты реагировали другой стратегией (развертыванием аббревиатуры). В ассоциативном поле стимула *FBI* данная стратегия

относится к ближней периферии (*Федеральное бюро расследований, Federal Bureau of Investigation*).

Отметим, что на стимул ФБР англоязычных реакций нет, тогда как на стимул *FBI* 9 испытуемых привели ассоциаты на английском языке (*Federal Bureau of Investigation 5; investigation, teme, police, secret*). Это свидетельствует о том, что язык стимула оказывает влияние на язык реакции.

Таким образом, языковая форма аббревиатуры (латиница/кириллица) является значимым фактором, влияющим на когнитивную обработку и смыслообразование носителями русского языка. Кириллическая аббревиатура ФБР, будучи адаптированной для русского языка, формирует более глубокий, детализированный, эмоционально насыщенный и культурно интегрированный образ. Аббревиатура *FBI* воспринимается более поверхностно, стереотипно и маркируется как иноязычный элемент, что создает психолингвистический барьер для формирования соответствующего концепта.

Анализ психолингвистических значений аббревиатур *ФБР* и *FBI* показывает, что семантика наименований одной и той же организации, представленной средствами разных языков, имеет некоторые различия. В Таблице 2 представлены психолингвистические значения исследуемых единиц.

Таблица 2

Психолингвистические значения аббревиатур *ФБР* и *FBI*

ФБР (108 ин)	FBI (105 ин)
<p><i>Американская 0,06 спецслужба 0,15, состоит из агентов 0,02, которые носят одежду черного цвета 0,03; обеспечивают безопасность 0,11, проводят расследование 0,04, контролируют 0,03, скрыто наблюдают 0,02, добывают секретную информацию 0,02, борются с преступностью 0,02, применяют силу 0,02; имеют специальное снаряжение 0,01; используют автомобиль 0,01; сотрудничают с полицией 0,08; изображаются в кино 0,03; вызывает одобрение 0,01; вызывает неодобрение 0,01; вызывает страх 0,01.</i></p> <p>То же, что 0,24: <i>Федеральное бюро расследований 0,22, федералы 0,01, федеральное бюро разведки 0,01</i></p> <p>Противоположно 0,03: <i>ФСБ 0,02, русские агенты 0,01</i></p>	<p>Федеральная 0,03 <i>американская 0,05 спецслужба 0,12; состоит из агентов 0,02; проводят секретные расследования 0,07; обеспечивают безопасность 0,05; сотрудничают с полицией 0,09; изображаются в кинофильмах и сериалах 0,02, в мемуарах 0,01; вызывает одобрение 0,01.</i></p> <p>То же, что 0,43: <i>Федеральное бюро расследований 0,12; Federal Bureau of Investigation 0,05; федералы 0,01; ФБР 0,24; Фби 0,01; ФРБ 0,01</i></p> <p>Противоположно 0,14: <i>ФСБ 0,13; КГБ 0,01</i></p>

Сопоставление семантических компонентов психолингвистических значений слов *ФБР* и *FBI* позволяет сделать вывод о том, что англоязычная аббревиатура в языковом сознании носителей русского

языка представлена, прежде всего, симулятивными семами (соответствующей русской аббревиатурой, русскоязычным или англоязычным развернутым вариантом), *FBI* остается в большей степени внешним, иноязычным аналогом для них, тогда как семантика слова *ФБР* включает большое количество разнообразных дифференциальных денотативных сем, его значение хорошо освоено русскими студентами. Это подтверждается и тем, что носители языка достаточно свободно играют с формой слова (языковая игра со сложносокращенным словом *ФБР*).

Различие наблюдается и в коннотативном компоненте: аббревиатура *ФБР* в сознании носителей русского языка представлена преимущественно негативными семами, а англоязычная аббревиатура не вызывает у студентов отторжения, не вызывает неодобрительных реакций.

Литература

1. Стернин И.А., Рудакова А.В Психолингвистическое значение слова и его описание. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

К.О. Селезнева

Лексема *ПРОСВЕЩЕНИЕ* в сознании носителей русского языка и лексикографических источниках

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению психолингвистического и лексикографического значения лексемы *ПРОСВЕЩЕНИЕ*.

Ключевые слова: семантика, психолингвистическое значение, лексикографическое значение, сопоставительные исследования.

Abstract: The paper is devoted to the comparison of the psycholinguistic and lexicographic meaning of the lexeme *ENLIGHTENMENT*.

Key words: semantics, psycholinguistic meaning, lexicographic meaning, comparative studies.

Предметом данного исследования является сопоставление лексикографического и психолингвистического значений слова *ПРОСВЕЩЕНИЕ* в русском языке. Для определения лексикографического значения (ЛГЗ) рассматриваемой единицы мы обратились к методу обобщения словарных дефиниций (Рудакова, Стернин 2021). Данные, представленные в толковых словарях современного русского языка (Кузнецов 2006; Ожегов 1968; Ожегов, Шведова 2013; Скворцов 2005; Словарь Ушакова), были нами проанализированы и систематизированы, после чего обобщены.

Для описания психолингвистического значения (ПЛЗ) (Стернин, Рудакова 2011) мы анализировали материалы психолингвистических экспериментов, описание и результаты которых были нами подробно

представлены в наших предыдущих работах (Селезнева 2025а; Селезнева 2025б; Селезнева 2025в). Напомним, что эксперименты проводились с ноября 2024 г. по февраль 2025 г. В них приняли участие 146 студентов (1-4 курсов очной и заочной форм обучения в возрасте от 18 до 30 лет направления «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Русский язык и литература. История») Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета. Всего было зафиксировано 1289 реакций, из них различных – 495.

Представим обобщённые лексикографические и психолингвистические значения в таблице.

**Сопоставительное описание
лексикографических и психолингвистических значений**

<i>Лексикографические значения</i>	<i>Психолингвистические значения</i>
–	<p>Необходимое 33 (необходимое 11; нужное 8; важное 3; жизнь 3; обязательное 3; будущее, которое необходимо для развития 1; деятельность длинной в жизнь 1; необходимость 1; путь в жизнь 1; то, в чём нуждаются 1), вызывающее интерес 23 (интересное 10; познавательное 7; увлекательное 2; занимательное 1; интересующее 1; любознательное 1; любопытное 1) приобщение к разнообразным 205 (образовательное 18; психологическое 13; педагогическое 10; историческое 9; отечественное 9; учебное 9; нравственное 8; полезное 8; современное 8; художественное 6; интеллектуальное 5; моральное 5; высшее 4; информационное 4; творческое 4; умственное 4; активное 3; литературное 3; мысленное 3; обучающее 3; политическое 3; религиозное 3; школьное 3; экологическое 3; государственное 2; инновационное 2; компьютерное 2; патристическое 2; психоаналитическое 2; разностороннее 2; светское 2; физическое 2; христианское 2; церковное 2; читательское 2; базовое 1; военное 1; возможно в разных сферах 1; воспитательное 1; всестороннее 1; гражданское 1; глубоко интеллектуальное 1; гуманитарное 1; деловое 1; детализированное 1; идеологическое 1; коллективное 1; краеведческое 1; личностное 1; медицинское 1; мировоззренческое 1; многообразное 1; образованное 1; партийное 1; передовое 1; половое 1; просветительское 1; рабочее 1; разное 1; санитарное 1; специальное 1; структурированное 1; техническое 1; технологичное 1; углубленное 1; философское 1; фундаментальное 1; целостное 1; цифровое 1; эстетическое 1) знаниям и опыту 284 (знание/знания 65; учёба 29; учение 21; обучение 18; школа 16; образование 14; передача знаний 11; информация 7; получение знаний и внутреннее развитие человека 7; понимание 6; интерес 5; получение новых знаний 5; изучение 4; познание 4; получение знаний 4;</p>

	<p>действие/движение, направленное на изучение нового 3; изучение 2; изучение и познание чего-то нового, интересного 2; лекции/лекция 2; нового 2; новые знания 2; образованность 2; опыт 2; получение и распространение знаний 2; узнавать что-то новое 2; внедрение новых идеалов 1; возможность узнать для себя что-то новое 1; всеобщее усвоение основных, исходных знаний о смысле жизни, миссии человека на земле 1; грамотность 1; знакомство 1; изучение нового, образовательного, нужного для учения 1; изучение новой информации 1; изучение современных норм и порядков в мире 1; информ 1; когда есть возможность научиться чему-то новому 1; курс; ликбез 1; масштабный образовательный процесс получения новых знаний, ранее не изучавшихся массово 1; момент, когда ты получил знания, которыми не обладал до этого 1; наука о познании чего-то нового или неизвестного 1; научение 1; новые знания в какой-нибудь области 1; новый взгляд на старые вещи; обогащение знаниями, учебными материалами 1; обогащение новыми знаниями 1; обработка информации 1; освоение 1; открытие истин 1; осознание информации 1; открытие нового для человека 1; познание нового 1; познание той или иной информации, необходимой для достижения какой-то цели 1; познать 1; полное понимание какой-либо мысли 1; получение глубоких знаний 1; получение нового опыта 1; получение новой информации в различных сферах жизни 1; получения новых знаний в какой-либо области 1; получение знаний, навыков, умений в разных сферах деятельности 1; понимание информации в необходимой ситуации 1; постоянный процесс научения и поддержания знаний человека 1; принять к сведению 1; процесс познания человеком чего-либо непреднамеренно либо целенаправленно 1; процесс получения новых знаний 1; процесс умственной деятельности, направленный на получение знаний, умений и навыков в какой-либо сфере жизни 1; путь к знанию 1; путь познания окружающего мира 1; путь самопознания через призму нации и жизни 1; путь 1; разъяснение 1; труд, связанный с освоением новой информации, возможен с посредниками, самостоятельно труден, но более эффективен 1; углубление в теорию чего-нибудь нового 1; узнавание чего-то нового 1; формирование навыков и умений 1; что-то новое 1) круга лиц 11 (дети 5; студент/студенты 3; просвещение студентов 1; ученики 1; школьники 1;) с помощью педагогов и родителей 15 (учитель 6; педагог/педагоги 3; наставник 2; родители 2; выполняемое людьми 1; получение знаний от педагогов 1;) посредством специальной литературы 26 (книга/книги 14; учебник/учебники 11; программа 1) и методов 3 (семинар 1; урок 1; текст 1) через формирование и получение</p>
--	---

	<p>определённых умений и навыков 12 (умение/умения 6; навык/навыки 3; мастерство 1; чтение 1; чтение книг 1); имеющее цель и результат 18 (целеустремлённое 3; рост 3; целенаправленное 2; воспитывающее 1; достижение целей 1; многозадачное 1; общение 1; позволяющее взрослому 1; поучительное 1; процесс познания человеком чего-либо непреднамеренно либо целенаправленно 1; развивающее 1; сформированное 1; целевое 1), определённую степень распространения 49 (индивидуальное 5; массовое 5; молодежное 4; народное 4; общее 4; всеобщее 3; европейское 3; детское 2; масштабное 2; многонаправленное 2; обширное 2; всесоюзное 1; глобальное 1; групповое 1; добровольное 1; доступное 1; зарубежное 1; народ 1; общедоступное 1; общественное 1; общество 1; популярное 1; русское 1; совместное 1), временную характеристику 10 (долгое 2; своевременное 2; актуальное 1; временное 1; время, когда люди стали больше учиться, узнавать новое 1; длительное 1; постоянное 1; продолжительное 1) и направленность 5 (направленное 2; общеразвивающее 1; прогрессивное 1; разнонаправленное 1), отличающееся определённой степенью освоения 6 (осознанное 4; продуктивное 1; сознательное 1) и вызывающее эмоции 12 (восхитительное 2; воодушевляющее 1; дающее надежду 1; классное 1; любимое 1; мучительное 1; позитивное 1; радость 1; унижение 1; чувства 1; эмоциональное 1).</p>
—	<p>Приобщение к культурным ценностям 112 (культурное 49; культура 30; передача знаний и культуры 8; передача и распространение знаний и культуры 5; распространение знаний и культуры 5; духовность 4; музыкальное 3; культурное движение 1; культурное развитие 1; культурность 1; передача знаний, ценностей, культурных традиций 1; передача культуры, ценностей 1; погружение в культуру 1; распространение знаний и культуры среди населения 1; распространение знаний, культуры и истории 1) через различные учреждения 5 (театр 3; библиотека 1; музеи 1).</p>
<p>Идейное течение эпохи перехода от феодализма к капитализму, связанное с борьбой нарождавшейся буржуазии против феодализма (характеризуется гуманистическим мировоззрением, требованием распространения знаний, обоснованием</p>	<p>Историческая эпоха 77 (эпоха 14; искусство 7; эпоха в истории и философии 1; эпоха в развитии европейских стран 1; литература 6; разум 6; Ломоносов 4; история 3; поэт 3; прогресс 3; Греция 2; гуманизм 2; идейное течение 2; осознание 2; период 2; «Божественная комедия» 1; 17-й век 1; абсолютизм 1; Екатерина II 1; классицизм 1; просветитель 1; просвещённость 1; просвещённый абсолютизм 1; Пушкин А.С. 1; развитие мысли 1; рассвет 1; Ренессанс 1; реформы 1; течение века 1; философия 1; философы 1; эпоха, в которой разум выходил на первый план 1; эпоха, связанная с развитием научной и общественной мысли 1; эпоха, связанная с развитием научной и философской мысли 1).</p>

естественного равенства людей).	
–	Приобщение к науке 74 (научное 33; новое 10; наука 7; озарение 2; открытие/открытия 2; акцентирующее внимание на разуме и науке; анализ 1; быть учёным 1; в науке; деятельность образовательного научного характера 1; исследование 1; любопытство 1; медицина 1; мозг 1; мысли 1; наука об изучении культуры, разума, навыков и умения 1; научная деятельность 1; новая информация 1; новости 1; новшество 1; технологии 1; узнать 1; ум 1; учёные 1; цель 1).
–	Приобщение к религиозным ценностям 69 (духовное 31; свет 22; мудрость 4; просвет 2; церкви/церкви 2; вера 1; защита церквей 1; идеи 1; идейное 1; одухотворённое 1; просветление 1; секта 1; ценности 1).
–	Саморазвитие, воспитание 58 (развитие 15; получение знаний и внутреннее развитие человека 7; воспитание 4; обогащение 4; рост 3; самопознание 3; внутреннее 2; воспитательно-образовательные организации 1; движение в лучшую сторону себя 1; движение вперёд 1; личный рост 1; личность 1; наполнение человека знаниями, духовностью 1; нахождение в человеке высших знаний и умений во многих направлениях 1; познание, направленное на духовную сферу 1; процесс развития духовной организации человека с упором на мораль и культуру 1; развитие в какой-либо деятельности, сфере 1; развитие в той или иной области (культура, история, духовное) 1; развитие ума и души 1; развитие человека 1; самообразование 1; самореализация 1; самосознание 1; способность мыслить 1; то, что позволяет нам становиться лучше в образовательном и духовном плане 1; улучшение качеств 1; фаза развития человека, где он достигает истин, на которые он будет опираться на своём жизненном пути 1).
Распространение знаний, образования, культуры.	Передача знаний, умений, навыков и опыта 44 (передача знаний и культуры 8; передача и распространение знаний и культуры 5; передача знаний и умений кому-либо 3; получение и распространение знаний 2; возможность передать знания, умения и навыки 1; массовая передача знаний, направленная на внедрение новых знаний среди обучающихся 1; умений для развития человека и общества в целом 1; обогащение знаниями, учебными материалами 1; обогащение новыми знаниями 1; образование и обучение широкого круга населения, независимо от возраста и национальности 1; образование людей 1; образовательная программа для получения углубленных знаний в чём-либо 1; ознакомление кого-либо с определённой сферой 1; освещение непонятной сферы 1; передача знаний от одного человека другому 1; передача знаний, опыта и какой-либо информации 1; передача

	знаний, умений и навыков тем, кому действительно нужно 1; передача и получение знаний 1; передача знаний, ценностей, культурных традиций 1; преподавание 1; передача знаний, ценностей, культурных традиций 1; передача какой-то информации 1; передача опыта 1; процесс передачи знаний и опыта всем нуждающимся в этом 1; процесс передачи знаний, опыта, умений из поколения в поколения 1; распространение знаний и культуры 1; распространение знаний и культуры среди населения 1; распространение знаний 1; распространение знаний, культуры и истории 1; сознательная передача знаний и опыта с целью обучения и повышения уровня образования 1).
Система воспитательно-образовательных мероприятий учреждений.	Система образовательных мероприятий и учреждений 34 (социальное 6; министерство 5; система 3; университет 3; мероприятие 2; учебное заведение/учебные заведения 2; учреждение 2; институт 1; конкурсы; образовательные организации 1; отдел образования 1; система воспитания 1; система воспитательно-образовательных мероприятий и учреждений в каком-либо государстве 1; система культурно-просветительных мероприятий и специальных учреждений страны 1; система образовательных мероприятий в каком-либо учреждении 1; система просветительской работы 1; социализация 1; социальное развитие 1; социум 1).
–	Издательство 19 (издательство 12; издание учебников 2; издание 1; издательство школьных учебников и тетрадей 1; книжное издательство 1; советское специализированное издательство учебной и педагогической литературы 1; фирма издания учебных и образовательных учебников 1).

Представленные результаты позволяют сделать вывод о том, что лексикографическое и психолингвистическое значение слова **ПРОСВЕЩЕНИЕ** различаются. Так, проведённый психолингвистический эксперимент подтверждает актуализацию в современном языковом сознании всех лексикографических значений, но сформулированные психолингвистические значения, совпадающие с лексикографическими, по своему семному составу значительно шире и глубже соответствующего лексикографического значения. Более того, большая часть ПЛЗ не зафиксирована в толковых словарях. Данный факт не только иллюстрирует многогранность исследуемого понятия, но и свидетельствует о необходимости уточнения словарных дефиниций рассматриваемой лексической единицы.

Литература

1. Рудакова А.В., Стернин И.А. Проблема корректировки дефиниций толковых словарей с помощью экспериментальных методов // Язык и национальное сознание. – Вып. 27 – Воронеж, 2021. – С.67-73.

2. Селезнева К.О. К вопросу о взаимосвязи слов Образование и Просвещение в сознании носителей русского языка // Культура общения и её формирование: сборник научных статей. – Вып. 40. – Воронеж: «Научная книга», 2025. – С. 148-153.
3. Селезнева К.О. Метод субъективных дефиниций как ключ к значению слова «Просвещение» // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей. – Воронеж: «Научная книга», 2025. – Вып. 11. – С. 23-29.
4. Селезнева К.О. Экспериментальное исследование семантики слова «Просвещение» // Теория речевой деятельности – Новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова. – Воронеж, 2025. – С. 192-193.
5. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011.

Использованные лексикографические источники и их условные обозначения

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2006.– Кузнецов 2006.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 53 000 слов. 7-е изд., стереотип. Москва: Сов. энциклопедия, 1968.– Ожегов 1968.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. Москва: ООО «А ТЕМП», 2013. – Ожегов, Шведова 2013.
4. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь русского языка. Москва: Издательство «ЮНБЕС», 2005.– Скворцов 2005.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. /Под ред. Д. Н. Ушакова. 1935-1939. Москва: ТЕРРА–Книжный клуб, 2007. – Словарь Ушакова.

Д.В. Утицких

Опыт сопоставительно-параметрического описания национальной специфики структуры ассоциативных полей (на примере наименований временных периодов в русском и английском языке)

Аннотация: В статье представлен анализ сводных данных, полученных в результате сопоставительно-параметрического описания ассоциативных полей слов-стимулов, называющих временные периоды в русском и английском языках. Используются параметры и индексы, отражающие степень выраженности национальной специфики структурной организации ассоциативных полей.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, ассоциативное поле, национальная специфика.

Abstract: The paper presents an analysis of the data obtained as a result of a comparative-parametric description of the associative fields of stimulus words naming time periods in Russian and English. The parameters and indexes reflecting the degree of the national specificity of the structural organization of associative fields are used.

Key words: comparative-parametric method, associative field, national specificity.

В данной статье представлен фрагмент нашего исследования проявления национальной специфики в структурной организации ассоциативных полей (АП) русских и английских слов-стимулов на материале слов-стимулов, называющих временные периоды.

Материалом для изучения послужили АП, полученные с помощью свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие по 200 носителей обоих языков в возрасте от 18 до 35 лет.

В соответствии с методикой сопоставительно-параметрического метода наш материал был проанализирован по 11 параметрам: ассоциативная плотность поля, ассоциативная плотность зоны поля (4 зоны), индекс сформированности поля, индекс совпадения зон поля, индекс пересечения зон поля, средний индекс эндемичности зон поля, индекс эндемичности ассоциативного поля, индекс разнообразия поля (Утицких 2025).

В связи с тем, что по техническим причинам сводная таблица параметров описания всех слов группы не может быть размещена, мы указываем необходимые численные показатели рядом с соответствующими словами.

Для определения зон рассматриваемых полей были использованы следующие разработанные нами количественные критерии: ядро формируют ассоциации, характеризующиеся наибольшим числом ответов, зона ближней периферии представлена от границы ядра и до четырех реакций включительно, дальняя периферия насчитывает две-три реакции, крайняя периферия включает единичные ответы (Утицких 2025).

В описании национальных различий АП пар слов на первом этапе используется шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам, далее – шкала выраженности национальной специфики лексических группировок (Стернина 2025, с. 141-142).

По параметру **ассоциативной плотности поля** (ассоциативная плотность – количество, составивших поле/зону реакций) практически у всех восьми слов-стимулов в данной группе отмечены несущественные различия и в одном случае (*день* – *day*) – отсутствие различий в национальной специфике, что объясняется тем, что в обоих полях этих слов было дано по 200 ответов.

По параметру **ассоциативной плотности ядра** АП существенными различиями характеризуются три пары из восьми: *год* – *year* 2,2; *день* – *day* 1,7; *час* – *hour* 1,33; заметными: *момент* – *moment* 1,28 и *ночь* – *night* 1,25; видимыми: *месяц* – *month* 1,2; *минута* – *minute* 1,14; отсутствует специфика у стимулов *время* – *time*.

По параметру **ассоциативной плотности ближней периферии** существенные различия зафиксированы у пары *день* – *day* 2,12; видимые – у пар *момент* – *moment* 1,13 и *месяц* – *month* 1,1; несущественные

различия – у пяти пар: *год* – *year* 1,09; *час* – *hour* 1,08; *ночь* – *night* 1,07; *минута* – *minute* 1,07; *время* – *time* 1,01.

По параметру **ассоциативной плотности дальней периферии** пять пар слов имеют существенные различия (*месяц* – *month* 2,4; *час* – *hour* 1,57; *ночь* – *night* 1,46; *момент* – *moment* 1,44; *минута* – *minute* 1,3); два стимула показывают видимые различия (*время* – *time* 1,17; *год* – *year* 1,17), одна пара имеет несущественные различия (*день* – *day* 1,08).

По параметру **ассоциативной плотности крайней периферии** пять пар имеют существенные различия (*месяц* – *month* 2,2; *год* – *year* 1,9; *ночь* – *night* 1,9; *день* – *day* 1,84; *час* – *hour* 1,53), одна пара характеризуется заметным различием (*время* – *time* 1,24), одна – видимыми различиями (*момент* – *moment* 1,12) и одна – несущественными (*минута* – *minute* 1,09).

По **индексу сформированности поля** во всех парах, за исключением пары *день* – *day*, где различия отсутствуют, наблюдаются видимые различия.

По **индексу совпадения зон поля** и по **индексу пересечения зон поля** в семи из восьми пар наблюдаются несущественные различия, в паре *день* – *day* зафиксировано отсутствие различий.

По **индексу разнообразия поля** численные показатели различий следующие: 1) *год* – *year* 18,3% (гиперсущественные); 2) *ночь* – *night* 13,35% (существенные); 3) *месяц* – *month* 10%; *час* – *hour* 9,4; *день* – *day* 6,5%; *время* – *time* 6,39% (заметные); 4) *момент* – *moment* 0,85%; *минута* – *minute* 0,74% (несущественные).

По **индексу эндемичности** АП пары располагаются по убыванию численных показателей в следующем порядке: 1) *год* – *year* 31% (сверхгиперсущественные); 2) *ночь* – *night* 12,11%; *месяц* – *month* 10,29% (существенные); 3) *час* – *hour* 9,3%; *день* – *day* 6,5% (заметные); 4) *время* – *time* 2,37%; *минута* – *minute* 1,87%; *момент* – *moment* 1,2% (видимые).

По **среднему индексу эндемичности зон поля** подавляющее количество пар поля (семь) характеризуются видимой выраженностью национальных различий и только одна пара *час* – *hour* имеет несущественные различия.

Подводя итог, можно констатировать, что в рассматриваемой группе наибольшие различия в АП фиксируются по таким параметрам, как индекс разнообразия поля и индекс эндемичности ассоциативного поля, по остальным параметрам национально-специфические различия не столь заметны.

Чтобы сделать окончательный вывод о степени выраженности национальной специфики рассмотренных АП, мы использовали, как уже было указано, шкалу выраженности национальной специфики лексических группировок (Стернина 2025, с.142). В связи с полученными результатами представилось целесообразным дополнить эту шкалу еще на один пункт: если в характере национально-специфических различий преобладают

несущественные, видимые и гиперсущественные (или сверхгиперсущественные) различия, то степень выраженности национальной специфики будет являться **умеренно выраженной**.

На основании уточненной шкалы было установлено, что из восьми пар исследованных АП в пяти (*год – year, день – day, ночь – night, час – hour, месяц – month*) национальная специфика является **умеренно выраженной**, в трех парах (*минута – minute, момент – moment, время – time*) – **неярко выраженной**.

На следующем этапе анализа предполагается сопоставление национальной специфики структуры исследованных ассоциативных полей с национальной спецификой их когнитивной организации.

Литература

1. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2025.
2. Утицких Д.В. Национальная специфика структурной организации ассоциативных полей ВРЕМЯ – TIME // Язык и национальное сознание. – Вып. 31. – Воронеж: «Научная книга», 2025. – С.96–100.

Раздел 5. Сопоставительные исследования текста

С.А. Губанов

Эпитет *прямой* в русском языке и в поэзии М. Цветаевой

Аннотация: Статья посвящена сопоставительной когнитивно-семантической характеристике употребления прилагательного *прямой* в различных значениях в русском языке и поэтических текстах М. Цветаевой.

Ключевые слова: эпитет, стилистика, М. Цветаева, эпитетный комплекс, признак, эпитет *прямой*.

Abstract: The paper examines the comparative cognitive and semantic characteristics of the use of the adjective *straight* in various meanings in the Russian language and in M. Tsvelaeva's poetry.

Key words: epithet, stylistics, M. Tsvelaeva, epithet complex, attribute, epithet *straight*.

Проблема описания различных типов прилагательных русского языка связана с их огромным разнообразием. Помимо прямого значения, существует большое число производных переносных, поэтому составить многоаспектную типологию признаков слов, также как и эпитетов, представляется сложной задачей. Принято различать эмпирические и рациональные прилагательные (Виноградов 1986; Гращенков, Лютикова 2018; Губанов 2024). Г.И. Кустова считает репрезентативным деление прилагательных на три типа: 1) обозначающие признаки физических объектов (в том числе человека): *высокий, тяжелый, сутулый*;

2) обозначающие признаки человека: *добрый, жадный, трусливый*;
3) обозначающие интерпретационно-оценочные характеристики, которые человек приписывает объектам и ситуациям внешнего мира: *хороший, ужасный* (Кустова 2018). Среди признаков объектов принято говорить о параметрических и экспериенциальных прилагательных: первые обозначают размер, вторые – восприятие объектов органами чувств. Однако, как замечает Г.И. Кустова, параметрические признаки также воспринимаются органами чувств, главным образом – зрением; к тому же нужно учитывать значение адъектива, поскольку многие из них могут быть многозначными и употребляться в переносном смысле. Также важным является понятие нормы, т.к. параметр колеблется на шкале от большого полюса к малому, причем акцентируется внимание не на норме, а на отклонении от нее (длинный или короткий – относительно нормы это уже ее нарушение). В тексте, особенно креативного типа, понятие нормы очень размыто, поэтому справедливо говорить о ситуативной норме (Кустова 2005). Таким образом, специфика параметрических размерных адъективов состоит в их ситуативности, кажущейся объективности, однако их семантика очень контекстуальна.

Целью данного исследования выступает сопоставительный анализ особенностей эпитетации признаком *прямой* в русском языке и в поэзии М. Цветаевой. В качестве материала для анализа избран Словарь поэтического языка Марины Цветаевой (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 2000), собрание сочинений поэта (Цветаева 1994), словарь русского литературного языка (Словарь русского языка 1999), а также данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Методологическую основу работы составляют методы сопоставительного анализа семантики языковых единиц, а также когнитивно-семантический компонентный анализ.

Обратимся к семантике данного прилагательного в русском языке. В словаре русского литературного языка *прямой* имеет несколько значений «1. Ровно вытянутый в каком-л. направлении, без изгибов. *Прямая линия*. 2. *только полн. ф.* Обеспечивающий непосредственную связь кого-, чего-л. с кем-, чем-л. *Прямое сообщение*. 3. *только полн. ф.* Непосредственный, без промежуточных ступеней. *Прямые выборы*. 4. Откровенный, правдивый 5. Явный, открытый. *Прямой вызов*. 6. *только полн. ф.* Буквальный, не переносный. *Прямое значение слова*. 7. *в знач. сущ.* прямая, -о́й, *жс. Мат.* То же, что прямая линия. *Провести прямую*. 8. *только полн. ф. Мат.* Такой, при котором увеличение (или уменьшение) одного вызывает увеличение (или уменьшение) другого. *Прямая пропорциональность*» (Словарь русского языка 1999).

Отметим языковую специфику семантики рассматриваемого прилагательного. Признак *прямой* воспринимается в первую очередь зрением, поэтому его можно отнести к зрительным эмпирическим

прилагательным. Прямое значение, представленное в словаре первым, отражает основную информацию, передаваемую данным прилагательным – это адъектив, номинирующий форму предмета. Эта форма воспринимается носителем языка как эталонная, совершенная. Далее развиваются вторичные значения лексемы: прямой как эталон точности и ясности распространяется на направление движение, связь, общение людей. Е.И. Голованова при описании данного прилагательного в составе терминов обращает внимание на актуализацию значений «основной», «непосредственный», что также свидетельствует о восприятии прямого как правильного, главного (Голованова 2024). О.А. Мордвина-Щдро анализирует семантику адъектива *прямой* применительно к характеристике человека (*прямодушный, прямолинейный, правдивый*) и приходит к выводу о том, что данные эпитеты отражают инструментальную правду, т.е. ту, которая констатирует положение дел; в связи с этим человек прямой воспринимается как положительно, так и отрицательно (*прямой человек* – говорящий всю правду, однако негибкий, неспособный что-то утаить ради блага другого человека); семантика таких прилагательных амбивалентна, а адъектива *прямолинейный* – в основном отрицательна (Мордвина-Щдро 2007).

Прототипическое представление о прямоте как об эталоне можно увидеть на материале типичных слов, с которыми сочетается данное прилагательное. Национальный корпус русского языка среди первых десяти самых частотных субстантивов, с которыми сочетается данное прилагательное, отмечает такие, как номинации фигур (*линия, угол*), а также номинации связанных с человеком реалий (*смысл, наводка, эфир, обаянность, ответ*).

Лингвистическое цветоведение сформулировало принципы работы поэта с языком, к числу которых относятся такие, как игра со смыслами слов, паронимическая аттракция (сближение слов, фонетически сходных, но семантически далеких), поэтическая этимология, корневой повтор и т.д. Их объединяет неустанная рефлексия М. Цветаевой над словом, вскрытие его образных потенций (Зубова 1989; Ревзина 1998). Данные особенности идиолекта поэта в полной мере проявляются в процессе эпитетации, наделения объекта тем или иным признаком.

Рассмотрим эпитетацию признаком *прямой* в поэзии М. Цветаевой. В поэтических текстах, по данным словаря языка поэта, признак *прямой* имеет следующие значения: 1) «ровно идущий в каком-либо направлении, без изгибов» (адъектив – 11 употреблений; наречие *прямо* – 7 употреблений); 2) «непосредственно, минуя все промежуточное, направленный на что-либо» (адъектив – 5 употреблений, наречие *прямо* – 33 употребления); 3) «правдивый, откровенный» (адъектив – 1 употребление, наречие *прямо* – 1 употребление) (Словарь поэтического

языка Марины Цветаевой 2000, с. 557-560). По сравнению с узусом представлены основные, но не все значения адъектива.

В сравнении с языковым употреблением признак *прямой* в первом значении, несмотря на свою однозначность, обретает различные метафорические очертания. Прямота ассоциируется:

- а) со стрелой: *Расту – прямая как стрела* (Цветаева 1994, т. 1, с.516),
- б) с сосной: *Нет сосны такой прямой / Во зеленом ельнике* (Цветаева 1994, т. 2, с.75);
- в) доской: *В грудь, прямую как доска // Втиснула два кулачка* (Цветаева 1994, т. 3, с.234);
- г) станом: *Плащ – стар // Стан – прям* (Цветаева 1994, т. 2, с.49); *Стан прям – одни ребра* (13, т. 3, с.151).

Тело становится отражением и воплощением прямоты, соматизмом: происходит наложение признака формы на концептуальную область человека, вследствие чего рождается новый образ.

Наглядный образ лжи как сломанной линии поэт графически передает, разрывая слово *прямой* на части: *Ложь вижу выломанной // Пря – мою линию* (Цветаева 1994, т. 3, с.124).

Прямота как неотъемлемость, качество, обозначающее непосредственное отношение, направленность на кого-то осмысливается поэтом в виде неизбежности, а эпитет *прямой* участвует в передаче абсолютного значения этой неизбежности: *За то, то мне – прямая неизбежность – // Прощение обид* (Цветаева 1994, т. 1, с.191).

Прямой – единственный, верный: *Двух способов // Нет – один и прям* (Цветаева 1994, т. 3, с.144).

Прямой – правдивый, откровенный: *Темный, прямой и взыскательный взгляд // Взгляд, к обороне готовый* (Цветаева 1994, т. 1, с.215)

В поэтическом творчестве М. Цветаевой признак *прямой* выступает в качестве абсолютного выражения правды, истины, что совпадает с узуальным употреблением. Дискурсивное же развитие значения рассматриваемого прилагательного в поэзии М. Цветаевой заключается в создании временного образа субъекта, соотносимого с признаком прямоты как символа жизни, что расширяет его узуальные сочетаемостные свойства. Статус эпитета данный адъектив приобретает за счет участия в когнитивном моделировании ситуации и в корреспондировании признаков различных концептуальных областей в процессе эпитетации: прямой ассоциируется с сосной, стрелой, доской, с абстракциями.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986.
2. Голованова Е.И. Реализация семантического потенциала общеупотребительной лексемы в составных терминах (на примере прилагательного «прямой») //

- Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – 5 (487). – С. 7-14.
3. Гращенков П.В., Лютикова, Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // *Rhema*. – 2018. – № 4. – С. 9–33.
 4. Губанов С.А. Параметрический эпитет в текстах М. Цветаевой. Часть 1 // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции (Москва, 05 декабря 2024 г.). – М.: Изд-во «АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2024. – С. 239–243
 5. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989.
 6. Кустова Г.И. Прилагательные. – URL:<http://rusgram.ru/pdf/kustova-2018-adjectives.pdf> (дата обращения 19.11.2025).
 7. Кустова Г.И. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции Диалог-2005 (Звенигород, 01–07 июня 2005 г.). – Т. 2005. – Звенигород: Институт проблем информатики РАН, 2005. – С. 316-320.
 8. Мордвина-Щдро О.А. Прилагательные правдивый, прямодушный, прямой, прямолинейный в зеркале русской языковой картины мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2007. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 218-220.
 9. Национальный корпус русского языка. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения 19.11.2025).
 10. Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой /сост. Ю.И. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина: в 4 т. – Т. 2. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. – С. 5–40.
 11. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю.И. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина: в 4 т. – Т. 3. – Кн. 2. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000.
 12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3. П–Р. – 750 с. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 19.11.2025).
 13. Цветаева М.И. Собрание сочинений. – М.: Эллис-Лак, 1994. – Т. 1-3.

С.А. Кириллов

Языковая и речевая системность текста «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова».

Лингвистика и стилистика текста

Аннотация: В статье приводится анализ языковой и речевой системности русского и английского текстов «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова» в соответствии с лингвистикой текста и стилистикой текста.

Ключевые слова: теория речи, лингвистика текста, стилистика текста, теория текста.

Abstract: The paper provides an analysis of the language and speech systematics of the Russian and English texts of the "Second Conciliar Epistle of the Apostle John the Theologian" in accordance with text linguistics and stylistics.

Key words: speech theory, linguistics of text, stylistics of text, text theory.

Современный этап развития филологического знания предполагает анализ текста в следующих стратегиях: герменевтика текста (и типология смыслов как ее тактика), лингвистика текста (и типология пространственных и временных значений как ее тактика), стилистика текста (и типология стилей текста как ее тактика), а также речевая системность текста (и типология факторов и принципов системности текста как ее тактика) (Припадчев 2004, 2023).

В данной работе рассматриваются тексты «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова» на русском и английском языках. Русский текст послания взят из синодального перевода Библии (1876 г., в современной орфографии). Источником английского текста послужила Библия короля Якова (1611 г., в современной орфографии). Данные тексты имеют сходную значимость в своих цивилизационных процессах и в связи с этим позволяют выявить специфику текстово-опосредованной межкультурной коммуникации для данной пары лингвокультур.

В настоящем исследовании тексты жанра «апостольское послание» рассматриваются в аспекте лингвистики и стилистики текста (Припадчев 2004) с учетом полифункциональности, то есть множественной значимости (Соссюр 1977) единиц текста, и взаимодействия системы языка, системы речи и системы стиля. При этом речевые серии синтаксем и синтагм выделяются по теории множеств (Кантор 1985, с. 184), а объем серии определяется в соответствии с теорией вероятностей (Яглом 1957, с. 18).

Лингвистика текста: типология пространственных значений текста

Функционально-семантическая категория пространства – это одновременность денотатов в тексте. В историческом аспекте семантическое пространство русского текста апостольского послания антропоцентрично. На это указывают серии синтаксем: *я – я – я; ее – с вами – твоих – тебя – тебе – вы – вам – к вам – ваша – тебе – твоей*. Данные серии, поддержанные логовертикалью, могут быть объединены и дополнены сериями: *все – в нас – с нами – мы – мы – мы – нам – мы*. Кроме этого, пространство текста имеет и иное обнаружение антропоцентризации в виде серии синтаксем: *всякий – кто – того – его – его – его*.

Исторический аспект семантического пространства английского текста также выявляет антропоцентризацию, но уже с иной содержательной структурой. На это указывают серия синтаксем со значением прямого действующего лица (*I /я– I /я – I /я – I /я – I /я – I /я – I /я*), ближнего круга участников ситуации (*her /ее – in us /в нас– with us /с нами– with you /с вами – thy /твой – thee /тебе – unto thee /к тебе – we /мы – we /мы – one another /друг друга – we /мы – ye /вы – ye /вы – to yourselves /за собой – we*

/мы – we /мы – we /мы – unto you /к тебе– your /твой – unto you /к тебе– unto you /к тебе – our /наш– of thy /твой – thee тебе) и дальнего круга участников ситуации (*deceivers* /обманщики – *a deceiver* /обманщик – *an antichrist* /антихрист – *whosoever* /кто бы – *he* /он – *he* /он– *any* /любой– *him* /ему– *him* /ему– *him* /ему– *he* /он – *him* /ему– *his* /его).

Семантическое пространство русского текста также овнешняет свою логоцентрацию посредством серии дейктических элементов, выражающих отношение дополнения: (*госпоже*) и (*детям*) – (*я*) и (*не только я*) – (*пребывает*) и (*будет*) – (*от Бога Отца*) и (*от Господа Иисуса Христа*) – (*в истине*) и (*любви*) – (*обольститель*) и (*антихрист*) – (*преступающий*) и (*не пребывающий*) – (*не принимайте*) и (*не приветствуйте*).

В английском тексте логоцентрация пространства организована отношением тождества: *that (we love) /что (мы любим) – I (love)/я (люблю); who (confess not) /кто (не верим) – (is) a deceiver and an antichrist / (есть) обманщик и антихрист; that (biddeth him God speed) /который (желает божьей помощи) – (is) partaker / (есть) участник; и значением уточнения: as we have received /как мы получили– not as though /не как бы – as ye have heard /как вы слышали.*

Речевая серия русского послания, обнаруживающая темпоцентрацию семантического пространства, состоит из дейктических элементов с изначально пространственным, а затем и временным значением: *и (ныне прошу) – ибо (вошли) – ибо (участвует)*. Она во многом уходит в вертикаль текста. Темпоцентрация семантического пространства английского текста явлена в единичном обнаружении с временным значением (*now /сейчас*).

В структурном аспекте пространство послания в синодальном переводе не явно расчленено по степени удаленности и местоположению объектов. В частности, здесь присутствует действующий дейксис (*ты – в том – та – того*). При семантической декодировке данных синтаксис семантика близко- и дальнего действия нейтрализуется. Параллельный текст обнаруживает расчлененность пространства на объекты впереди и сзади. В этом отношении превалирует близкое действие и направленность дейктических элементов на объекты сзади: *the lady /госпожа – whom /которой; truth /правда – which /которая; commandment /заповедь – that /которая; deceivers /обманщики – who /которые*.

Пространство апостольского послания на русском языке не расчленено по местоположению объектов «впереди-сзади». Векторы «впереди» и «сзади» нейтрализуются амбивалентной векторной направленностью: *заповедь... ту, которую имеем... чтобы любили*. Небольшой радиус действия указания нейтрализуется ментальной функцией пространства, в частности, дополнительной предикацией объектов указания, служащей рациональному их осмыслению: *которых (люблю) – которая (пребывает) – как (получили) – не как (новую заповедь) – которую (имеем) – которую*

(слышали). Кроме того, в функциональном аспекте пространство жанра «апостольское послание» темпорально: *и (ныне) – ибо – ибо*; и оценочно *чтобы (любили) – чтобы (поступали) – чтобы (не потерять) – чтобы (получить) – чтобы (была полна)*.

В структурном аспекте пространство английского послания обнаруживает расчлененность пространства на объекты впереди и сзади. В этом отношении превалирует близкодействие и направленность дейктических элементов на объекты сзади: *the lady /госпожа – whom /которой; truth /правда – which /которая; commandment /заповедь – that /которая; deceivers /обманщики – who /которые*. В аспекте признаков текстовое пространство английского текста характеризуется обратным направленным указанием в радиусе до пяти синтаксем. В функциональном аспекте пространство жанра «апостольское послание» ментально, что обуславливается обращением к объектам дейксиса, осмысляемым далее в новом качестве, то есть с иной предикацией: *the lady /госпожа – whom /которой; truth /правда – which /которая; commandment /заповедь – that /которая; deceivers /обманщики – who /которые*.

Лингвистика текста: типология временных значений текста

Функционально-семантическая категория времени – это последовательность денотатов в тексте. В историческом аспекте время русского текста жанра «апостольское послание» не векторное, так как это фабульный текст. Это обозначается глаголами со значением настоящего вневременного, которое аккумулирует в себе все три вектора языкового времени: *люблю – пребывает – имеем – состоит – не имеет – имеет – участвует*. Невекторность времени поддерживается серией синтаксем повелительного и сослагательного наклонения: *да будет (благодать) – (чтобы) любили – (чтобы) поступали – (чтобы) не потерять – (чтобы) получить – (чтобы) была полна*.

Исторический аспект времени английского текста во многом обнаруживает векторность, на что указывает серия глаголов с перфектной семантикой (*have known – rejoiced – wrote – had – have heard – are entered – is come have wrought*), неполная серия глагольных синтаксем с семантикой настоящего момента речи и модусом «здесь-сейчас» (*dwelleth – beseech*), а также серия глагольных синтаксем в форме сослагательного наклонения и императива, указывающих на действие в будущем (*shall be – should walk – look – bid God speed – would not write – may be full*).

В структурном аспекте время русского послания не членится на отрезки с относительной суточной длительностью. Это обозначается глаголами с контекстуальным значением настоящего вневременного (модус «сейчас-всегда»): *люблю – пребывает – имеем – состоит – не имеет – имеет – участвует*. В аспекте признаков время обратимо, то есть порядок синтагм в тексте можно изменить. В тексте: *прошу тебя – вы слышали – наблюдайте за собою*; в эксперименте: *наблюдайте за собою – вы*

слышали – *прошу тебя*. В функциональном аспекте время синодального перевода ментально: оно не событийно (то есть основывается не на действиях, а на блоках информации), протяженно (то есть длительность каждого действия выходит за пределы суток), обратимо (то есть порядок синтагм в тексте может не соответствовать реальной последовательности действий).

В структурном аспекте время английского послания не членится на отрезки с относительной суточной длительностью: это, в частности, обозначается глаголами со значением длительности: *walking – having to write*. В аспекте признаков время необратимо, то есть порядок синтаксисом в тексте невозможно изменить без искажения смысла. В тексте: *wrote /nucal – beseech /умоляю – rejoiced /возрадовался*; в эксперименте: *rejoiced/возрадовался – beseech /умоляю – wrote /nucal*. В функциональном аспекте время английского текста во многом реально, что обнаруживается серией синтаксисом глаголов с перфектным значением: *have known – rejoiced – wrote – had – have heard – are entered – is come have wrought*; но вместе с тем ментально и оценочно: *shall be – should walk – look – bid God speed – would not write – may be full*. Оно условно длительно и событийно, что объясняется последовательностью действий в тексте в пределах своих временных границ: *wrote /nucal – rejoiced /возрадовался – entered /вошли – biddeth (God speed)/ оказывать – having (to write) /имея написать*.

Стилистика текста: типология стилей текста

В аспекте типов языка (до XVIII в.) формируется стиль языка как наджанровая величина. В проекции на известную систему языковых функциональных стилей М. В. Ломоносова текст апостольского послания соотносится с высоким стилем в обоих случаях.

Обнаружением церковно-религиозного стиля языка выступает невысокая образная насыщенность, то есть близость тропеических образных средств к общезыковому. При этом важно отметить сформированность данного стиля в русской лингвокультуре, на что указывает строгая приуроченность образных средств языка к последнему. В случае английского текста такие образные средства характерны для различных стилей языка.

В плане стилистики речи, кроме указанных характеристик стиля, рассмотрим регистровое строение текста.

Рефлексивный регистр (лицо в ситуации) выражается серией синтаксисом существительных с семантикой предмета-лица в В. п. и Р. п.: *истину – заповедь – заповедь – награду – учение – учения; тебя – друг друга – Иисуса Христа – Отца – Сына*. Для английского текста это серия синтаксисом существительных с семантикой предмета-лица в объектном падеже: *unto the lady – unto children – a commandment – a commandment – after commandments – Jesus Christ – God – both the Father and the Son – doctrine*.

Операционный регистр русского текста выражается формами Р. п. существительных с семантикой предмета-лица. Лицо (или реалья) не введено в ситуацию, оно вне ситуации. В русском тексте есть серия таких синтаксем: *(детям) ее – в нас – с нами – от Бога Отца – от Господа Иисуса Христа – Сына Отчего – из детей (твоих) – от Отца – Его*. В английском тексте регистр выражен серией синтаксем притяжательного падежа: *her children – the truth's – from God the Father, and from the Lord Jesus Christ, the Son of the Father – of thy children – from the Father – lady – Jesus Christ – of Christ – of Christ – of evil deeds – of thy sister*.

Личностный регистр автора (лицо организует ситуацию оценкой) проявлен в серии синтаксем со значением оценки: *по истине – ради истины – в истине и любви – в истине – от начала – по заповедям – в злых делах*. В английском послании это серия синтаксем: *in truth and love – in truth – a deceiver and an antichrist – God speed – God speed – of evil deeds*.

Личностный регистр «персонажа-действителя» (лицо организует ситуацию ментальным действием) выражен серией синтаксем формы И. п. со значением действителя: *старец – (я – я – все – я – мы – мы – мы – мы) – дети*. В случае английского текста регистр выражен серией синтаксем формы субъектного падежа со значением действителя: *the elder /старец – deceivers /обманищики – partaker /участник – the children /дети*.

Предметный регистр (вещное окружение лица) не типизируется по лексической семантике и грамматическим признакам. Данный регистр важен для горизонтали текста, в которой реализуется язык и его различительное означивание: *госпоже – детям – тебе – за собою – нам – к вам – в дом – вам – на бумаге чернилами – к вам – сестры*. То же характерно для английского текста: *from the beginning /от начала – from the beginning /от начала – into the world /в мир – things /вещи – a reward /награду – in the doctrine /в учении – in the doctrine /в учении – into your house /в свой дом – things /вещи – with paper and ink /бумагой и чернилами*.

Понятийный регистр (когнитивное окружение лица) выражен существительными в именительном (субъектном) и косвенных падежах с наиболее абстрактной семантикой: *благодать – милость – мир – любовь – заповедь – обольстители – в мир – человек – обольститель – антихрист – всякий – радость*. В английском тексте видим его обнаружения: *grace /благодать – mercy /милость – peace /мир – love /любовь – the commandment /заповедь – joy /радость*.

Индивидуально-авторский стиль выражается в уникальной для текста смысловой сигнификативной модели «благословение» – «любовь» – «назидание» для русского текста и «правда» – «заповеди» – «исполнение учения» для английского текста.

В результате анализа пары текстов «Второго соборного послания святого апостола Иоанна Богослова» на русском и английском языках можно выявить аспекты тождества и различия между ними.

В структурном аспекте пространство русского текста антропоцентрично, теоцентрично, темпоцентрично, логоцентрично, ментально и оценочно, при этом обнаруживает свою нерасчлененность и ненаправленность. Пространство английского текста уже расчленено и направлено. Время английского текста отличается необратимостью.

В аспекте стиля речи в английском тексте антропоцентрическая модель заметно усилена посредством увеличения числа дейктических элементов в форме косвенности.

Заметной универсальностью отличаются стили языка сопоставленных текстов, а именно церковно-религиозный стиль, что подтверждается употребляемостью в обоих текстах тропов с невысокой образной насыщенностью. Однако степень сформированности данного стиля разная. Меньшей общностью характеризуются стили речи сравниваемых текстов из-за различий в денотативных семантических моделях. В английском тексте усилены денотативная семантическая фактоцентрическая и антропоцентрическая модели. Еще меньшей универсальностью обладают индивидуально-авторские стили соотнесенных текстов из-за нетождественности сигнификативных смысловых моделей произведений.

В плане композиции для обоих поэтических текстов важна асимметрия фабулы как последовательности смыслов и мерцающего сюжета как последовательности действий. Логоцентрическая модель со значением причинности в английском тексте отведена. Фабула в обоих текстах логоцентрична, но в первом случае она организована значением причинности, а во втором – значением следования. Сюжет в сопоставляемых текстах теоцентричен. Однако в английском тексте асимметрический дуализм текста как знака (Карцевский 2004, с. 245) усилен из-за отчетливости в нем денотативной семантической фактоцентрической модели.

В отношении структуры образов героев пары текстов требует внимания их гармоничность в вещной, ментальной и духовной составляющих для своих цивилизаций. Однако в структуре образа героя английского текста усилена вещная составляющая, что видно по активности роли категории пространства и по очерченности денотативной семантической фактоцентрической модели и предметного регистра текста.

В отношении жанров требует внимания относительная транслятологичность апостольского послания. Вместе с тем структурно тексты различны: русский текст послания повествует о назидании для жизни вечной, английский текст – о предостережении от неблагополучия.

Литература

1. BibleGateway: 2 John 1 KJV. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=2%20John%201&version=KJV> (дата обращения: 03.09.2025).
2. Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985.
3. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. – Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Новый завет: Второе послание Иоанна. – URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/jn2/1> (дата обращения: 03.09.2025).
5. Припадчев А.А. Теория речи. – Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2023.
6. Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.
7. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977.
8. Яглом А.М. Вероятность и информация. – М.: Гостехиздат, 1957.

А.М. Черникова

Креолизованный текст карикатуры в военно-политическом дискурсе России, США и Великобритании

Аннотация: В статье исследуются вербальные и невербальные компоненты креолизованных текстов военно-политических карикатур в России, США и Великобритании.

Ключевые слова: политическая карикатура, иконический компонент, стилистические приемы.

Abstract: The paper examines the verbal and non-verbal components of creolized texts of military-political cartoons in Russia, the United States and Great Britain.

Key words: political cartoon; iconic component; stylistic means.

Военно-политический дискурс является специфическим типом дискурса, затрагивающим как международные, а также внутригосударственные отношения. В современном военно-политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, и, в результате, карикатура становится ее одним из наиболее частых проявлений (Назарова 2021).

Нами была предпринята попытка исследовать вербальные и невербальные компоненты креолизованных текстов в военно-политическом дискурсе России, США и Великобритании. Под креолизованным текстом мы понимаем текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: *вербальной* (языковой/речевой) и *невербальной* (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) (Сорокин, Тарасов 1990). Политическая карикатура как вид креолизованного текста рассказывает о каком-либо событии, выражает отношение народа к политической ситуации, привлекает внимание к острым неразрешенным проблемам и оказывает манипулирующее воздействие на широкие слои населения (Алексеев 1979).

Нами было проанализировано 150 военно-политических карикатур: 50 российских, 50 британских, 50 американских, отражающих политическую идеологию и события за период 2021-2024 гг. В выборку вошли работы русских карикатуристов: Виталия Подвицкого, Сергея Ёлкина, Валерия Удовиченко, Михаила Ларичева, Камиля Бузыкаева; работы британских художников: Bob Moran, Ben Jennings, Christian Adams, Patrick Blower, а также американских карикатуристов, таких как: Ben Garrison, David Horsey, Carlos Latuff, Matt Wuerker, Patrick Chappatte, Tom Stiglich. Источниками материала послужили периодические издания и новостные интернет-порталы, в частности – Российская Газета, РИА Новости, Townhall, New York Times, BBC, The Guardian, Daily Telegraph, The Washington Post, U.S. News & World Report, а также авторские платформы следующих карикатуристов: Tom Stiglich, Chappatte, Latam Arte, Bob Moran Art.

В результате исследования нами была создана жанровая классификация карикатур, состоящая из *сатирических*, *юмористических*, *агитационных*, *философских* карикатур.

В большинстве **российских военно-политических карикатур** (27 изображений) прослеживается *агитационный* посыл, направленный на демонстрацию силы и превосходства России над странами НАТО, восхваление армии, а также единство и сплоченность России. Российские *сатирические* и *философские* карикатуры представлены в подборке в равной степени (10 изображений). Наименее представлены *юмористические* карикатуры (три изображения).

В **британских военно-политических карикатурах** художники часто обращаются к *сатирическому* жанру (35 изображений), чаще всего освещая тему политических выборов и Brexit. В своих работах они также используют *философский жанр* (9 карикатур). Так, карикатуристы подвергают критическому осмыслению внутреннюю политику США, проблемы международных отношений, а также экономическую ситуацию в стране. Доля *агитационных* и *юмористических* карикатур незначительна, что подтверждается минимальным количеством примеров – пять и одна соответственно.

Американские военно-политические карикатуристы, как и британские художники, часто используют *сатиру* для создания карикатур (25 изображений). Многие авторы обращаются к *философским* темам (18 изображений), наиболее часто размышляя о таких темах как украинский кризис, экономика, внутренние противоречия в своей стране. В то время как российские и британские карикатуры почти не обращаются к юмористическому жанру, американские авторы активно используют его, главной темой является британская королевская семья (5 изображений). Наименее представленным жанром оказались *агитационные* иллюстрации (два изображения).

Иконические элементы, которые используются в карикатурах, являются мощным инструментом для создания и передачи сложных смыслов. Анализ 150 карикатур выявил закономерности использования различных стилистических приемов передачи и представления иконической составляющей. Основными стилистическими приемами являются **гиперболизация, метафора и символизм**.

Гиперболизация проявляется в двух основных формах: *гиперболизация частей тела персонажей (политиков)* и *гиперболизация предметов*. *Гиперболизация частей тела и элементов внешности политиков* – общий для всех культур сатирический прием, зафиксированный в 27 карикатурах. Данный прием используется преимущественно в британских сатирических военно-политических карикатурах с целью высмеивания и обличения истинного лица политиков. Так, британские художники чаще используют гиперболизацию прически (9 изображений), ушей (6 изображений) и носа (5 изображений), создавая легко узнаваемые гротескные образы. Гиперболизацию рук можно встретить в двух британских и в двух российских карикатурах, а тела – в одном российском и двух британских изображениях. *Гиперболизация предметов*, таких как кружка, монета или сумка используется в одной американской и двух британских сатирических карикатурах для каждого предмета однократно.

Метафора наиболее часто используется в британских сатирических и в российских агитационных карикатурах. Так, использование метафоры можно увидеть в 47 сатирических военно-политических карикатурах (28 британских, 12 американских, семи российских), а также в 30 философских (14 американских, восьми российских, восьми британских,) и 23 агитационных (20 российских, трех британских). В британских юмористических карикатурах присутствует лишь один случай употребления метафоры.

Символизм является самым распространенным стилистическим приемом, который используется в карикатурах – 201 случай употребления. Особенно часто он встречается в британских и американских сатирических карикатурах: 41 и 38 иллюстраций соответственно. В российских карикатурах символизм преобладает в агитационном жанре (27 изображений) как основной способ донесения политических идей. Как показало исследование, символизм как прием может повторяться в пределах одной карикатуры неоднократно.

Символизм может передаваться разными способами. Проведенное исследование показало, что использование образов зарубежных политических деятелей является наиболее частым приёмом символизма в британских сатирических карикатурах (32 изображения). В американских и российских иллюстрациях этот показатель составляет 25 и 6 изображений соответственно. Общее количество случаев использования *национального флага* (России, США, Великобритании и Украины)

составляет 67. Национальный флаг как символ страны чаще всего используется в группе сатирических карикатур: в девяти британских, десяти российских, семи американских карикатурах. Символ американского правительства и внешней политики США *Дядя Сэм* встречается в пяти российских агитационных, двух американских сатирических и четырех американских философских карикатурах. *Статуя Свободы*, изображенная в негативном ключе, как лицемерная фигура, чьи идеалы не соответствуют действительности, встречается в трех американских карикатурах: двух философских и одной сатирической.

Идеологическая символика представлена следующими элементами: *свастика*, которая ассоциируется с нацизмом и злом, представлена в одной российской, одной британской и двух американских карикатурах, *пацифик*, символизирующий мир, изображен на одной американской карикатуре, российская патриотическая символика, такая как *красная звезда* и *георгиевская лента* встречается в четырех и двух российских карикатурах соответственно. В 18 агитационных карикатурах (двух американских, одной британской, 15 российских) применяется зооморфный символизм - использование образов животных для передачи политических и социальных сообщений: медведь как символ России, английский бульдог – Англии, орел – Америки, слон – Республиканской партии США, а осел – Демократической партии США. Отметим, что отличительной чертой российских агитационных карикатур является использование патриотической и зооморфной символики, демонстрирующей национальную идентичность.

Понять идею карикатуры можно только в комбинации вербальной и иконической составляющих карикатуры. В общей сложности, из 150 проанализированных нами военно-политических карикатур 113 включают в себя вербальный компонент.

Вербальный компонент преобладает у британских авторов (49 изображений). Вторую по объёму группу формируют карикатуры на русском языке (34 изображения), а третью – работы американских карикатуристов (30 изображений).

В карикатурах британских авторов вербальный компонент наблюдается преимущественно в сатирических и философских жанрах (31 и 12 изображений соответственно). В британских сатирических карикатурах преобладает такой вербальный компонент как *восклицания* (10 изображений). В британских философских работах присутствуют *пояснительные надписи* (6 изображений), чтобы донести посыл или пояснить описываемую ситуацию. Количество агитационных и юмористических карикатур с вербальным компонентом незначительно. В них наблюдаются такие вербальные составляющие как *риторический вопрос* и *диалог*.

Вербальный компонент наблюдается в 19 американских карикатурах сатирического жанра. В них американские художники используют *краткие подписи* (9 изображений) для визуализации сложных явлений и процессов (Рис.1).

Рис. 1

В карикатурах на русском языке наблюдается ведущей функцией вербального компонента является агитация (14 изображений) и сатира (10 иллюстраций). Российские карикатуристы часто используют *восклицания* в своих агитационных изображениях (Рис.2) и сатирических работах (Рис.3).

Запорожье, Херсон, Донецк и Луганск! Мы возвращаемся домой!

Рис. 2

Рис.3

В двух российских агитационных и двух американских юмористических карикатурах вербальный компонент представлен *риторическими вопросами* («Where do I put her?», «Не спится?»). И российские, и американские карикатуристы используют *аббревиатуры* («NATO», «USA», «РЭБ», «СП-1», «СП-2») для интерпретации сложных визуальных метафор (Рис.4).

Рис.4

В целом в англоязычных, особенно сатирических, военно-политических карикатурах текст часто усиливает критический или ироничный тон, выполняя разоблачительную функцию, в то время как в русском языке вербальный элемент чаще выполняет убеждающую, агитационную функцию.

Подводя итог, можно отметить, что проведенное исследование военно-политических карикатур России, Великобритании и США позволило выявить общее и различное в их тематике, стилистических приемах, а также типах используемых вербальных и невербальных средств.

Литература

1. Алексеев В. А. Оружием политической сатиры – Москва: Мысль, 1979.
2. Назарова Н. Е. К определению понятия военно-политического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – №7. – С. 18-23.
3. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990.

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области грамматики и словообразования

Е.В. Дмитриенко

Парадигматико-синтагматическая обусловленность девиантов в английском и немецком языках

Аннотация: Статья посвящена изучению комбинаторных девиантов и причин их появления и фокусируется на одном из их видов – парадигматико-синтагматических, которые объединяют в себе нарушение как парадигматических, так и синтагматических связей слов. Девианты рассматриваются как объект комбинаторной девиантологии и анализируются на примере английского и немецкого языков.

Ключевые слова: комбинаторный девиант, комбинаторная девиантология, парадигматические и синтагматические связи, парадигматико-синтагматическая обусловленность.

Abstract: The paper is devoted to the study of combinatorial deviants and the reasons for their occurrence, focusing on one of their types – paradigmatic-syntagmatic deviants, which combine violations of both paradigmatic and syntagmatic word relationships. Deviants are considered as an object of combinatorial deviantology and are analyzed using the German and the English languages as an example.

Key words: combinatorial deviant, combinatorial deviantology, paradigmatic and syntagmatic connections, paradigmatic-syntagmatic conditionality.

Данное исследование проводится в рамках комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи языковых единиц и их комбинаторный потенциал (Влавацкая 2017). Комбинаторная девиантология является разделом комбинаторной лингвистики и изучает комбинаторные девиации

и девианты, связанной с нарушением синтагматических и/или парадигматических отношений слов при переводе. Причиной комбинаторной девиации могут быть как межъязыковая, так и внутриязыковая интерференция (Дмитриенко 2025).

Цель исследования – определить парадигматико-синтагматические комбинаторные девианты и выявить их категории путем сопоставления немецкого и английского языков.

Актуальность темы заключается в необходимости расширения исследований в области комбинаторной девиантологии и обуславливается тем фактом, что при изучении комбинаторных девиантов, как правило, явно выделяется два их основных вида, а исследованию перекрестных видов уделяется меньше внимания.

Комбинаторные девианты определяются как речевые ошибки в билингвальном и/или полилингвальном дискурсе, возникающие в результате неправильного или нестандартного сочетания языковых элементов. Эти отклонения возникают в аспекте синтагматических и парадигматических отношений и отражают влияние родного или других изученных языков говорящего (Дмитриенко 2025, с. 156).

Комбинаторная лингвистика опирается на идеи, выработанные в области семантики и синтаксиса, и исследует, как различные языковые элементы могут эффективно сочетаться, образуя более сложные структуры. В изучении комбинаторно-семантических концепций большая заслуга принадлежит основоположнику структурализма – Ф. де Соссюру. Синтагматические отношения предполагают взаимодействие между элементами, являющихся частью высказывания (Соссюр 2004). Синтагматика, изучающая линейные взаимоотношения языковых единиц, включает в себя языковые правила сочетаемости одноуровневых единиц и их реализацию в речи. Синтагматические отношения относятся к связям между языковыми единицами в пределах последовательности (например, между словами во фразе или предложении). Комбинаторные девиации в этом случае возникают, когда сочетание слов или грамматических структур нарушает нормы языка.

Парадигматические отношения представляют собой нелинейные отношения противопоставления и обусловленности между единицами одного уровня, объединяющие эти единицы в определенные классы (парадигмы). Эти объединения элементов возникают в силу общности формы и/или содержания. Парадигматические отношения – отношения между языковыми единицами, которые могут заменять друг друга в данном контексте (например, выбор слов или морфологических форм). Комбинаторные девиации в данном контексте подразумевают неправильную замену слов, фраз или форм из-за влияния другого языка. Например, *She is more cleverer than her brother**, где влияние возможной

сравнительной формы русского языка «более умна» приводит к чрезмерному обобщению сравнительных форм в английском языке.

Была выделена отдельная категория, когда комбинаторные девианты нарушают сразу парадигматические и синтагматические связи, что затрудняет их классификацию. Поскольку парадигматические отношения – это вертикальные отношения, позволяющие группировать слова в отдельные категории, в связи с чем все нарушения, связанные с подменой или опущений слов мы отнесли к парадигматическому аспекту комбинаторных девиантов, а синтагматические отношения связаны с сочетаемостью слов в высказывании, что позволило отнести все нарушения порядка слов к синтагматическому аспекту комбинаторных девиантов, то такие девиации, которые нарушают оба вида этих отношений одновременно, мы отнесли к **парадигматико-синтагматической обусловленности** комбинаторных девиаций. К такому типу девиантов относятся случаи, когда помимо замены слов нарушаются комбинаторные связи между единицами. Такие случаи можно сгруппировать в две большие категории:

1. Нарушения при употреблении инфинитива, когда девиант связан с заменой инфинитива на герундий (или наоборот), что нарушает установленную валентность их употребления после определенных глаголов, поскольку после некоторых глаголов употребляется только инфинитив, после других – форма герундия.

*She suggested **to visit** them before the trip** (вместо *She suggested visiting* или *She suggested that they visit*).

*He avoided **to answer*** (вместо *He avoided answering*).

*He avoided **to talk** to her** (*He avoided talking to her*).

*They offered **to travel** to Italy for New Year celebration** (*They offered travelling to Italy for New Year celebration*).

В немецком языке отсутствует форма герундия и девианты возникают только в употреблении инфинитива (zu + V).

*Ich versuche verstehen** (вместо *Ich versuche zu verstehen*).

*Es ist schön, mit dir reden** (*Es ist schön, mit dir zu reden*).

*Ich habe versucht, dich anrufen** (*Ich habe versucht, dich anzurufen*).

*Ich kann **zu** schwimmen** (вместо *Ich kann schwimmen*).

Нарушения в употреблении предлогов, когда помимо подмены предлога происходит нарушение синтагматических связей, которые подразумевают использование определенного предлога после слова.

В обоих языках данная девиация встречается в структуре V + prep. + N.

*I knew that she felt happy because she was smiling **to me**** (*I knew that she felt happy because she was smiling at me**).

*I don't approve his actions** (с опущением предлога вместо нормативного: *I don't approve of his actions**).

Ich schicke die E-Mail zu meine Freundin (Ich schicke die E-Mail an meine Freundin).*

Wir müssen für die Kindern achten (Wir müssen auf die Kindern achten).*

Таким образом, парадигматико-синтагматическая обусловленность комбинаторных девиантов проявляется в двух направлениях – подмена/отсутствие ЛЕ и нарушение установленных правил сочетаемости в целевом языке. В английском и немецком языках, ввиду их различий в грамматическом и лексическом строе, комбинаторные девианты различаются в некоторых аспектах, но могут быть определены в одни и те же категории: нарушения в употреблении предлогов – препозиционные девианты (в немецком языке также затрагивают категорию падежа у существительных) и нарушения в употреблении инфинитива – предикативные девианты (в английском языке включают в себя также изменения, связанные с герундием, что отсутствует в немецком).

Литература

1. Влавацкая М.В. Языковая комбинаторика: аспекты изучения // Научный диалог, 2017. – № 5. – С.21-32.
2. Дмитриенко Е.В. Комбинаторные девианты при переводе в полилингвальном учебном дискурсе //Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты : сб. материалов 11 междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 16–23 мая 2025 г. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2025. – С. 154–158.
3. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики/пер. с фр. / А. М. Сухотин, ред. и с прим. РИ Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Д.Г. Родина

Словообразовательные модели спортивных английских и немецких неологизмов в СМИ

Аннотация: В статье проводится анализ спортивных неологизмов в английском и немецком языках и сопоставление их продуктивных и непродуктивных словообразовательных моделей.

Ключевые слова: спортивные неологизмы, словообразовательные модели, продуктивные словообразовательные модели, сопоставительный анализ, СМИ.

Abstract: The paper is devoted to the analysis of sports neologisms in English and German and the comparison of their productive and unproductive word-formation models.

Key words: sports neologisms, word-formation models, productive word-formation models, comparative analysis, mass media.

Язык, будучи комплексной социальной структурой, отражает следы человеческих взаимоотношений и находится в состоянии непрерывного развития. Освоение новых знаний и опыта в социуме невозможно без их языкового оформления. Это достигается через появление новой лексики или расширение значений существующих слов.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в необходимости изучения спортивных английских и немецких неологизмов, их функционирования в СМИ и сопоставления их словообразовательных особенностей.

Цель исследования – выявить спортивные неологизмы в СМИ и сопоставить их словообразовательные модели в английском и немецком языках.

Дискуссионным вопросом процесса неологизации остается определение термина «неологизм». Опираясь на работы зарубежных и отечественных исследователей, были выделены два фундаментальных принципа, на основе которых трактуются определения данного термина. Первый принцип основывается на реализации нового значения уже существующей формы слова (Г.Ф. Алиаскаров, И.В. Арнольд, J. Pernik). Второй принцип предполагает образование новой формы слова, которая ранее не употреблялась в языке и именуется новым явлением (Л.Ю. Касьянова, D. Herberg, C. Durham).

Для определения лексической единицы к статусу неологизма были выделены 4 основных критерия:

1) новизна новой лексической единицы принадлежит временному промежутку от 1 до 3 лет (Лесников 2020, с. 55);

2) возникновение новых лексических единиц является следствием появления новых общественных реалий. Этот критерий служит основой для понимания причин появления неологизмов и, как следствие, для их последующей семантизации (Семенова 2021, с. 37);

3) неологизм характеризуется поэтапным распространением, охватывая всё большее количество носителей языка. Возникновение нового слова обусловлено потребностями определённой группы людей и последующим закреплением в коллективном языковом сознании (Каменева 2021, с. 20);

4) неологизмы не фиксируются в словарях до момента их закрепления в качестве языковой нормы. Новые языковые единицы должны пройти этап нормализации и соответствовать лексикографическим стандартам (Смолонгина, Ситникова 2020, с. 145).

В настоящее время существует множество подходов к изучению неологизмов. К ним относятся когнитивный, структурно-словообразовательный, социолингвистический, психолингвистический и аксиологический подходы (Москалёва 2012, с. 66). В данном исследовании внимание сосредоточено на структурно-словообразовательном подходе.

Е.Ю. Чибисова утверждает, что новые слова формируются на основе уже сложившихся языковых традиций, задействуя существующие в языке механизмы словообразования. Автор также указывает на то, что продуктивность определенной модели словообразования является одной из ключевых проблем в области неологии (Чибисова 2010, с. 129). Потенциальные лексические единицы характеризуются высокой степенью

свободы возникновения и принадлежностью к наиболее продуктивным словообразовательным моделям. Каждое из таких слов является иллюстрацией действия общих закономерностей словообразования в языке (Лопатин 1973, с. 55).

Для классификации словообразовательных моделей лексических единиц была использована работа Луи Гилберта (Gilbert 2021, с. 46). Согласно его подходу, выделяются следующие группы.

1. **Семантическая группа** включает случаи, когда новое значение слова возникает в результате семантической деривации, то есть появления дополнительного лексико-семантического варианта (*wellen, die Befreiung, sweet spot, cocktail* и др.).

2. **Фонологическая группа** объединяет ономатопы – слова, образованные звукоподражанием (*der Wau, refboo, bang* и др.).

3. **Морфологическая группа** охватывает слова, созданные с помощью имеющихся в языке морфем и структур. Эта группа включает *словосложение* (соединение двух и более основ), *блендинг* (слияние частей слов), *конверсию* (изменение части речи), *аффиксацию* (использование префиксов и суффиксов), следующие виды *сокращений*:

- аббревиатуры (сокращения, читаемые по буквенным обозначениям): *TKF, BTS*.
- акронимы (сокращения, которые читаются слитно): *KUG, ROH* и др.;
- усечения (сокращения начала, середины или конца слов): *der W-ruck, T-klettern, zo, web* и др.

4. **Заемствования** характеризуются фонетическими особенностями, нетипичными для данного языка (*Punsh-Explosion, strength paddle, bokwa, sai* и др.).

Для анализа и сопоставления моделей словообразования было отобрано 145 спортивных неологизмов в немецком языке и 155 неологизмов в английском языке из СМИ за период 2022-2025 гг.

При исследовании немецких и английских неологизмов было выявлено 5 морфологических моделей словообразования. **Словосложение** является наиболее продуктивной моделью словообразования, что составило 44 единиц (*das Fußstütze, der Hundzahn, das Bolzplatzgesetz, der Bewegungsdepp* и др.) в немецком языке и 47 единиц (*ghostpeak, guidehole, flatball, squarechair* и др.) в английском языке. В качестве примера рассмотрим немецкую лексическую единицу *das Fußstütze*, которая образована путем сложения слов *der Fuß* (*стопа*) и *das Stütze* (*опора/подставка*). Принимая во внимание экстралингвистические факторы, значение указывает на вспомогательную подложку под ногу для реабилитационных тренировок. В английском языке неологизм *guidehole* состоит из слов *guide* (*инструкция*) и *hole* (*дыра*) и означает регламент соревнований, в которых присутствуют недоработки из-за непредвиденных ситуаций.

Блендинг используется для образования 28 единиц (*der Gewopf, der Sportlator, das Auswärtsverbot, das Handfahren* и др.) в немецком языке и 37 единиц (*fayer, strenclular, yogatise, flexonent* и др.) в английском языке, которые именуют виды спортивных активностей. Например, немецкое слово *das Handfahren* образовано от *die Hand* (рука) и *das Radfahren* (езда на велосипеде). Поскольку *die Hand* определяет способ движения, *das Handfahren* означает вид спорта, где используется транспортное средство, напоминающее велосипед, но приводимое в движение руками. В английском языке примером является неологизм *quadrobics*, который является результатом слияния латинского слова *quattuor* (четыре) и английской единицы *aerobics* (аэробика) и означает неофициальный вид спорта, где участники имитируют движения животных на четвереньках.

Лексические единицы, которые образованы путем **аффиксации** объединены определенными словообразовательными категориями. В немецком языке по данной модели образованы 11 единиц. Существительные, которые обозначают спортивных деятелей, образуются с помощью суффикса мужского рода *-er* (*der Erstesorteinventarer, der Linker* и др.). Прилагательное *sportbizepsartig* образовано с использованием суффикса *-artig*. Данный суффикс используется для обозначения признака или качества предмета. При создании новых спортивных обозначений используются такие префиксы, как *neo-* (*das Neosportloch*) и *zusammen-* (*zusammendirigiren*). При образовании глаголов от прилагательных и имен существительных со смыслом «быть подобным» используется продуктивный суффикс *-(e)n* (*hehten, gassen, fingern*).

Спортивные лексические единицы английского языка, которые образуются с помощью **аффиксации**, составляют 13 единиц (*postzoom, bencher, entasier, rejosh* и др.). Суффикс *-er* встречается в словах, описывающих людей, которые активно занимаются спортивной деятельностью (*bandwagoner, cargeeker, medaler, bencher* и др.). Формирование неологизмов осуществляется с помощью следующих префиксов:

- **post-** (период после какого-либо события): *postzoom*;
- **sub** - (пребывание в запасе): *subonliner*;
- **re-** (повторение действий): *rejosh*.

В ходе исследования среди немецких неологизмов были выделены такие виды **сокращений** как акронимы (2 единицы), аббревиатуры (2 единицы) и усечения (6 единиц). К акронимам относятся такие единицы как *FIZ* (*das Fanisolierungszimmer*) и *KUG* (*das Kopfumdrehungsgewicht*). Аббревиатуры составляют такие слова как *TKF* (*der Trampolinkugelflug*) и *BTS* (*das Beiniefeschwimmen*). Усечение делится на 2 основных вида:

- синкопа – усечение в середине слова: *der W-ruck* (*der Wellenruck*), *T-klettern* (*testherausklettern*), *die R-abtrennung* (*die Rasseabtrennung*), *die F-süßigkeit* (*die Fußsüßigkeit*);

- апокопа – усечение конца слова: *die Türro* (*die Türrotation*), *die Angrifiso* (*die Angriffsolierung*).

В английском языке неологизмы были выделены акронимы (5 единиц) и усечения (6 единиц). К акронимам относятся такие единицы как *DOC* (*day of cyborgs*), *ROH* (*range of hit*), *SIT* (*sportsman in trenches*), *PIO* (*politics in Olympus*), *SOL* (*sports on leash*). К усечениям относятся 6 единиц следующих видов:

- синкопа: *s-mellennial* (*sports mellenial*), *f-ball* (*foulball*), *e-scooter racing* (*electric scooter racing*), *e-day* (*electronics day*);
- апокопа: *zo* (*zooomer*), *wob* (*wobble*).

В немецком языке также встречается **конверсия** (20 единиц). В большинстве случаев данная модель используется в комбинации с аффиксацией. Например, глагол *gassen* образован от существительного *die Gasse* с добавлением глагольного суффикса *-n* для обозначения действия, при котором игроки команды оказываются в незнакомом игровом моменте.

В английском языке **конверсия** характерна для 19 лексических единиц (*to flag*, *to duck*, *to dodo*, *to peanut* и др.), в большинстве случаев это преобразование имени существительного в глагол. Например, глагол *to flag* образован от существительного *flag*.

При исследовании новых лексических единиц было выявлено 25 немецких спортивных неологизмов (*wellen*, *die Befrieung*, *die Treppe*, *die Eisbahn* и др.), образованных путем **семантической деривации**. В качестве примера рассмотрим слово *die Treppe*. Его первоначальное значение – сооружение для подъема и спуска. В контексте СМИ это слово стало использоваться для обозначения спортсмена, который идет к своей цели вперед, несмотря на внешние конфликтные ситуации.

В английском языке по данной модели словообразования образовано 19 единиц (*wheel*, *sweet spot*, *coctail* и др.). Например, слово *coctail* было интегрировано в спорт с новым значением «спортсмен с хорошими физиологическими и спортивными показателями».

Как показал анализ отобранных немецких спортивных неологизмов 5 лексических единиц образованы путем **заимствования**. Слова или их составные элементы заимствованы из английского языка (*Punsh-Explosion*, *strength paddle*, *das Inlinehockey*, *die Partyplätschern*, *das Modedopingsmittel*). В группу заимствований английского языка вошли 4 единицы из японского языка (*sai*), языка африкаанс (*bokwa*), французского языка (*chef de mission*) и латинского языка (*quattour*).

Фонологическая модель словообразования встречается в двух немецких спортивных единицах. Одной из них является неологизм *der Wau*. Первоначально лексическая единица являлась междометием и указывала на лай собаки. Затем благодаря негативным коннотациям, связанным с данным животным, это слово стало обозначать судью, склонного к спорам. Вторая единица – *der Oh* – употребляется в значении

восклицания, выражающего сожаление. В спортивном языке она именует спортсмена, которого перед соревнованиями настигли внезапные и непреодолимые обстоятельства.

В английском языке ономотопы содержатся в пяти единицах: *refboo*, *fanboo*, *bang*, *Rusboom*, *finger-plop*. Данные единицы придают неологизмам экспрессивный оттенок. Например, ономотоп *boo* обозначает вскрик при запугивании кого-либо. В неологизме *fanboo* данный ономотоп в сочетании с единицей *fan* формирует значение фаната, который запугивает болельщиков противоположной команды. Неологизм *refboo* (*referee* + *boo*) используется для номинации судьи с тенденцией суживания.

Таким образом, по итогам полученных данных было установлено, что продуктивными моделями словообразования и в немецком языке, и в английском языке являются словосложение, блендинг и семантическая деривация. Непродуктивными моделями словообразования в исследуемых языках являются заимствования и ономотопея. Продуктивность словообразовательных процессов в английском и немецком языках характеризуется относительно идентичными показателями, что свидетельствует о схожих языковых тенденциях.

Литература

1. Gilbert L. Acoustic evidence for affix classes: A case study of Brazilian Portuguese // *Glossa: a journal of general linguistics*. – 2021. – Т. 6. – №. 1 – P. 45–59.
2. Каменева Н.А. Образование англоязычных неологизмов в результате лексической и семантической номинаций // *Филология: научные исследования*. – 2021. – №. 3. – С. 18-26.
3. Лесников С.В. Термин «неологизмы»: хронологический обзор определений в русском языке // *Язык государственной службы. Лингвистические вопросы теории и практики*. – 2020. – С. 52-62.
4. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973.
5. Москалёва Е.В. Научные подходы к проблемам изучения неологизмов в современном терминоведении // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. – 2012. – Т. 7. – №. 1. – С. 61-71.
6. Семенова Э.В. Неологизмы в современном английском языке и причины их возникновения // *Филологический аспект*. – 2021. – №. 2. – С. 34-39.
7. Смолоногина Е.А., Ситникова И.О. Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница // *Научный диалог*. – 2022. – Т. 11. – №. 2. – С. 140-158.
8. Чибисова, Е.Ю. Словообразовательные модели неологизмов в современном английском языке // *Наука и современность*. – 2010. – № 7-2. – С. 123-132.

**Лингводидактические основы переподготовки
преподавателя персидского языка на язык пушту:
контрастивный подход к родственным
грамматическим системам**

Аннотация: В статье обосновывается лингводидактическая модель переподготовки действующего преподавателя персидского языка к преподаванию пушту, основанная на контрастивном анализе родственных иранских языков. Контрастивный анализ выступает не только как метод выявления расхождений, но и как стратегическая основа проектирования интенсивного курса переподготовки, позволяющая трансформировать потенциальные трудности в методические ресурсы.

Ключевые слова: лингводидактика, переподготовка преподавателей, персидский язык, пушту, металингвистическая осведомленность преподавателя, контрастивный анализ, языковая интерференция, родственные грамматические системы.

Abstract: This paper presents a linguodidactic model for retraining existing Persian language teachers to teach Pashto, based on a contrastive analysis of related Iranian languages. Contrastive analysis serves not only as a method for identifying discrepancies but also as a strategic basis for designing an intensive retraining course and transforming potential difficulties into methodological resources.

Key words: language teaching methodology, teacher retraining, Persian language, Pashto, metalinguistic awareness of the teacher, contrastive analysis, language interference, related grammatical systems.

Переподготовка действующего преподавателя персидского языка на преподавателя пушту представляет собой специфическую задачу в рамках лингводидактики переподготовки педагогических кадров по иранским языкам. Генетическое родство пушту и персидского языков создаёт уникальную лингводидактическую ситуацию: с одной стороны, оно обуславливает значительный потенциал для позитивного переноса (трансфера), а с другой – требует управления неизбежной языковой интерференцией (Рогозная 2025, с. 310).

Ключевым субъектом процесса переподготовки является профессиональный преподаватель персидского языка, обладающий развитой металингвистической осведомленностью в области преподавания языков иранской типологической ветви. Это позволяет трансформировать его существующую профессионально-педагогическую компетенцию, насыщая её новым содержанием. Лингвистическим содержанием переподготовки будет фокусировка на различиях между языком пушту и персидским языком.

Контрастивный анализ служит основным инструментом для выявления этих различий и формирования сравнительно-сопоставительного учебного материала (Стернин, Стернина 2015, с. 61). Именно на зонах структурного и семантического расхождения (например, эргативность в пушту при её

отсутствии в персидском) строится стратегия интенсификации процесса переподготовки.

Таким образом, лингводидактическая модель переподготовки использует общность языков-«соседей» по ветви как трамплин для ускоренного вхождения в новую систему, а контрастивный анализ – как компас для навигации в зонах расхождений, обеспечивая целостное преобразование педагогической компетенции.

Начальным этапом контрастивного анализа как основы переподготовки является компаративный анализ грамматических моделей языков, который позволяет:

1. Выявить макроструктурное соотношение трех языковых систем.
2. Эксплицировать потенциальные зоны лингводидактического риска (интерференция) и потенциала (позитивный перенос).
3. Научно обосновать структуру и содержание интенсивного курса переподготовки, сфокусированного на преодолении различий и активации сходств (Рогозная 2025, с. 314).

Таким образом, результат контрастивного анализа – это карта для навигации в сложном процессе перехода от одной родственной языковой системы к другой. Его изучение превращает контрастивный анализ из абстрактного метода в конкретный инструмент планирования образовательного процесса.

В нижеследующей таблице мы даем сравнительный анализ трёх грамматических систем – пушту, персидского (фарси/дари) и русского языка – по ключевым грамматическим и структурным параметрам. Анализ фокусируется на наличии/отсутствии языковых явлений, глубине охвата и типологической специфике.

Категория / Явление	Пушту	Персидский	Русский	Комментарий
Грамматический род	☑(муж., жен.)	✗	☑(муж., жен., ср.)	Русский и пушту имеют род, но в русском – три рода. Персидский не имеет категории рода.
Падежная система	☑(3 падежа: прямой, косв. I, косв. II)	✗ (аналитический; остатки в местоимениях)	☑(6 падежей: И, Р, Д, В, Т, П)	Русский – развитая флексивная система. Персидский – без падежей.
Эргативная конструкция	☑(в прош. времени переходных глаголов)	✗	✗	Уникальная черта пушту среди трёх.

Категория / Явление	Пушту	Персидский	Русский	Комментарий
Согласование глагола с объектом	✓(в эргативной конструкции)	✗	✗	Только в пушту (из-за эргативности).
Изафет (атрибутивная связь)	✓(частица ² , порядок слов)	✓(связка -e/-ye)	✗	Функция связи “определение-определяемое” есть в обоих иранских языках, но реализация разная.
Артикль / маркер определённости	✗	△ ى- (неопр.), определённость — нулевая (прямой объект → را)	✗	Персидский имеет маркеры, но не полноценный артикль. Русский и пушту — без артиклей.
Вид глагола	△ wo- (заверш.)	△ (аспект: префикс ми- vs. Основа прошедшего времени)	✓ (Сов./Несов. вид — ядерная категория)	Вид — центральная категория русского глагола. В иранских языках — аспектуальные показатели, не образующие строгих пар как в русском.
Сложные (составные) глаголы	△ Есть, но менее продуктивны	✓Очень продуктивны (کار کردن, فکر کردن)	△ Есть (начать читать), но не как отдельный класс	Персидский — лидер по числу устойчивых составных глаголов.
Наклонения	✓Изъяв., повел., сослаг. (вежливость, желание)	✓То же	✓Повел., изъяв., сослаг. с «бы»	Сослагательное в русском — аналитическое, в иранских — синтетическое.
Безличные предложения	✓ 1.Использование безличного глагола 3-го лица ед.ч. هغه اورېږي. (Haġa oreġi) — Идет дождь.(Досл.:	✓С оборотами («میشود», «امكان دارد»)	✓ («светает», «нужно», «хочется»)	Все три языка используют, но реализация разная.

Категория / Явление	Пушту	Персидский	Русский	Комментарий
	"Оно дождит.")			
Фонетика: специфические согласные	☑ Ретрофлексны е, аффрикаты (چ, ځ, ښ и др.)	⚠ Нет	⚠ Нет	Только пушту имеет эти звуки (под влиянием индоарийских языков).
Порядок слов	☑SOV (гибкий)	☑SOV (умеренно гибкий)	⚠ SVO (но свободный порядок)	Русский — базовый SVO, но порядок слов служит стилистике, а не грамматике.
Служебные части речи	☑Послелogi, союзы, Дисконтину- альный (разделённый, прерывистый) комплексный послелог	☑Послелogi, союзы	☑Предлоги, союзы, частицы	Русский — предложная система. Иранские — — послелogi (особенно په, له).
Система местоимений	☑Две формы (полные + энклитики), خپل с согласование м	⚠ Суффиксальные притяж., خود без согласования	☑Полные формы, свой/себя, согласование в роде/числе	Русский и пушту — согласующиеся возвратные; персидский — нет.

Исходя из проведённого детального анализа можно сделать вывод, что изначальное владение персидским языком даёт профессиональным преподавателям персидского языка первоначальное преимущество в примерно 40-50% лексики благодаря общему иранскому фонду (Меркулова 2025, с. 147). Однако его главная методическая ценность в наличии «структурных трамплинов», т.е. в понимании базового иранского синтаксиса (SOV, использование послелогов), системы времён, модальных конструкций, принципов словообразования. Преподаватель не изучает эти явления с нуля, а приспособливается к ним.

Соответственно, русский язык, будучи флективным языком с развитой морфологией, предоставляет концептуальный аппарат и ментальные модели для понимания того, чего нет в персидском, но есть в пушту (Харисова, Игнатъева 2025, с. 125). Для русского сознания категория рода (муж./жен.) естественна. Преподаватель не тратит силы на изобретение новых понятий, а сразу применяет механизмы согласования (прилагательное, переходный глагол прошедшего времени), что резко ускоряет освоение эргативной конструкции. Понимание, что падеж — это изменение формы слова для выражения отношений — фундаментально. Русскоязычный преподаватель персидского языка видит в падежах пушту

(прямой, косвенный) не хаос, а упрощённую, но функционально нагруженную падежную парадигму. Он знает, как объяснять понятие склонения. Понимание синтетической глагольной природы пушту через опыт работы с русскими приставками, суффиксами, видами позволяет адекватно воспринимать аспектуальные пары составных глаголов (کول/کړل, شول/شو). Преподаватель видит в них не просто разные слова, а системную грамматическую оппозицию, схожую по функции (но не по форме) с русским видом глаголов.

Эргативность – самый сложный барьер при изучении пушту большинством носителей индоевропейских языков. Персидский язык показывает стандартную иранскую основу (номинативная конструкция во всех временах), от которой пушту отклонился в прошедшем времени переходных глаголов. Русский язык даёт понимание логики согласования (глагол с подлежащим/дополнением) и чувство флексии (окончания меняются в зависимости от грамматической роли) (Харисова 2025, с. 125).

В результате преподаватель, для которого родным является русский язык, и который имеет опыт в преподавании персидского языка, и в то же время дополнительно изучает пушту, воспринимает эргатив не как абсурд, а как логичную, хотя и непривычную, систему: «В прошедшем времени переходный глагол ведёт себя как пассивная конструкция или как безличное предложение в русском („Мной сделана работа“), где агенс стоит в творительном (косвенном) падеже, а глагол согласуется с объектом». Эта аналогия, недоступная носителю английского или персидского, даёт мощный когнитивный рычаг.

Наш итоговый тезис заключается в том, что знание персидского даёт обучаемому преподавателю содержание (лексика, базовый синтаксис), а знание русского даёт при этом форму (концептуальный аппарат для сложной морфологии). Русскоязычный преподаватель персидского подходит к пушту не как к двум отдельным иностранным языкам, а как к единой типологической задаче. Он видит пушту как мост между аналитизмом персидского и синтетизмом русского, что позволяет ему постигать язык не линейно, а структурно-семантическими блоками, используя сходства с одним языком для преодоления различий с другим (Шарифи, Куприна 2025, с. 790). Это превращает сложность из барьера в объект профессионального интереса и ключевую точку роста.

Литература

1. Меркулова И.А. Сопоставление лексики близкородственных языков как лингвистическая проблема // Дискурс. Интерпретация. Перевод: Сборник научных статей памяти профессора Вячеслава Борисовича Кашкина. – Москва: ООО "Р. Валент", 2025. – С. 143-152.
2. Рогозная Н.Н., Сабатин Сантос Т. Медина Жоан Пауло. Сопоставительные исследования в лингводидактических целях: универсалии vs граммаференты // Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 8. – С. 308-320.

3. Стернин И.А., Стернина М.А. Актуальные проблемы сопоставительных исследований в современной лингвистике // Социальные и гуманитарные знания. – Ярославль, 2015. – Т. 1, № 1(1). – С. 59-65.
4. Харисова Н.Р., Игнатьева М.Э. Специфика формирования системного представления грамматики русского языка в арабоязычной аудитории на довузовском этапе / Н. Р. Харисова, М. Э. Игнатьева // Педагогический журнал. – 2025. – Т. 15, № 7-1. – С. 121-129. – DOI 10.34670/AR.2025.49.25.017. – EDN GXSQVH.
5. Шарифи М.М., Куприна Т.В. Особенности перевода специализированной терминологии: сопоставление персидского, английского и русского языков // Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации в условиях реальной и виртуальной среды: сборник материалов международной конференции преподавателей, студентов и аспирантов, Екатеринбург, 18 апреля 2025 года. – Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2025. – С. 786-793.

Раздел 7. Сопоставительные исследования и перевод

Л.М. Борисова

Об особенностях перевода глаголов речи с русского языка на немецкий в художественном дискурсе (на материале романа А. Битова «Пушкинский дом»)

Аннотация: В статье на материале романа А. Битова «Пушкинский дом» рассматриваются особенности перевода глаголов речи с русского языка на немецкий.

Ключевые слова: художественный дискурс, глаголы речи, перевод, сопоставительный анализ.

Abstract: The article examines the peculiarities of translating verbs of speech from Russian into German based on A.Bitov's novel "Pushkin's House".

Key words: artistic discourse, verbs of speech, translation, comparative analysis.

В статье проведен сравнительный анализ глаголов речи, репрезентирующих коммуникативное поведение персонажей в романе А. Битова «Пушкинский дом» в тексте оригинала и в его немецком переводе, выполненном Rosemarie Tietze. В фокусе внимания находятся глаголы, указывающие на особенности речи персонажей, и позволяющие читателю представить особую манеру речи героев романа А. Битова. Сравнительный анализа глаголов речи в тексте оригинала и в тексте перевода на немецкий язык был проведен на материале, полученном методом сплошной выборки глаголов речи в тексте оригинала, романе А. Битова «Пушкинский дом» и его переводе на немецкий язык В статье представлен анализ ряда речевых действий, выделенных по признаку присутствия ярко выраженного коннотативного компонента значения, который «выражает эмоционально – оценочное отношение говорящего к

денотату слова, а также несет другую дополнительную информацию» (Стернин 2008, с.3). Рассмотрим следующие группы глаголов говорения:

- глаголы речи, репрезентирующие чрезвычайно раздраженную манеру говорения персонажей

«Ну и убирайся!» – **сказала** Фаина. «Почему это я – убирайся? – **ядовито цедил** Лева. – А не ты – убирайся?» (Битов, с.202). / «Ach, hau doch ab!» sagte Faina. «Warum ich – ,hau ab?» **zischte** Ljowa **giftig**, ... (Bitow, S.243).

В русском языке переносное значение глагола **цедить** – «медленно и небрежно произносить, говорить (разг.): цедить слова; цедить сквозь зубы» (Ожегов, с.1036). Немецкий глагол **zischen** переводится как «шипеть – говорить сердито, сдавленным голосом или шепотом, подчеркивая свистящие звуки» (Daum, Schenk, S.697). В данном случае наблюдаем расхождение как в семном составе, так и в наборе коннотативных компонентов значения.

В следующем примере глагол речи **заклучил** употребляется с наречием **ядовито**, которое обладает яркой отрицательной эмоциональной характеристикой. В тексте перевода лексема **boshafft** – «злой, злобный; giftig ехидный giftig übt язвительный, ехидный» (Daum/Schenk, S.111; 249) используется как синоним лексической единицы **ядовитый**, характеризующей глагол речи **заклучил** в смысле «ехидно/ язвительно»:

– Конечно, какие сейчас князя!.. А все-таки... Анкет перестали бояться, – **ядовито заклучил** Митишатъев, – вот знамение времени, так сказать...Вот и хвастают. (Битов, с. 297) / «Natürlich, was ist heute ein Fürst! Trotzdem...Die Leute haben keine Angst mehr vor der Frage nach der sozialen Herkunft», **schloss** Mitischatjew **boshafft**, «ein Zeichen unserer Zeit, sozusagen... Und so geben sie an.» (Bitow, S. 355).

- глаголы говорения, характеризующие внутреннее состояние субъекта речи

–Да ну тебя! – Митишатъев **передернулся, изъязвился**. (Битов, с. 352). / ... Mitischatjew **schnitt eine Fratze, sein Gift war verspritzt**. (Bitow, S. 422).

Смысл глагольной лексемы **изъязвился**, обладающей ярко выраженным экспрессивно-оценочным характером, передается в тексте перевода отдельным предложением: sein Gift war verspritzt. Sein Gift ...verspritzt (fig., umg. boshafte Bemerkungen machen = делать злобные замечания. (Wahrig, S. 1561).

Это ваши предсмертные слова, князь! – **скривился** Митишатъев, медленно опуская пистолет и старательно целясь... (Ожегов, с. 353). / Das sind Ihre letzten Worte vor dem Tod, Fürst! **ulkte** Mitischatjew, senkte langsam die Pistole und zielte sorgfältig.

Скривиться, т.е. кривиться означает в переносном смысле со стилистической пометой разг. «кривить рот, губы в знак недовольства,

пренебрежения» (Ожегов, с. 466) и переводится на немецкий глаголом *ulken* – «шутить, дурачиться» (Daum/Schenk, S. 592). В данном случае наблюдаем расхождение в семном составе использованных лексических единиц.

Однако дед преследовал, не отставал.

– Ну что ты заглядываешь по-собачьи в его собачьи глаза! – **взъярился** он. (Битов, с.66). / Doch der Großvater setzte nach, ließ nicht ab: «Was schaut du wie ein Hund in seine Hundeaugen!» **brauste er auf**. (Bitow, S. 80).

В русском языке лексическая единица *взъяриться* (разг.) означает: внезапно прийти в ярость (Ожегов, с. 132) и имеет функционально-стилистический компонент значения *разг.* *Aufbrausen* в немецком языке означает в переносном смысле (fig.) *sich schnell, heftig erregen, zornig hochfahren* – «быстро, сильно разозлиться» (Wahrig, S. 454), ср. (übtr.) *вспылить* (Daum/Schenk, S. 41). В тексте оригинала глагол речи обладает более экспрессивным эмоциональным компонентом значения.

-глаголы речи акустической агрессии с ярко выраженным компонентом значения «эмоциональность»

В следующем примере глагол «завопил» означает «начать вопить» – вопить, имеющее функционально-стилистическую помету *разг.*, означает «громко и протяжно кричать, выть» (Ожегов, с. 156). *Brüllen* означает «орать, кричать истошным голосом» (Daum/Schenk, S. 116). Ср. также перевод глагола речи *орал* – *brüllte* во втором примере:

– Не-ет! нет у меня своей жизни! – **завопил** Митишатьев и пнул ногой в шкаф. (Битов, с. 349). / «Nein!! Habe ich nicht, ein eigenes Leben!» **brüllte** Mitischatjew und gab dem Schrank einen Tritt; (Bitow, S. 418).

– В семени уже предательство! В семени! – **орал**, сидя на стуле, дед, **не то стонал**. – Бескорыстно уже, абстрактно... (Битов, с. 96). / «Im Samen bereits Verrat! Im Samen!» **brüllte** oder **stöhnte** der Großvater auf seinem Stuhl. «Uneigennützig bereits, abstrakt! » (Bitow, S. 116).

При этом глаголы *закричал*, *вскричал* переводятся одним глаголом *schreien* «кричать»:

И тут Лева спрыгнул на него, как ястреб. – Отдай, сволочь! – **закричал** он. (Битов, с. 350). / Da sprang Ljowa ihn an wie ein Habicht. «Gib her, Mistkerl!» **schrie er**. (Bitow, S.420).

– Что ты ему сказал?!! – **вскричал Лева**, неловко вцепляясь ему в грудки. (Битов, с.339). / «Was hast du ihm gesagt?!!» **schrie** Ljowa und packte Mitischatjew ungeschickt an der Brust. (Bitow, S. 406).

В нижеприведенных примерах глагол речи *воскликнул* (воскликнуть): «произнести что-нибудь громко, с чувством, выразительно» (Ожегов, с. 158) в тексте перевода представлен глаголом *rufen* – кричать, что ведет к потере компонентов коннотативного значения и только в последнем примере используется глагол речи *ausrufen*: воскликнуть.

– Слушай, на тебе лица нет! – **воскликнул** Митишатъев. (Битов, с. 352). / «Hör mal, was machst du für ein Gesicht, was ist los?» **rief** Mitischatjew. (Bitow, S. 422).

– Лева застонал. «Прав Митишатъев, тысячу раз прав! – **в отчаянье воскликнул он, но – молча...** – Гнать! В шею гнать... » (Битов, с. 344). / Ljowa stöhnte. «Recht hat Mitischatjew, tausendmal recht!» **rief er verzweifelt, doch stumm.** «Rauswerfen, achtkantig rauswerfen...» (Bitow, S. 412).

– Слабо, говоришь? слабо! – **воскликнул** Лева, подтаскивая стремянку, чтобы дотянуться до средних полок. (Битов, с. 350). / «Traust dich nicht, sagst du?» **rief** Ljowa und schleppte eine Stehleiter an, um die mittleren Fächer zu erreichen. (Bitow, S.419).

– В высшей степени благородно, молодой человек! – **воскликнул** Митишатъев. (Битов, с. 309). / «In höchstem Maße nobel, junger Mann!» **ruff** Mitischatjew. (Bitow, S. 370).

– Нет, не водку люди пьют! – **восклицал** он на следующей станции. – Люди пьют время! (Битов, с.315). / «Nein, nicht Wodka trinken die Menschen!» **rief** er an der nächsten Station **aus.** «Die Menschen trinken Zeit!» (Bitow, S. 377).

В нижеприведенном примере метафорическое словосочетание **громко шептал** звучит диссонансно: *шёпот* – «тихая речь, при которой звуки произносятся без участия голосовых связок; шептать: говорить шёпотом» (Ожегов, с.1338).

– Митишатъев заполнял собой комнату... «Чувствуешь силу? – **громко шептал** Митишатъев, **жар так и полыхал в его словах и дыхании...** / – Mitischatjew füllte mehr und mehr den Raum aus. «Fühlst du die Kraft?» **flüsterte** Mitischatjew **laut, in seinen Worten und im Atem loderte es feurig...**

В тексте перевода в силу фиксированного порядка слов данное словосочетание разделено подлежащим, выраженным именем собственным, что снижает при восприятии, на наш взгляд, уровень экспрессии (*laut* стоит на конечной позиции в предложении). Во второй части предложения, характеризующего эмоциональный накал глаголов речи, наблюдаются структурно- семантические различия: ср. активную конструкцию *жар так и полыхал в его словах...*(*полыхать*: «пылать, ярко гореть вспышками: полыхает пожар») (Ожегов, с. 840). *Lodern* переводится как «пылать» (Daum/Schenk, S. 376). И если в тексте оригинала выражение с активным субъектом *жар так и полыхал в его словах и дыхании* воспринимается как удачная авторская экспрессивная метафора, то в переводе используется безличная конструкция *es loderte feurig* во фразе с обратным порядком слов, что приводит к смещению тема-рематического компонента в тексте перевода и некоторому ослаблению экспрессивности фразы.

Наличие не только избыточной лексемы, но и присутствие дополнительного предложения репрезентирует перевод следующей фразы с эксплицированными глаголами речи:

– Ну, говори, возражай, что же ты молчишь?! Чувствуешь или нет?!» – «Чувствую...» – **беззвучно разлепил губы** Лева. «То-то же», – **удовлетворенно сказал** Митишатьев и вдруг, резко развернувшись, ушел. (Битов, с.230)./ «Red schon, sag was dagegen, was bist du stumm?! Fühlst du es oder nicht?!» – Ljowa **löste mühsam die Lippen**. «Ich fühl es...» **sagte er lautlos**. «Wußt ich doch», **sagte** Mitischatjew **befriedigt**, machte plötzlich auf dem Absatz kehrt und ging. (Bitow, S. 276).

Построенное на контрасте выражение: *беззвучно разлепил губы*, в русском языке соответствует словосочетанию: *сказал с трудом, нехотя, испытывая большое душевное волнение, едва слышно*. Глагольная лексема *разлепить* означает: (разг.) «разъединить слипшееся» (Ожегов, с. 969). В тексте оригинала губы слиплись у героя романа в момент большого волнения. В немецком языке использован многозначный глагол lösen. У лексической единицы *разлепил губы* присутствует коннотативное значение *разъединил слипшиеся/ пересохшие от волнения губы* со стилистической пометой (разг.), в тексте перевода для передачи данного коннотативного значения использована фраза *mühsam* («с трудом/ приложив усилие») *löste er die Lippen*, смысл которой интегрирован в лексической единице *разлепил губы*, и усилен наречием *беззвучно*, то есть, *еле слышно произнес Лева свое признание*. А так как в тексте перевода эта позиция занята лексической единицей *mühsam*, эксплицирующей дополнительное коннотативное значение, не присущее немецкому *löste*, то переводчик вынужден манифестировать компонент значения *беззвучно* отдельным предложением *sagte er lautlos*.

-глаголы, сопровождающие речь героев и дающие информацию не только о состоянии и настроении говорящего, но и об отношении субъекта речи к собеседнику

В следующих примерах для перевода лексической единицы *усмехнулся* используются различные лексические единицы: *sagte grinsend* – «сказал ухмыляясь» / *witzelte* – «острил» / *spottete* – «насмехался/глумился/ высмеивал» / *spöttelte* – «подсмеивался/ насмехался»:

– Прощайте, – **усмехнулся** Лева, и мне почудилось в этой **усмешке** доля презрения. (Битов, с. 400)./ «Leben Sie wohl», **sagte** Ljowa **grinsend**, und mir war, als läge in diesem **Grinsen** eine Spur Verachtung. (Bitow, S. 478).

– Рубль, юбилейный! – **усмехнулся** Митишатьев. (Битов, с. 353). / «Ach, ein Jubiläumsrubel», **witzelte** Mitischatjew. (Bitow, S.423).

– Мне льстит дуэль с тобою, – **усмехнулся** Митишатьев. (Битов, с.351) /..., **spottete** Mitischatjew. (Bitow, S. 421).

– А я их хранил... – **усмехнулся** Митишатъев. (Битльв, с. 325). / «Hab sie aufgehoben», **spöttelte** Mitischatjew. (Bitow, S.389). Spötteln- подсмеиваться, насмехаться (Daum/Schenk, S.535).

В следующем примере при переводе лексической единицы *ухмыльнулся* используется глагол *grienen*, имеющий функционально-территориальный компонент значения Grienen- nddt. breit, schadenfroh lachen, grinsen. (Wahrig, S. 1627), т.е. используется нижненемецкое grienen: злорадно смеяться, ухмыляться.

– Да ну, что ты... – **ухмыльнулся** Митишатъев – в руке у него была маленькая. (Битов, с. 339). / «Was denn, was hast du...» Mitischatjew **griente** – und hielt eine Kleine in der Hand. (Bitow, S. 406).

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о способах перевода русских глаголов речи на немецкий язык. В тексте перевода были выявлены различия и определенные несоответствия как в лексико-семантическом, так и в функционально – прагматическом плане. Переводчик компенсирует отсутствие в немецком языке приставочного разнообразия русских глаголов с помощью наречий и лексической конкретизации. В ряде случаев для разных глагольных лексем в тексте оригинала: *взъярился/ вспылил/ вскипел* в тексте перевода используется один и тот же глагол *brauste auf*. Для других «температурных» глаголов используются иные глагольные лексемы: *кипятился – fauchte /кипятился – eiferte sich, раскипятился – sich in Rage reden*. Ср. также: *закричал/ вскричал/вскрикнул – schrie*. 8 случаев употребления глагола *воскликнуть* передаются в немецком языке глаголом *rufen*. В данном случае наблюдаем расхождение в эмоциональной окраске и семном составе. И, наоборот, в ряде случаев для одного глагола, сопровождающего речь персонажей, переводчица, пытаясь более тонко передать модальность речи и ситуацию говорения, использовала несколько глагольных лексем, не совпадающих с глаголом *усмехнулся – sagte grinsend/witzelte/spottete/spöttelte/ schief grinsend*. При переводе глагола *ухмыльнулся*, сопровождающего речь героя, в тексте перевода используется глагол с функционально-территориальным компонентом значения: *grienen*. Экспрессивно-эмоциональный глагол *пробормотал* передается в тексте перевода нейтральной фразой: *gab sich die unverständliche Antwort*.

В некоторых случаях в тексте перевода присутствуют инверсия (изменение позиций смысловых компонентов), расширение конструкции, введение дополнительного текстового материала, что в некоторой степени снижает в процессе восприятия экспрессивность компактной структуры в тексте оригинала.

Литература

1. Bitow A. Das Puschkinhaus. Roman. – Deutsch von Rosemarie Tietze. Suhrkamp Verlag. – Frankfurt am Main, 2007.

2. Daum Edmund und Schenk Werner. Wörterbuch Deutsch – Russisch. – VEB Verlag Enzyklopädie, Leipzig, 1974.
3. Битов А. Г. Пушкинский дом: Роман. – М.: Вагриус, 2007.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений/ Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. – Москва: Мир и Образование, 2019.
5. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. – Изд. 2, исп. и доп. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2008.

А.А. Ерофеева

Стратегии лингвокультурной компенсации при переводе каламбуров (на материале оригинала «Винни-пуха» А. Милна и его русских версий)

Аннотация: В статье на основе сопоставительного анализа переводов Б. Заходера и Т. Михайловой, В. Руднева анализируются стратегии лингвокультурной компенсации при переводе каламбуров в произведении «Винни-Пух» А.А. Милна.

Ключевые слова: каламбур; лингвокультурная компенсация; перевод; лингвокультурный перенос.

Abstract: Based on a comparative analysis of translations by B. Zahoder, T. Mikhailova, and V. Rudnev, the paper analyzes the strategies of linguistic and cultural compensation in the translation of puns in the work "Winnie the Pooh" by A.A. Milne.

Key words: pun; linguistic and cultural compensation; translation; linguistic and cultural transfer.

Перевод детской литературы представляет собой особую область переводоведения. Именно здесь лингвистические задачи неразрывно связаны с культурологическими и педагогическими. Одной из самых сложных проблем в этой сфере является адекватная передача каламбуров (Комиссаров 1990, с.73; Латышев 2001, с.252). Каламбур – стилистический прием, основанный на юмористическом обыгрывании звукового или семантического сходства слов. Он является неотъемлемой частью идиостиля А.А. Милна в дилогии о Винни-Пухе, выполняя не только комическую, но и характеризующую функцию, раскрывая наивную и тонкую логику персонажей. Полный буквальный перевод таких элементов зачастую невозможен из-за глубокой укорененности в системе конкретного языка (Newmark 1988, с.70). Следовательно, переводчику необходимо прибегать к стратегиям лингвокультурной компенсации, то есть к восполнению утраченного в одном месте текста эквивалентным по функции элементом в другом. Классическим произведением, изобилующим каламбурами и игрой слов, является повесть А.А. Милна «Winnie-the-Pooh» (Milne 1926). Ее русские переводы, выполненные Б.В. Заходером (1960) и, позднее, Т.М. Михайловой и В.П. Рудневым (2000), представляют собой уникальный материал для исследования стратегий лингвокультурной компенсации. Под лингвокультурной

компенсацией мы вслед за Лэти и Редером понимаем совокупность приемов, позволяющих восполнить неизбежные потери, связанные с непереводаемостью игры слов, за счет активизации иных ресурсов языка перевода и адаптации к культурному контексту целевой аудитории (Lathey 2006, с.105; Редер 2016, с.152-155). Целью данной статьи является выявление и анализ основных стратегий лингвокультурной компенсации, используемых при переводе каламбуров в русскоязычных версиях «Винни-Пуха».

Анализ каламбуров в оригинале и стратегий их компенсации в переводе является неотъемлемой частью разбора такого рода произведений. Каламбуры в оригинальном тексте Милна можно условно разделить на несколько типов, каждый из которых требует от переводчика индивидуального подхода. Сравнительный анализ оригинала и двух наиболее известных русских переводов позволяет выделить несколько ключевых стратегий. Борис Заходер, чья версия стала канонической для русскоязычной культуры, активно применяет стратегию полного преобразования с созданием нового каламбура (Заходер 1960, с.125). Он часто отказывается от буквальной передачи английской игры слов, создавая на ее месте новую, но функционально эквивалентную, основанную на возможностях русского языка. Ярким примером является имя самого медвежонка. В оригинальном тексте: «Well, when Edward Bear said that he would like an exciting name all to himself, Christopher Robin said at once, without stopping to think, that he was Winnie-the-Pooh» (Milne 1926, с.50). В данной части мы понимаем, что это лишь его прозвище, которое ему дал Кристофер Робин. Заходер создает каламбур на русской почве: «Винни-Пух» – имя, вызывающее ассоциации с пухлым медвежонком, звукоподражанием со словом – пыхтеть и, отчасти, с пухом (Заходер 1960, с.125). Это гениальная компенсация, порождающая новый, но столь же органичный для детского восприятия образ. В версии Михайловой и Руднева используется: «Винни-Фу» (Милн 2022, с.320). Это описательный подход: имя передается так, что является транскрипцией с минимальной адаптацией и не несет той же смысловой и игровой нагрузки.

Другой распространенной стратегией, особенно у Заходера, является замена культурного кода. Переводчик переносит реалии и ассоциации в поле русской лингвокультуры. Классический пример – песня, которую Пух сочиняет, взбираясь к пчелиному улью. В оригинале: «Isn't it funny / How a bear likes honey? / Buzz! Buzz! Buzz! / I wonder why he does?» (Milne 1926, с.50). Заходер заменяет этот простой вопрос на глубоко укорененный в русском фольклоре образ: «Мишка очень любит мёд! / Почему? Кто поймёт? / В самом деле, почему / Мёд так нравится ему?» (Заходер 1960, с.125). Здесь компенсация происходит не на уровне игры слов, а на уровне культурного кода: вместо абстрактного «funny» вводится узнаваемый и любимый детский персонаж «Мишка», а сам текст становится похожим на

народную потешку. Михайлова и Руднев в этом случае стремятся быть ближе к оригиналу, но также используют рифму и ритм для компенсации игрового начала: «Не забавно ли? / Медведю подавай мёд. / Зачем он ему!» (Милн 2002, с.320).

Третья стратегия, которую можно наблюдать в обоих переводах, но с разной частотой и успешностью, – контекстуальная замена с утратой каламбура, но сохранением игровой функции. Когда прямой каламбур непередаваем, его функция (создание комического эффекта, характеристика персонажа) компенсируется за счет других средств: гиперболы, иронии, просторечной лексики. Например, в эпизоде про ловушку для «Слонопотама» (Заходер 1960, с.125) Заходер, не имея возможности обыграть имя Пуха, создает просто яркий, детский неологизм: «Слоноуловитель» (Заходер 1960, с.125), вместо оригинального слова: «Poohtrap» (Milne 1926, с.50), который выполняет ту же функцию в повествовании – демонстрирует план Пуха. Михайлова и Руднев передают это как: «Пухоловушка» (Милн 2002, с.320), что является более прямой, но менее образной калькой.

Каламбуры в «Винни-Пухе» не являются самоцелью; они выполняют ряд важных функций, которые переводчик стремится сохранить. Во-первых, это характерологическая функция: речь Пуха, насыщенная наивными и нелепыми словообразованиями, прямо характеризует его как доброго, недалекого, но изобретательного медвежонка. Заходер блестяще справляется с этой задачей, наполняя речь своего Винни-Пуха такими словами, как: «вопилки», «сопилки», «упиральник» и «шумок» (Заходер 1960, с.125). Эти окказионализмы, не имеющие прямого соответствия в оригинале, являются компенсацией на системном уровне – они создают тот же лингвистический портрет персонажа (Латышев 2001, с.214). Во-вторых, это создание комического эффекта и игровой атмосферы. Игра слов является основой юмора Милна. Переводчик, отказываясь от непередаваемого каламбура, может создать комический эффект в другом месте предложения или эпизода, используя иронию или гиперболу (Newmark 1988, с.72; Комиссаров 1990, с.79). В-третьих, каламбуры часто служат средством языковой игры и метаязыковой рефлексии, что особенно важно для детской аудитории, познающей язык (Lathey 2006, с.94). Заходер, будучи тонким знатоком детской психологии, интуитивно чувствовал это и его перевод стал не просто пересказом сюжета, а полноценной игрой с русским языком, воспитавшей не одно поколение читателей.

Проведенный анализ демонстрирует, что не существует единой универсальной стратегии для перевода каламбуров. Успех их лингвокультурной компенсации зависит от творческой интуиции переводчика, его глубокого понимания не только исходного текста, но и потенциала родного языка, а также особенностей восприятия целевой

аудитории. Сравнение переводов «Winnie-the-Pooh» на русский язык наглядно показывает два разных подхода. Стратегия Б. Заходера может быть охарактеризована как творческая адаптация, основанная на тотальной пересоздании игровой реальности на новой лингвокультурной почве. Он смело жертвует буквой оригинала, чтобы сохранить его дух – дух игры, абсурда и детской непосредственности. Его Винни-Пух стал органичной частью русской культуры именно благодаря этой смелости. Подход Т. Михайловой и В. Руднева является более сдержанным и ориентированным на максимально точную передачу исходного текста, включая его стилистические и лингвистические особенности, даже ценой некоторой потери легкости и игривости. Оба подхода имеют право на существование и демонстрируют различные пути решения фундаментальной проблемы непереводимости (Newmark 1988, с.162-165; Комиссаров 1990, с.51). В конечном счете, эффективность стратегии лингвокультурной компенсации определяется не столько технической точностью, сколько тем, удалось ли переводчику создать живой, остроумный и художественно целостный текст, способный вызвать у читателя на языке перевода тот же комплекс эмоций и ассоциаций, что и оригинал.

Литература

1. Lathey, G. The Role of Translators in Children's Literature. Invisible Storytellers. – Routledge, 2006.
2. Milne, A.A. Winnie-the-Pooh. – London: Methuen & Co. Ltd, 1926.
3. Newmark, P. A Textbook of Translation. – Prentice Hall, 1988.
4. Заходер Б. Винни-Пух и все-все-все. – М.: Детская литература, 1960.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990.
6. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.
7. Милн А. А. Винни Пух и философия обыденного языка; Дом в Медвежьем Углу /А.А. Милн; пер. с англ. Т. А. Михайловой, В. П. Руднева; аналит. ст. и коммент. В. П. Руднева. – 3-е изд., испр., доп. и перераб. – Москва: Аграф, 2002.
8. Редер О.В. Лингвокультурологическая адаптация текста при переводе (на материале переводов произведений А. Милна «Винни-Пух и все-все-все»). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66). – С. 152-155.

И. Ф. Залялетдинов

Стратегия доместикации во французском переводе произведений Дж. Роулинг

Аннотация: В статье на материале произведений Дж. Роулинг проводится анализ перевода на французский язык ономастических реалий с использованием стратегии доместикации.

Ключевые слова: стратегия перевода, художественное произведение, доместикация.

Abstract: Based on the works of J. K. Rowling, the paper analyzes the translation of onomastic realities into French using the domestication strategy.

Key words: translation strategy, artwork, domestication.

В начале XIX века немецкий учёный–лингвист Ф. Шлейермахер разделил понятие перевода на две категории: перевод, который сохраняет в себе элементы исходной культуры и не является адаптированным с лингвокультурологической точки зрения, и перевод, изменяющий оригинальную реалию так, чтобы она была понятна читателю принимающей культуры. В данном случае культурно маркированный элемент художественного произведения представляется так, как если бы он изначально существовал в рамках принимающей культуры (Шлейермахер 1813).

Позднее два данных подхода в переводческой деятельности будут оформлены в теорию, сформулированную Л. Венути, который назовёт первую стратегию перевода, которая предполагает сохранение исходного наименования произведения, – форенизацией, что будет позиционировать художественное произведение как элемент иностранной культуры, а вторую стратегию – доместикацией, предполагающей адаптацию, прежде всего, лингвокультурологического компонента, играющего важную роль в интерпретации произведения. Трансформации в рамках данной стратегии будут подвергнуты реалии оригинального произведения, смыслообразующие топонимы, «говорящие» имена и фамилии (Venuti 2017, с. 10). Согласно Л. Венути, одна и та же стратегия перевода может быть реализована разными способами перевода: калькированным переводом, контекстуальным переводом, транслитерацией. Известный переводовед А.Г. Витренко связывает стратегию перевода и процесс перевода, подкрепляя свою мысль идеей о том, что стратегия не есть исключительно совокупность приемов, а план действий переводчика, который может быть как осознанным, так и неосознанным (Витренко 2008, с. 5).

Транслитерация соответствует стратегии доместикации в том случае, когда исходное наименование не содержит ни в лингвистическом, ни в культурологическом плане каких-либо чужеродных для принимающей культуры элементов (Агеева 2019, с.18). Что касается произведений Дж. Роулинг, то в них содержатся реалии, являющиеся галлицизмами, поэтому их передача способом транслитерации не может воспрепятствовать интерпретации наименования франкофонами. Например: Beaubatons (англ.) – Beaubatons (фр.) Использование галлицизма в оригинальном произведении обусловлено семантическим компонентом, который способствует раскрытию одновременно двух авторских интенций: во-первых, в названии «beaubatons», переводящимся с французского как «красивые палочки», имеется отсылка к тому, что учащимися данной

школы являются преимущественно франкоговорящие, что следует из французского названия, а во-вторых, что большинство из них – девушки. Данная отсылка реализуется уже благодаря семантике наименования, так как перевод «красивые, изящные палочки» намекает на красоту и элегантность девушек. Передача названия способом транслитерации в данном случае обладает высокой степенью эффективности, так как позволяет в полной мере сохранить авторский замысел.

Транслитерация при переводе с английского языка на французский удовлетворяет стратегии доместикации только в том случае, когда оригинальное наименование является галлицизмом. Что касается калькированного перевода, то он полностью видоизменяет исходную реалию, при этом копируя семантическую основу оригинала.

Fluffy (англ.) – Touffu (фр.) Английская лексическая единица «fluffy» является семантически идентичной французскому слову «touffu», имеющему значение «густой, пушистый». Обе единицы построены на каламбуре, так как обозначают трехглавого пса, похожего на Цербера. Благодаря калькированному переводу в этом примере передается не только значение оригинального наименования, но и морфологическая структура за счёт сохранения аллитерации.

Professor Sprout (англ.) – Professeur Chourave (фр.) Калькированный перевод также является эффективным и при передаче антропонимов, однако лишь в том случае, когда в оригинальном наименовании заложен важный семантический подтекст, который раскрывает образ персонажа произведения. При переводе этого антропонима переводчик Ж. Менар прибегает к аналитическому переводу, так как оригинальная лексическая единица «sprout» в английском языке многозначна. Из множества потенциальных вариантов Ж. Менар выбирает «Chourave», что означает «кольяби». Данное решение объясняется тем, что этот сорт капусты является одним из самых распространенных во Франции, поэтому калькированный перевод реализует стратегию доместикации.

Следующим способом перевода, воплощающим стратегию доместикации в художественном произведении, является модуляция. В отличие от калькированного перевода при модуляции переводчиком за основу берётся иной образ, чем тот, что фигурирует в оригинальном произведении. Происходить это может по разным причинам: лингвистическим, которые не позволяют столь компактно передать образ средствами переводного языка, или семантическим, не раскрывающим суть образа в силу культурных или языковых различий.

Muggle (англ.) – moldu (фр.) Оригинальное наименование «muggle», взятое вне контекста и без объяснения, не раскрывает сути понятия. Использованное во французском переводе название «moldu» восходит к выражению «tou de bulbe», означающему «мягко в голове». Хотя данный перевод и не отражает всей семантической полноты оригинального

названия, но формирует явный коннотативный перевес в негативную сторону, намекая на отсутствие способностей волшебников у маглов.

Ещё один пример переводческого переосмысления, созданного при помощи модуляции: Mrs Norris (англ.) – Mrs. Teigne (фр.). В данном случае речь идёт об имени животного – кошки. Если в оригинале автор предлагает довольно нейтральное имя Mrs. Norris, то во французском переводе соответствие имеет яркую коннотативную окраску – Mrs. Teigne. Сама лексическая единица «teigne» с французского переводится как «лишай, парша» – переводчик вновь добавляет негативную коннотацию, что является эффективным с точки зрения понимания контекста произведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что стратегия доместикации может реализовываться разными путями: благодаря транслитерации, калькированному переводу, модуляции. Транслитерация эффективна в том случае, если оригинальное наименование содержит отсылку к принимающей культуре или происходит из языка, на который осуществляется перевод. Калькирование позволяет передавать средствами переводного языка суть оригинальной реалии без семантических потерь и используется при переводе «говорящих» имён и фамилий или культурно маркированных элементов. Что касается модуляции, то при ее использовании переводчик видоизменяет оригинальный базисный образ и заменяет его на адаптированный для читателей принимающей культуры. В переводах работ Дж. Роулинг этот способ реализуется при передаче реалий, значения которых в оригинале выводятся исключительно из контекста и требуют адаптации в переводе.

Литература

1. Агеева А. В. Конвергентно-дивергентные характеристики романского пласта в языке русской художественной литературы XIX-XXI вв.: дис. ... д-ра филол. наук. – Чебоксары, 2019.
2. Витренко А.Г. О "стратегии перевода" // Вестник Московского университета. – 2008. – Вып. 536: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода. – С. 3 – 10.
3. Шлейермахер Ф. Лекция «О различных методах перевода» – 1813 г.// Вестник Московского университета. Сер.9: Филология. – 2000. – № 2. – С. 13 – 25.
4. Venuti Lawrence The Translator's Invisibility: A History of Translation – Taylor& Francis, 2017.

И.В. Побегайло, С.В. Николайчук

Перевод русской безэквивалентной лексики на итальянский и английский языки (на материале сказки П.П. Ершова «Конёк-горбунок»)

Аннотация: Статья посвящена изучению безэквивалентной лексики в сопоставительном плане с точки зрения способов ее перевода и культурной адаптации

Ключевые слова: Безэквивалентная лексика, реалии, английский язык, итальянский язык, русский язык, сопоставительное изучение.

Abstract: The paper is devoted to comparative study of non-equivalent vocabulary in terms of ways of its translation and cultural adaptation.

Key words: Non-equivalent vocabulary, realities, English, Italian, Russian, comparative study.

Межкультурное взаимодействие до сих пор остается одной из самых актуальных тем в современном обществе. Нередко безэквивалентная лексика (в дальнейшем БЭЛ) становится своеобразным барьером в процессе межкультурной общении. Следовательно, изучение путей преодоления этого барьера является необходимым для успешной межкультурной коммуникации. Целью исследование является изучение способов перевода БЭЛ с русского на итальянский и английский языки. Материалом исследования послужила русская сказка П.П.Ершова «Конек-горбунок» и её италоязычная и англоязычная версии. Перевод на итальянский язык был выполнен Тюленевой Татьяной Евгеньевной, председателем правления ассоциации гидов-переводчиков Санкт-Петербурга. Автором перевода на английский является Лев Моисеевич Зеликов (в некоторых источниках он публиковался под псевдонимом Louis Zelikoff) – советский переводчик, автор перевода на английский язык сказки А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане».

Сказку П.П. Ершова поистине можно считать одной из самых ярких в русской литературе, она славится великолепным слогом и необычайной образной системой, но главной ее особенностью является способность в полной мере показать русский фольклор. Но именно этот колорит и является причиной наличия в этой сказке БЭЛ, передача которой на другие языки может вызывать некоторые трудности. Так, например, перевод слов «старинушка» и «детина». Согласно словарю С.И. Ожегова, в народной словесности «старинушка» – это ласковое обращение к старику, мужчине, достигшему старости (Ожегов 1989, с. 761). Хотя одним из значений слова «старинушка» является «старик», из-за своей эмоциональной окраски оно является лакуной во многих языках. «Детина» – разговорное обращение крослому и сильному молодому мужчине (Ожегов 1989, с. 166). Ср.:

1. Жил старик в одном селе. У старинушки три сына: Старший умный был детина, ... (Ершов 1974, с. 5).

2. ... stava un vecchio in un paese. Egli aveva tre figliuoli il maggior bravo ragazzo, ... (Ershov 2014, с. 9).

3. Lived a peasant weak and old. Of his sons – and he had three Eldest sharp was as could be (Yershov 1980, с. 3).

На итальянский язык значение «старинушка» передается путем замены на местоимение мужского рода – «egli», отсылая к существительному мужского рода «старик» – «un vecchio» в предыдущем предложении, для перевода которого был использован прием подбора соответствия-аналога,

но при этом эмоциональная окраска исходного слова была утрачена. Слово «*детина*» является разговорным и является лакуной в итальянском языке, поскольку не имеет разговорного эквивалента. Переводчик решил передать данное слово описательным способом с помощью итальянского качественного прилагательного и существительного: «*bravo ragazzo*».

В английском переводе был применен описательный метод. Для передачи значения слова «*старинушка*» переводчик воспользовался двумя прилагательными: «*weak and old*» – дословно «*немогущий и пожилой*», но при этом также наблюдается нейтрализация значения, т.е. отсутствие дополнительной эмоциональной окраски. Значение слова «*детина*» передается с помощью конструкции: «*sharp was as could be*» – дословно «*бойкий/резкий, насколько это возможно*».

В следующем отрывке примечательны слова «*лубок*» – «*липовая доска, на которой гравировалась картинка*» и «*малахай*»: – «*род старинной крестьянской одежды – широкий кафтан без пояса*» (Ожегов 1989, с.333). Ср.:

1. «*Послушай, Побегай в дозор, Ванюша. Я куплю тебе лубков, Дам гороху и бобов. Тут Иван с печи слезает, Малахай свой надевает, ...*» (Ершов 1974, с. 8).

2. «*Senti qua, Vània, vai a perlustrare, roba nuova comprerò fave e ceci ti darò. Ed allora Ivàn discende, Il pastrano mette sù ed il pan nella saccoccia, ...*» (Ershov 2014, с.14-15).

3. «*Go on watch, and if you do, This is what I'll do for you: I shall give you beans and peas, And some pictures, if you please. At these words, Ivan climbed down, Donned his coat of russet brown, ...*» (Yershov 1980, с.9).

На итальянский язык первое слово передается с помощью приема генерализации – «*roba*» имеет более широкое значение, чем «*лубок*». Согласно словарю В.Л. Арефьева, слово «*roba*» обозначает «*вещь, материю и произведение искусства*» (Арефьев 2013, с.240). Помимо этого, «*roba*» обозначает любую материальную вещь, которой обладает человек (<https://www.treccani.it/vocabolario/roba/>). Для слова «*малахай*» был подобран схожий по значению аналог «*il pastrano*», в упомянутых выше словарях ему дается определение «*мужское пальто*» (Арефьев 2013, с.190). Такую одежду ранее носили преимущественно кучера и слуги (<https://www.treccani.it/vocabolario/pastrano/>).

В англоязычной версии имеется еще один пример перевода реалии с помощью подбора аналога-соответствия. Переводчик сохраняет смысл оригинального слова «*лубки*» путем нахождения ему соответствия в другом языке – «*pictures*» («*картинки, изображения*»). Следует отметить, что подобранное слово не отражает то, из какого материала «*лубки*» изготавливаются, хотя и передает общий смысл. Для перевода второй реалии был применен описательный метод: «*малахай*» – «*coat of russet brown*». В действительности «*coat*» в английском языке, равно как и

исходное русское слово, обозначает верхнюю одежду, подобную пиджаку, куртке или жакету (Мюллер 2016, с.89). Таким образом, переводчику удалось не только передать заложенный смысл, но и охарактеризовать подобранное слово с точки зрения цвета: «*russet brown*» – «*красно-коричневый*» (Мюллер 2016, с.382) – достаточно немного углубиться в изучение старинной русской одежды, чтобы узнать, что «*малахай*» был преимущественно красно-коричневого цвета.

В продолжение данной тематики рассмотрим перевод названия старинной обуви, а именно «*лапти*». В прошлом так называли крестьянскую обувь, сплетенную из лыка (Ожегов 1989, с.319). При переводе на итальянский и английский языки был применен прием генерализации, т.е. замена слова «*лапти*» на другое, обозначающее более широкую категорию предметов одежды: в итальянском переводе «*stivali*», что значит «*обувь, сапоги*», а в английском реалии «*laniti*» и «*малахай*» объединены в общую категорию «*одежда*» – «*clothes*». Ср.:

1. «*А Иван наш, не снимая ни лаптей, ни малахая,...*» (Ершов 1974, с.13).
2. «*Ed Ivàn, senza levarsi nè stivali, nè pastrano,...*» (Ershov 2014, с.19).
3. «*But Ivan, with heedless air, Climbed up on the oven, where, Lying down in all his clothes, ...*» (Yershov 1980, с.14).

В следующем фрагменте проанализируем передачу значения слова «*ендовой*» и выражения «*постучали ендовой*». «*Ендова*» – это большая открытая округлая посуда, часто медная или деревянная, в которой в старину на Руси подавали вино и другие алкогольные напитки (Ожегов 1989, с.190). А фраза «*постучали ендовой*» может означать «*выпили алкоголь из ендовы*». Ср.:

1. «*Два же брата между тем Деньги царски получили, В опояски их зашили, Постучали ендовой И отправились домой*» (Ершов 1974, с.24).
2. «*Nel frattempo, I due fratelli, ricevute la palanche, le han cucite sopra l'anche ed avendo ben bevuto se ne son tornati a casa*» (Ershov 2014, с. 45-46).
3. «*As for his two brothers, they Stowed the silver safe away In their belts; then, in high feather, Had a drink or two together And rode home in glee; once here*» (Yershov 1980, с.21).

Выражение «*постучали ендовой*» при переводе передается путем описания: в итальянском языке «*avendo ben bevuto*» – дословно «*хорошо выпив*», в английском языке путем описания значения: – «*had a drink or two*» – дословно: «*выпили немного*». При этом уточнение, из какой именно посуды пили, в обоих переводах опускается.

Выделим еще два слова из русской сказки: «*трепак*» и «*вприсядку*». «*Трепак*» – это русский народный танец с дробным притопыванием, а «*вприсядку*» – наречие, обозначающее танцевальное движение – приседания с попеременным выбрасыванием ног (Ожегов 1989, с.807).

Ср.:

1. *И под песню дурака Кони пляшут **трепенака**; А конек его – горбатко – Так и ломится **вприсядку**, К удивленью людям всем*» (Ершов 1974, с. 23).

2. *Ed al canto di Vania i cavalli straordinari forte ballano **il tropak***, e il Koniok tutto si torce per ben fare **la prisiadka*** sorprendendo tutti quanti.*

**Il «tropak» è una danza popolare russa, prevalentemente maschile, molto caratteristica e vivacissima.*

**La «prisiadka» è una figura che fa parte di quasi tutte le danze russe, è quando il cavaliere Abbattendosi quasi fino a terra lancia le gambe a destra e a sinistra con rapidità»* (Ershov 2014, с. 45).

3. *Followed by his steeds a-prancing And his humpbacked horse a-dancing To the rhythm of his song, And the marvel of the throng»* (Yershov 1980, с. 21).

В итальянском языке, переводчик передал их путем транскрибирования: «*il tropak*» и «*la prisiadka*», добавив при этом сноску-пояснение, т.е. использовал прием описательного перевода. Стоит обратить также внимание, что при транскрибировании была опущена приставка «в» у второго слова, каждое из слов изменило свою падежную форму и перешло в форму именительного падежа.

В английском языке путем описания было подобрано причастие «*prancing*», которое отражает заложенный во фразе смысл: «гарцующие; пританцовывающие» лошади (Мюллер 2016, с.338). В английском языке не имеется наречия, эквивалентного по значению лакуне «вприсядку», поэтому перевод осуществлялся описательно, с использованием причастия «*dancing*» – «танцующий».

В ходе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа было выявлено, что при переводе сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок» как на итальянский, так и на английский язык для передачи безэквивалентной лексики используются приемы описания, подбора соответствия-аналога, генерализации. В некоторых случаях наблюдается комбинирование различных способов перевода. Это может включать использование описания наряду с частичным аналогом-соответствием или адаптацией, что позволяет более гибко и точно передать сложные и многозначные элементы исходного текста. Такая комплексная стратегия говорит о высоком профессионализме переводчиков, которые стремятся к максимальной точности и культурной адаптации перевода.

Литература

1. Ershov P.P. Il Cavallino Gobbo. – СПб.: Медный всадник, 2014.
2. Vocabolario / Treccani : [сайт]. – URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения: 31.05.2024).
3. Yershov P.P. The little humpbacked horse. – М.: Прогресс, 1980.
4. Апрефьев В.Л. Итальянско-русский, русско-итальянский универсальный словарь с грамматическим приложением. – М.: Вече, 2013.
5. Ершов П.П. Конек-горбунок. – М.: Советская Россия, 1974.

6. Мюллер В.К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов. – М.: АСТ, 2016.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1989.

У. Сайгынар, Н.А. Козельская

Сравнения как маркер идиостиля Ф.М. Достоевского в аспекте перевода (на материале повести «Белые ночи»)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода образных сравнений в повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи». Выявлены такие стратегии, как прямой перевод, замена образа, модификация основания сравнения, устранение сравнения и другие.

Ключевые слова: перевод, образное сравнение, стратегия перевода.

Abstract: The paper examines the peculiarities of translation of figurative comparisons in "White Nights" by F.M. Dostoevsky. It identifies such strategies as direct translation, replacement of the image, modification of the basis of the comparison, elimination of the comparison, and others.

Key words: translation, figurative comparison, translation strategy.

Перевод образных средств языка, а в частности, сравнений – одна из самых сложных и интересных задач для переводчиков художественного текста. Сравнения не просто делают текст более выразительным, они являются важным средством **создания образа, углубления смысла, создания эмоционального настроения**, становясь отличительной чертой идиостиля автора. Неудивительно, что перевод этого тропа представляет реальную сложность, а возможность его передачи на другой язык часто определяется квалификацией переводчика и принципами, которым он следует в своей работе.

Как подчеркивает Е.Б. Дзапарова : «При переводе сравнительных оборотов переводчик сталкивается с рядом задач: достоверно передать денотат оригинала, прагматическое значение, национальную специфику оборота. Сохранить подобное триединство при передаче сравнительных оборотов – значит добиться нужной стилистической адекватности и тождественного оригиналу эффекта» (Дзапарова 2016, с.117).

В плане исследования перевода повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» на турецкий язык, мы обратились к рассмотрению особенностей перевода образных сравнений в произведении с целью выявления переводческих стратегий, используемых переводчиком Сабри Гюресом (Dostoyevski 2009).

В результате сопоставительного анализа оригинала и его перевода на турецкий язык были выявлены следующие способы передачи на турецкий язык образных сравнений.

1. Перевод, сохраняющий образ сравнения.

Рассмотрим примеры.

– *Она сначала отвернула от меня свое личико, **покраснела, как роза.***

Турецкая лексема *gül* (роза) воспроизводит образ сравнения без семантических смещений, а глагольная форма *kızardı* точно передает значение русского *покраснела*.

В числе точно переданных переводчиком сравнений также такие: *шла как ветер, брожу как тень, горячая как огонь, мечты осыплются как желтые листья с деревьев.*

Однако само по себе сохранение образа сравнения еще не обеспечивает точность перевода с точки зрения создания целостного образа, адекватного ситуации, как это происходит в следующих примерах:

– *Сердце мое **трепетало, как у пойманной птички.*** – букв. перевод : *Моё сердце трепетало, как у пойманной птицы.*

Перевод сохраняет образ сравнения и его синтаксическую организацию, но утрачивает часть эмоциональной экспрессии, которую выражает русская уменьшительная форма. Образ в турецком тексте приобретает более нейтральный и описательный характер.

– *Но она едва подала ему руку, едва бросилась в его объятия, как вдруг снова обернулась ко мне, очутилась подле меня, **как ветер, как молния**, и, прежде чем успел я опомниться, обхватила мою шею обеими руками и крепко, горячо поцеловала меня.*

В турецком переводе двойное сравнение *как ветер, как молния* передано буквально. Вместе с тем происходит синтаксическое перераспределение динамики. Русское *очутилась подле меня* представляет результат внезапного перемещения, тогда как турецкое *dibimde bitti* (*оказалась прямо возле меня*, буквально: *выросла у меня под боком*) придает разговорный оттенок и сообщает сцене более резкую, телесно-близкую конкретность.

В целом в семантике переданных без изменений образов сравнений преобладают объекты, относящиеся к миру природы, близкие и понятные носителям русского и турецкого языков.

2. Перевод с модификацией образа сравнения

В эту подгруппу вошли примеры, в которых образ сравнения претерпевает незначительные изменения, которые, тем не менее, влияют на создание того или иного художественного образа. Приведем примеры.

— < ... > *я решила сегодня, что вы еще мне совсем неизвестны, что я вчера поступила **как ребенок, как девочка**, и, разумеется, вышло так, что всему виновато мое доброе сердце...* – букв. перевод: < ... > *поступила как ребенок, маленькая девочка* < ... >.

Формально двойное сравнение передается в переводе. Однако при этом между компонентами возникает семантическое перераспределение: если в русском тексте *ребенок* и *девочка* функционируют как два самостоятельных, равноправных образа, подчеркивающих наивность и

инфантильность поведения героини, то в турецком варианте *küçük bir kız* (девочка) уточняет и конкретизирует *çocuk* (ребенок), устанавливая родовидовые отношения между словами.

Добавление прилагательного *küçük* (маленькая) усиливает параметр возраста, но одновременно сужает образ, переводя его из сферы оценки поведения в более конкретную возрастную характеристику. Русское сравнение *как ребенок, как девочка* несёт оттенок самоиронии и эмоциональной самокритики, тогда как турецкий вариант смещается в сторону описательного объяснения поведения.

— *Селится он большею частью где-нибудь в неприступном углу, < ... > и уж если заберется к себе, то так и **прирастает** к своему углу, как улитка, или, по крайней мере, он очень **похож** в этом отношении на то занимательное животное, которое и животное и дом вместе, которое называется черепахой.*

Ключевое сравнение *как улитка* передано выражением *sümüklüböcek gibi*. Лексема *sümüklüböcek* в турецком языке обозначает слизня, а не улитку, что приводит к семантическому смещению образа. В отличие от улитки, ассоциируемой с наличием «дома», слизень не несёт образа жилища. Следующее сопоставление с черепахой, которая является одновременно «животным и домом», передано буквально, но оно уже утрачивает логическую связь с первым образом. В результате сравнения сохраняются на уровне общего смысла, однако их ассоциативная и экспрессивная сложность оказывается сниженной.

— *< ... > а я все еще стою на половине лестницы, **красная как вишня**.*

В переводе лексема *vişne* (вишня) воспроизводит источник сопоставления без семантической замены, сохраняя цветовую основу образа. Вместе с тем сравнение интенсифицируется за счёт добавления усилителя *kırkırtızı* (пунцово-красная, ярко-красная). В русском тексте признак *красная* актуализируется через образ сравнения, тогда как в турецком он усиливается лексически. Это приводит к смещению акцента с образной ассоциации на прямое обозначение интенсивности цвета.

3. Перевод с модификацией основания сравнения

— *Полноте, не клянитесь, я ведь знаю, вы **способны вспыхнуть, как порох**.*

Русское *вспыхнуть* акцентирует мгновенность и внезапность эмоциональной реакции. В турецком переводе используется конструкция *patlamaya hazırınız* (вы готовы взорваться), которая усиливает значение потенциальной агрессивности. Лексема *patlamak* (взорваться) представляет более сильный и грубый образ по сравнению со *вспыхнуть*, что приводит к интенсификации сравнения.

— *Она крепко сжала мне обе руки, кивнула головой и **мелькнула, как стрела**, в свой переулоч.*

В турецком переводе лексема *ok* (стрела) воспроизводит источник сравнения без семантической замены, сохраняя направленность образа на быстроту и стремительность движения. Вместе с тем происходит глагольная трансформация, влияющая на характер образа. Русское *мелькнула* акцентирует мгновенность и зрительную неуловимость действия, передавая эффект краткого, почти исчезающего движения. Турецкий глагол *dalmak* (нырнуть, ринуться, резко войти) смещает акцент с визуальной мимолётности на энергичное вторжение в пространство. В результате сравнение приобретает более телесно-динамический характер.

– И напрасно мечтатель **роется, как в золе, в своих старых мечтаниях**, ища в этой золе хоть какой-нибудь искорки, чтоб раздуть ее...

В турецком переводе базовое сравнение *роется, как в золе* передано конструкцией *külleri karıştırır gibi* (словно перемешивает пепел), что формально сохраняет сравнительную модель с показателем *gibi* (как) и воспроизводит образную основу. Однако глагол *karıştırmak* (мешать, перемешивать) смещает акцент с поискового действия на механическое движение, тогда как русское *роется* подразумевает настойчивое, целенаправленное исследование. В результате происходит ослабление семантики напряжённого поиска.

– < > теперь в моей голове открылись тысячи клапанов, и я должен **пролиться рекою слов**, не то я задохнусь.

Сравнительная конструкция *пролиться рекою слов* в турецком тексте трансформируется в выражение *sözcükler nehrini boşaltmak* (опорожнить реку слов). Здесь происходит изменение образной динамики: русское *пролиться* акцентирует спонтанное, неконтролируемое излияние, тогда как турецкое *boşaltmak* (опорожнить, слить) вводит значение целенаправленного действия и контроля. Таким образом, в сравнении утрачивается семантика стихийности и приобретает оттенок волевого управления речевым потоком.

4. Перевод с заменой образа

– Теперь, милая Настенька, теперь **похож на дух царя Соломона**, который был тысячу лет в кубышке, под семью печатями, и с которого наконец сняли все эти семь печатей.

В переводе образная основа сравнения передается без замены источника, однако с лексической заменой образа, связанного с культурными различиями: царь Соломон передан как *Süleyman Peygamber* (пророк Сулейман). Это соответствует исламской традиции, но изменяет интертекстуальный статус образа, переводя его из библейско-литературного регистра в религиозно-канонический.

– В маленькой комнате царствует тишина; уединение и лень нежат воображение; оно воспламеняется слегка, слегка **закипает, как вода в кофейнике** старой Матрены...

Образ источника сравнения воспроизводится переводчиком с сохранением персонажа и бытового контекста, однако происходит лексико-культурная конкретизация: *кофейник* заменён на *kahve cezvesi* (*турка для кофе*), что типологически естественно для турецкой культуры, но изменяет предметную основу образа, делая её более узнаваемой для турецкого читателя.

Как видим, замена образа в приведенных примерах объясняется различием культурного контекста двух языков.

Есть также примеры, в которых сочетаются разные способы перевода: замена/модификация образа и модификация основания сравнения.

– *И смеясь сквозь слезы, которые, как жемчужинки, дрожали на ее черных ресницах.* – букв. перевод: *И она улыбнулась сквозь слезы, которые, словно жемчужины, собрались на ее темных ресницах.*

В турецком переводе сравнительная конструкция *как жемчужинки* передана при помощи показателя *gibi* (*как*), что формально сохраняет модель сравнения. Лексема *inciler* (*жемчужины*) воспроизводит образ источника сопоставления, однако используется без уменьшительно-ласкательной маркировки, что приводит к нейтрализации экспрессивного компонента, присутствующего в русской форме *жемчужинки*.

Существенной трансформации подвергается предикативный элемент. Русский глагол *дрожали* акцентирует хрупкость и подвижность образа, создавая зрительный эффект вибрации. В турецком тексте используется форма *birikmiş* (*накопившиеся, собравшиеся*), которая описывает статичное состояние и устраняет динамический аспект. В результате происходит смещение акцента с мгновенного впечатления на фиксированный результат.

– *Слышишь, видишь, как живут люди, – живут наяву, видишь, что жизнь для них не заказана, что их жизнь не разлетится, как сон, как видение...*

Первый образ сравнения (*сон*) передан в переводе буквально, а вместо слова *видение*, несущего оттенок призрачности и зрительной иллюзорности, переводчик использует слово *hayal* (*мечта, фантазия*), что переносит образ в ментальную сферу воображения. В результате ослабляется семантика зыбкости, неустойчивости, присутствующая в исходном тексте.

Существенная трансформация затрагивает и глагольный компонент. Русское *не разлетится* акцентирует внезапность и необратимость исчезновения, создавая образ резкого распада. Турецкое *uçar gitmiyor* (*не улетает, не исчезает*) сохраняет значение утраты, но представляет процесс как более плавный и постепенный, что приводит к смягчению драматизма сравнения.

5. Устранение сравнения

– «Странно! – подумал я, – верно, она о чем-нибудь очень задумалась», и вдруг я **остановился как вкопанный**.

Устойчивое сравнение *остановился как вкопанный* передан выражением *olduğım yerde donakaldım* (букв.: *оцепенел на том месте, где стоял*), которое в турецком языке означает резкую неподвижность, вызванную удивлением или шоком. Перевод сохраняет основную семантику – мгновенную остановку и полное обездвижение, – хотя образная основа меняется: русский фразеологизм содержит мотив «вкапывания» в землю, тогда как турецкое *donakalmak* передаёт состояние оцепенения, «замерзания». Несмотря на различие образов, функциональная эквивалентность сохраняется.

6. Перевод с введением своего образа сравнения

— Я как услышала, побледнела и **упала как мертвая**.

Сравнение *как мертвая* передано сочетанием *ölü gibi*, что представляет собой прямое лексическое соответствие и сохраняет образную основу. Однако выбор глагола *çöktüm* (*рухнула*) вместо нейтрального *упала* усиливает физический аспект действия и придаёт сцене более резкую динамику.

Интересен перевод глагола *побледнела* – он переведен сравнительным оборотом *yüzüm kireç gibi oldu* (*моё лицо стало как мел*). При этом происходит замена образа источника сравнения: русское описание фиксирует сам факт изменения цвета лица без конкретизации образной базы, тогда как турецкий вариант вводит устойчивое сравнение с мелом как эталоном белого цвета. Это приводит к усилению наглядности образа, но одновременно смещает сравнение в сторону клишированного, общезыкового оборота.

Подводя итог, отметим, что переводчик С. Гюрсес очень бережно подошел к переводу сравнений в повести «Белые ночи». Значительная доля примеров данного тропа переведена с сохранением образов сравнения, которые отличают идиостиль писателя. Вместе с тем выявлены некоторые структурные изменения, замена образов и модификация основания сравнения, которые ведут к снижению ассоциативной и экспрессивной сложности тропа. Использование других стратегий, кроме прямого перевода, у переводчика чаще всего мотивировано грамматической спецификой турецкого языка или разницей в культурном контексте.

Литература

1. Дзапарова Е. Б. Передача сравнительных конструкций оригинала на язык перевода: специфика переводческих стратегий // Известия СОИГСИ. – 2016. – № 20 (59). – С. 117-126.
2. Dostoyevski F.M. Beyaz Geceler [Текст] / пер. с рус. Sabri Gürses. – İstanbul: Can Sanat Yayınları A.Ş., 2009.

Содержание

Раздел 1. Вопросы теории сопоставительных исследований

Стернина М.А. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж) Шкалирование как инструмент выявления национальной специфики семантики	3
Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. (Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск) Полиязычный словарь «БРИКС: дискурсивные метафоры»: новый вектор развития сопоставительной лексикографии	9
Колтакова С.В., Малыхина Н.И. (Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж) К вопросу о методике анализа консубстанциональных слов	12
Дьяконова Е.А. (Центр иностранных языков «Coshko», г. Москва), Акимкина И.В. (Школа-интернат для глухих детей № 65, г. Москва) Сопоставление языковых личностей нормотипичного и глухого носителей русского языка на основе коммуникативной модели языковой личности	17

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

Бабушкин А.П. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж) Названия профессий в составе устойчивых русских и английских выражений (сопоставительный аспект)	21
Гафарова М.Х. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж) Развитие коннотативной полисемии сопоставимых лексем в русском и английском языках <i>хороший</i> и <i>good</i>	26
Епринцева Ю.Н. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж) Сопоставительный анализ фразеологизмов-зоонимов в русском и французском языках	32
Ермаков С.А. (Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж) Диакронический анализ лексики на примере повествовательных текстов	36

Лукина Л.В. (<i>Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж</i>) Описание национальной специфики лексической единицы «выговор» в русском и английском языках	40
Манюхина А.М. (<i>Аэрокосмический лицей, г. Химки</i>) Сопоставительное исследование семантики однокоренных лексем <i>неуч</i> и <i>неук</i> в русском языке	45
Меркулова И.А. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Лексема <i>вода</i> в ромбовой части инославяно-русских словарей	48
Нервная Н.А. (<i>Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж</i>) Контрастивный анализ лексемы «укрепление» в русском и английском языках	53
Пороткова Н.А. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Описание национальной специфики семантического развития лексем с помощью сопоставительно-параметрического метода	58
Рычкова Л.В. (<i>Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь</i>) <i>Туристский и туристический</i> : синонимы или паронимы?	64
Стародворцев Н.Р. (<i>Киреевская Центральная районная библиотека, г. Киреевск</i>) Гастрономическая лексика тульских говоров в сопоставительном и лингвокультурологическом аспектах	67
Федосова В.И. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Национальная специфика наименований группы лиц, готовящихся вступить в семейные отношения, в русском и английском языках	72

Раздел 3. Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

Дьякова Е.Ю. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Лингвистические особенности использования стратегии социального брендинга для продвижения британских и российских сетей супермаркетов в сопоставительном аспекте	78
---	----

Пильщикова О.А. (<i>Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону</i>) Открытые и закрытые вопросы в испанском адвокатском дискурсе: опыт сравнительного анализа	84
Свиридова О.В. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Коммуникативное поведение американских политиков в контексте предвыборных теледебатов в сопоставительном аспекте	89
Северина Е.А. (<i>Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов</i>) Лингвокультурные особенности категоризации сверхъестественных существ в русском и английском языках	94
Сибиркина А.А. (<i>г. Нижний Новгород</i>) Эволюция статуса австралийского варианта английского языка: от колониальной «порчи» к национальному стандарту	98
Хайдарова Д.А. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Особенности институциональной жалобы в британской и русской лингвокультурах	102
Шамсутдинова А.А., Кудинова Г.Ф. (<i>Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа</i>) Сопоставительный анализ репрезентации образа России в учебниках РКИ разных лингвокультур	109

Раздел 4. Сопоставительные исследования в психолингвистике

Барабушка И.А., Кривенко Л.А. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Особенности восприятия урбанистической семантики субординативными билингвами на русском и английском языках	111
Гавриш О.А., Рудакова А.В. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Инициальные аббревиатуры ФБР и FBI в языковом сознании студентов (сопоставительный аспект)	116
Селезнева К.О. (<i>Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков им. А.К. Серова, г. Краснодар</i>) Лексема ПРОСВЕЩЕНИЕ в сознании носителей русского языка и лексикографических источниках	124
Утицких Д.В. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Опыт сопоставительно-параметрического описания национальной специфики структуры ассоциативных полей (на примере наименований временных периодов в русском и английском языке)	130

Раздел 5. Сопоставительные исследования текста

- Губанов С.А.** (*Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара*) Эпитет прямой в русском языке и в поэзии М. Цветаевой 133
- Кириллов С.А.** (*Воронежский государственный университет, г. Воронеж*) Языковая и речевая системность текста «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова». Лингвистика и стилистика текста 137
- Черникова А.М.** (*Воронежский государственный университет, г. Воронеж*) Креолизованный текст карикатуры в военно-политическом дискурсе России, США и Великобритании 144

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области грамматики и словообразования

- Дмитриенко Е.В.** (*Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск*) Парадигматико-синтагматическая обусловленность девиантов в английском и немецком языках 149
- Родина Д.Г.** (*Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск*) Словообразовательные модели спортивных английских и немецких неологизмов в СМИ 152
- Фаткулин Б.Г.** (*Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознамённое командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова Министерства обороны Российской Федерации, г. Рязань*) Лингводидактические основы переподготовки преподавателя персидского языка на язык пушту: контрастивный подход к родственным грамматическим системам 158

Раздел 7. Сопоставительные исследования и перевод

- Борисова Л.М.** (*Воронежский государственный университет, г. Воронеж*) Об особенностях перевода глаголов речи с русского языка на немецкий в художественном дискурсе (на материале романа А. Битова «Пушкинский дом») 163

Ерофеева А.А. (<i>Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал</i>) Стратегии лингвокультурной компенсации при переводе каламбуров (на материале оригинала «Винни-пуха» А. Милна и его русских версий)	169
Залялетдинов И.Ф. (<i>Казанский Федеральный университет, г. Казань</i>) Стратегия доместикации во французском переводе произведений Дж. Роулинг	172
Побегайло И.В., Николайчук С.В. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Перевод русской безэквивалентной лексики на итальянский и английский языки (на материале сказки П.П. Ершова «Конёк-горбунок»)	175
Сайгынар У., Козельская Н.А. (<i>Воронежский государственный университет, г. Воронеж</i>) Сравнения как маркер идиостиля Ф.М. Достоевского в аспекте перевода (на материале повести «Белые ночи»)	180
Содержание	186

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 04.02.2026. Формат 60х84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,0 Тираж 300 экз. Заказ № 410

Текст и иллюстрации предоставлены автором.

Текст печатается в авторской редакции.

119017, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 4/12 стр. 1, помещ. 2/п

Отпечатано в типографии ООО «РИТМ»